КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

А. В Пѣшехоновъ.

Къ вопросу объ интеллигенціи.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская, д. № 31.
1906.

Pieshekhonov, A.V.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

А. В. Пѣшехоновъ

Къ вопросу объ интеллигенціи.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская, д. № 34.
1906.

Делегаты темнаго царства.

1900 г.

Міръ ремесленниковъ — одинъ изъ самыхъ темныхъ уголковъ русской жизни. Теменъ онъ себѣ — отъ насквозь проникающаго его невѣжества и „звѣриной правды“ сложившихся въ немъ отношеній; теменъ онъ и для другихъ — благодаря отсутствію освѣщающихъ его изслѣдованій и недостатку воспроизводящихъ ремесленную жизнь художественныхъ описаній. Темный и забытый это міръ. Если до сихъ поръ онъ не могъ похвалиться избыткомъ общественнаго вниманія къ себѣ, то еще меньше онъ можетъ гордиться избыткомъ законодательнаго о себѣ попеченія. Правда, и для ремесленной промышленности имѣется „уставъ“, въ который еще 100 лѣтъ тому назадъ вписаны нормы, долженствующія регулировать отношенія въ ремесленномъ мірѣ. Но жизнь не знала и не знаетъ этого устава, по крайней мѣрѣ, въ лучшихъ его частяхъ.

„Ремесленные рабочіе часы въ суткахъ, говорится въ 431 ст. ремесленнаго устава, суть отъ 6-ти часовъ утра до 6-ти часовъ вечера, исключая полчаса на завтракъ и полтора часа на обѣдъ и отдыхъ“. Но кто же не знаетъ, какъ часто фактическій рабочій день въ мастерскихъ длиннѣе этого десятичасового максимума, установленнаго въ законѣ? Ремесленный уставъ воспрещаетъ ремесленникамъ „продавать старое за новое или одно за другое“, но жизнь твердо держится другого правила — „не обманешь—не продашь“. Законъ запрещаетъ „торговать чужою работою“, а жизнь отвѣчаетъ на это требованіе самыми разнообразными формами эксплуатаціи чужого труда. Законъ вмѣняетъ въ обязанность

мастеру „учениковъ своихъ учить усердно и занимать должное время наукой, не принуждая ихъ домашнему его служенію и работамъ“, а жизненная практика выработала другую систему ремесленной подготовки—„побѣгушки“—и цѣлыми годами держитъ въ этомъ стажѣ добивающихся ремесленной науки. Законъ обязываетъ старшихъ „наставлять учениковъ благонравію“ и „обходиться съ ними кротко и человѣколюбиво“, а въ жизни вмѣсто кротости и человѣколюбія царятъ зуботычины и подзатыльники и вмѣсто благонравныхъ наставленій—несмолкаемые окрики...

I.

Недавно лучъ публичности освѣтилъ для общества свыше тысячи характерныхъ ремесленныхъ физіономій, собравшихся на первый всероссійскій ремесленный съѣздъ, созванный по иниціативѣ „общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“. Не долго пробыли на публикѣ „делегаты отъ темнаго царства“, но и въ недѣльный срокъ они успѣли приковать къ себѣ общее вниманіе и глубоко взволновать общественную среду. Чтобы передать впечатлѣнія, оставленныя ремесленнымъ съѣздомъ, мы не будемъ перечислять принятыя имъ постановленія. Нѣкоторыя резолюціи были „спасены“ посредствомъ различныхъ уловокъ или проведены подъ шумъ царившаго на съѣздѣ гвалта... Неожиданное по силѣ впечатлѣніе, оставленное ремесленнымъ съѣздомъ, во всякомъ случаѣ обусловлено не резолюціями, происхожденіе которыхъ подчасъ сомнительно и судьба неизвѣстна, а выросшей въ нѣдрахъ темнаго царства силой, заявившей о себѣ публично. Для характеристики этой силы достаточно передать нѣсколько наиболѣе яркихъ эпизодовъ, разыгравшихся на съѣздѣ.

Къ вопросамъ объ улучшеніи ремесленнаго быта и о лучшемъ оборудованіи ремесленнаго производства, въ цѣляхъ приданія ему большей жизнеспособности и устойчивости, господа ремесленники, собравшіеся на съѣздъ, все время относились очень холодно, а подчасъ и рѣзко враждебно. Правда, они не особенно противились высказыванію довольно многочисленныхъ пожеланій въ этомъ направленіи, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это не грозило имъ какими-либо жертвами для общаго дѣла. Если же возникалъ вопросъ объ уступкахъ, то съѣздъ немедленно превращался, вы-

ражаясь словами одного репортерскаго отчета, въ „массу крайне экспансивную, шумно выражавшую ораторамъ свое одобреніе или неодобреніе“. Не менѣе живо откликались господа ремесленники и въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ представлялась возможность произвести какой-либо захватъ по линіямъ наименьшаго сопротивленія.

Важнѣйшей изъ такихъ линій оказалась та, на которой находятся рабочіе и ученики ремесленныхъ мастерскихъ. На этой линіи господа ремесленники и проявили наибольшую энергію въ дѣлѣ нападенія и защиты отъ „теоретическихъ увлеченій“ и „интеллигентныхъ поползновеній“. „Съ неимовѣрными криками восторга“, „въ интересахъ спокойствія всего ремесленнаго сословія“ провели они резолюцію о законодательномъ увеличеніи рабочаго дня въ ремесленныхъ заведеніяхъ съ 10 до $11^{1}/_{2}$ часовъ и объ отмѣнѣ воспрещенія ночной работы въ мастерскихъ. Когда былъ поставленъ вопросъ объ ограниченіи работы хотя бы малолѣтнихъ 8-ю часами, то „произошло нѣчто неописуемое; все зало превратилось въ ораторовъ“, и предложеніе было съ трескомъ провалено. „Бурныя пренія, необыкновенныя даже на этомъ вообще очень шумномъ съѣздѣ, вынудившія предсѣдателя объявить, что онъ закроетъ собраніе, если присутствующіе не успокоятся“, вызвало предложеніе предоставить ученикамъ 6 часовъ въ недѣлю (за счетъ увеличеннаго даже рабочаго дня) для посѣщенія школы. „Выразителемъ общаго настроенія ремесленной среды явился г. Kортовичъ“, который „открыто призналъ, что ремесленники прекрасно сознаютъ необходимость образованія вообще, но они совершенно не желаютъ личными усиліями создавать себѣ же опасныхъ конкуррентовъ, которые могутъ поколебать ихъ положеніе, и потому наотрѣзъ отказываются признать необходимымъ для учениковъ посѣщеніе профессіональныхъ школъ въ будничное время“. „Собраніе наградило оратора оглушительными аплодисментами“. „Такой же шумный восторгъ вызвалъ ремесленникъ Назаровъ, настаивавшій на томъ, что ремесленники не должны увлекаться рѣчами интеллигентныхъ членовъ съѣзда, незнакомыхъ съ ремесленнымъ бытомъ“. „Только одинъ въ этомъ хорѣ—смоленскій ремесленный старшина г. Степановъ—рѣзко разошелся со своими товарищами. Онъ уличалъ ихъ въ томъ, что всѣ ихъ жалобы на большіе расходы, чинимые для учениковъ,—выдумка, и доказывалъ, что ученики, являясь предметомъ самой безсовѣстной эксплуатаціи со

стороны ремесленниковъ, — одинъ изъ лучшихъ источниковъ дохода хозяевъ; поэтому хозяева должны для нихъ сдѣлать хоть одну уступку и посылать ихъ въ школы. Но смѣлый „новаторъ" былъ освистанъ за человѣколюбивую попытку".

Въ отвѣтъ на предложенія, внесенныя интеллигентами, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для ремесленныхъ учениковъ и объ уголовной отвѣтственности мастеровъ за ихъ истязанія, господа ремесленники изъявили согласіе поступиться правомъ, предоставленнымъ имъ 1377 ст. уложенія о наказаніяхъ, обращаться къ суду для наказанія учениковъ своихъ розгами. Этимъ правомъ они почти не пользуются и отказаться отъ него они согласны, но съ тѣмъ, чтобы въ ихъ распоряженіи были оставлены „мѣры домашняго исправленія". На защиту этихъ домашнихъ мѣръ—розги и зуботычинъ безъ суда — возсталъ петербургскій ремесленникъ Волковъ. „Онъ говорилъ плавно, долго и съ какимъ-то страстнымъ проникновеніемъ. Такъ говорятъ маніаки и фанатики". „Онъ краснорѣчиво уговаривалъ ремесленниковъ не увлекаться красивыми фразами и идеями и не осуждать безповоротно розгу". Предложеніе, идущее со стороны интеллигенціи, — „одна философія"; самый фактъ обращенія къ ремесленникамъ съ такимъ „незрѣлымъ и опаснымъ" предложеніемъ коробилъ оратора. „Конечно, людямъ пришлымъ, стороннимъ легко заступаться за ремесленныхъ учениковъ. Они не знаютъ и не подозрѣваютъ, сколько хозяевъ доходятъ до чахотки только благодаря ученикамъ... Постегиваніе—одно изъ главныхъ средствъ держать ремесленныхъ учениковъ въ страхѣ и послушаніи; благодаря розгамъ изъ баловниковъ выходятъ потомъ люди; запретите розги—и получится масса несчастныхъ недоучекъ, потому что хозяева, не имѣя возможности исправлять нерадивыхъ или строптивыхъ учениковъ, будутъ ихъ прямо выгонять вонъ на улицу. Не нужно, де, съ каѳедры говорить „пустяки", и не затѣмъ они, ремесленники, собрались на съѣздъ, чтобы слушать пустяки... Такой отвѣтъ интеллигентамъ „произвелъ необыкновенную сенсацію". Онъ довелъ собраніе до энтузіазма. Ремесленники наградили своего оратора оглушительными аплодисментами, которые то замирали, то вновь учащались съ новою силою. Къ г. Волкову подходили для устныхъ одобреній и рукопожатій. Защитнику постегиванія удалось, такимъ образомъ, пожать на съѣздѣ самые обильные лавры. Тріумфъ г. Вол-

кова былъ необыкновенный. Ораторъ храбро и краснорѣчиво вышелъ навстрѣчу общему затаенному настроенію—и оно вознесло его".

Для практики, опирающейся на такое затаенное, объявляющее о себѣ только въ моментъ энтузіазма, настроеніе, свѣтъ непріятенъ и опасенъ. Для ремесленниковъ важно поэтому было не только закрѣпить за собой права „постегиванія", но и оградить свои дѣйствія отъ сторонней критики и тѣмъ болѣе отъ сторонняго вмѣшательства. Чтобы „дисциплина въ ученической средѣ не подрывалась" и чтобы „соръ изъ избы не выносился", они съ жаромъ ухватились за мысль объ особыхъ ученическихъ коммиссіяхъ, которыя должны замѣнить общіе суды по разбору недоразумѣній между хозяевами и ихъ учениками. Въ преніяхъ по этому вопросу „рѣзко обнаружилось стремленіе ремесленниковъ освободиться отъ вторженія въ ихъ среду посторонних элементовъ, которые могли бы становиться на сторону беззащитныхъ учениковъ и выносить соръ изъ избы. Поэтому собраніе почти единогласно отвергло необходимость присутствія въ ученическихъ коммиссіяхъ представителей благотворительныхъ обществъ... Предполагая, что протестъ противъ представителей благотворительныхъ обществъ является плодомъ недоразумѣнія вслѣдствіе непониманія слова „патронатъ", предсѣдатель сдѣлалъ необходимое поясненіе, но оно вызвало дружный откликъ присутствовавшихъ: „вотъ его-то намъ и не надо!"

При всей приподнятости настроенія, ремесленники не теряли сообразительности. Они хорошо понимали, что безъ уступокъ, хотя бы и формальныхъ, имъ не обойтись. Профессоръ Яроцкій объяснилъ имъ, что „немотивированный отказъ отъ уступокъ поведетъ только къ тому, что къ голосу ремесленниковъ вовсе не будутъ прислушиваться". И господа ремесленники пошли на уступку духу времени: они согласились на учрежденіе инспекціи, но съ тѣмъ, чтобы „ремесленная инспекція была отдѣльною отъ фабричной и состояла изъ выборныхъ отъ ремесленниковъ". Въ своихъ „лучшихъ" людяхъ, въ томъ, что они не вынесутъ сора изъ избы, ремесленники, вѣдь, вполнѣ увѣрены. С.-Петербургскій отдѣлъ защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія заявилъ какъ-то, что ему „неизвѣстно ни одного случая, когда бы защиту интересовъ малолѣтнихъ учениковъ приняли на себя должностныя лица реме-

сленной управы, на которыхъ возложено закономъ наблюденіе за обращеніемъ хозяевъ съ ихъ учениками". Выборные изъ хозяевъ „инспектора", конечно, не пойдутъ дальше этихъ тоже выборныхъ должностныхъ лицъ.

У такой инспекціи рабочій и ученикъ, конечно, не найдутъ защиты. Но господа ремесленники предвидѣли еще одну опасность: ученикъ или подмастерье могутъ просто-на-просто сбѣжать отъ хозяина, когда имъ станетъ невтерпежъ. Съѣздъ подумалъ и объ этомъ. „Лицо, содержащее мастерскую, постановилъ онъ, виновное въ принятіи ученика, записаннаго въ ученическую книгу въ управѣ того города, въ которомъ находится мастерская виновнаго, безъ уволнительной отмѣтки мастера въ книгѣ ученика, или виновное въ принятіи подмастерья, обязаннаго договоромъ и не уволеннаго мастеромъ, наказывалось бы пенею до 100 руб., и обязано было бы возмѣстить причиненные ему убытки". Уголовная отвѣтственность нанимателя за пріемъ бѣглыхъ—это вѣдь самый надежный способъ закрѣпостить наемника: при такой отвѣтственности бояться нечего — ученику и рабочему сбѣжать будетъ некуда.

Энергичной и предусмотрительной разработкой ученическаго и рабочаго вопроса не ограничились операціи господъ ремесленниковъ на линіяхъ наименьшаго сопротивленія. Въ ремесленной средѣ оказались и другіе слабые элементы, въ сторону которыхъ представлялась возможность произвести давленіе. При этомъ господа ремесленники обнаружили удивительную чуткость къ экономическимъ и политическимъ тенденціямъ своего времени.

При данныхъ экономическихъ условіяхъ, деревня значительно слабѣе города, а деревенскій кустарь—городского производителя. И вотъ, нѣсколькими провинціальными ремесленными управами вносится въ съѣздъ предложеніе передать въ вѣдѣніе ремесленныхъ управъ тѣхъ ремеленниковъ, которые имѣютъ заведенія въ уѣздахъ или, другими словами, отдать деревню подъ начало городу и обложить опасныхъ конкуррентовъ сборами на нужды городскихъ ремесленниковъ. Въ крупныхъ преуспѣвающихъ центрахъ ремесленникамъ живется лучше, чѣмъ въ захолустныхъ городишкахъ. И вотъ, столица стремится воспользоваться съѣздомъ, чтобы еще сильнѣе придавить провинцію, крупные города—чтобы замуровать маленькіе. Въ съѣздъ было внесено предложеніе „вос-

претить совершенно ввозъ въ С.-Петербургъ готоваго платья, такъ какъ провинціальные портные, пользуясь болѣе дешевыми рабочими руками, являются опасными конкуррентами для петербургскихъ". Столицѣ осуществить такую „запретительную систему" не удалось, за то крупные города добились существеннаго ограниченія права ремесленниковъ изъ маленькихъ городовъ селиться въ крупныхъ городскихъ центрахъ и столицахъ.

Еще большую чуткость насчетъ слабыхъ въ данное время элементовъ засѣдавшіе на съѣздѣ ремесленники проявили въ вопросахъ національныхъ.

Въ Петербургѣ существуютъ двѣ ремесленныя управы: русская и иностранная. Послѣдняя стоитъ значительно выше первой и представляетъ изъ себя „вполнѣ благоустроенное и законосообразное учрежденіе, кругомъ обставленное разными вспомогательными, полезными и нужными мѣрами содѣйствія иностранной ремесленной промышленности въ столицѣ... И вотъ, достаточно было произнести на съѣздѣ наименованіе иностранной ремесленной управы, чтобы петербургскіе, а вслѣдъ за ними и другіе иногородніе ремесленники разразились шумными нападками, сейчасъ же перешедшими въ брань, совсѣмъ ужъ неосмысленную, направленную противъ безличнаго учрежденія. Одинъ изъ ремесленныхъ крикуновъ, щеголявшій наборомъ громкихъ словъ, провозгласилъ, что самое существованіе въ Петербургѣ иностранной ремесленной управы должно быть признано „наростомъ, болячкою и позоромъ для всѣхъ русскихъ людей". Эта бравада была встрѣчена съѣздомъ восторженно, и баллотировка дала почти единогласное постановленіе собранія за уничтоженіе иностранной ремесленной управы. Такой исходъ вопроса вызвалъ даже крики „ура".

Закономъ участіе евреевъ въ ремесленномъ самоуправленіи ограничено предоставленнымъ имъ правомъ избирать въ мѣстахъ ихъ осѣдлости вторыхъ товарищей цеховыхъ старшинъ. Право, казалось бы, не особенно большое, но многіе ремесленники и ему позавидовали. Въ съѣздъ было внесено предложеніе о совершенномъ устраненіи евреевъ отъ какихъ либо должностей по ремесленному управленію. Во время обсужденія этого вопроса „въ залѣ засѣданія произошелъ такой шумъ, поднятый юдофобами, что предсѣдатель собранія потребовалъ удаленія изъ залы всей публики, кромѣ членовъ коммиссіи". Но и послѣ того лишь боль-

шинствомъ двухъ голосовъ евреямъ удалось отстоять свои прежнія права.

Кажется, довольно и этихъ немногихъ выписокъ изъ газетныхъ отчетовъ, чтобы понять, что такое представлялъ изъ себя ремесленный съѣздъ или, правильнѣе, съѣздъ ремесленныхъ хозяевъ и представителей ремесленной выборной власти.

Ремесленное сословіе, даже и та его часть, которая засѣдала на съѣздѣ, принадлежитъ къ числу промежуточныхъ слоевъ современной экономической формаціи. Взаимныя отношенія крайнихъ слоевъ послѣдней вполнѣ опредѣленны и для всѣхъ ясны: какъ и во всякомъ напластованіи, верхніе слои давятъ нижніе, а нижніе выдерживаютъ это давленіе, сопротивляясь ему въ мѣру свойственной ему упругости и въ мѣру охраны, оказываемой имъ государственной властью. Не такъ просты функціи промежуточныхъ слоевъ. Естественное стремленіе къ собственному благополучію они могутъ осуществлять въ двухъ направленіяхъ: или пользоваться свойственною имъ силою тяжести, или развивать въ себѣ силу упругости. Собравшіеся на съѣздъ господа ремесленники проявили желанье и умѣнье пользоваться только одной силой—силой давленія въ сторону слабѣйшаго. Или, говоря словами защитника ихъ классовой морали, „ремесленники гуманной терпимости не обнаружили, а заявили о своемъ желаніи быть единоличными господами ремесленнаго дѣла".

II.

Такой опредѣленной и такой рѣзкой ноты, какую взяли „господа ремесленнаго дѣла", кажется, никто не ожидалъ отъ съѣзда. Не ожидалъ ея, во всякомъ случаѣ, г. Левицкій, покинувшій Херсонскія артели и степи, чтобы на ремесленномъ съѣздѣ поискать новыхъ адептовъ дѣлу, къ которому онъ себя приставилъ. Не ожидали представители „классовой" точки зрѣнія, всѣ пожеланія которыхъ насчетъ классоваго самосознанія и классовой морали оказались превзойденными. Столь звучной ноты не ожидали, повидимому, и оффиціальные руководители съѣзда, которымъ стоило немалыхъ и всетаки подчасъ безплодныхъ усилій, чтобы удерживать разошедшихся господъ ремесленниковъ въ границахъ приличія. Не смутился, правда, профессоръ Яроцкій... впрочемъ, о

его умѣньѣ „сторговываться“ съ ремесленными хозяевами мы хорошо знаемъ еще со времени торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г. въ Нижнемъ. Теперь онъ еще кое-что „уступилъ“ за счетъ учениковъ и рабочихъ.

Помимо же г. Яроцкаго, смутились и растерялись многіе... но этимъ, кажется, и ограничилась общность впечатлѣній, оставленленныхъ ремесленнымъ съѣздомъ. Затѣмъ началась разноголосица.

Одни остались очень довольны господами ремесленниками и ихъ трудами. „Вы, сказалъ имъ предсѣдатель съѣзда гр. Игнатьевъ, оправдали наши надежды... Ваши ходатайства и резолюціи будутъ представлены соотвѣтствующимъ министерствамъ, и находящееся подъ моимъ предсѣдательствомъ общество для содѣйствія промышленности и торговлѣ употребитъ всѣ старанія, чтобы на ходатайства съѣзда было обращено надлежащее вниманіе“. Г. Буква, цитируя это прощальное слово, допускаетъ возможность въ немъ „очень тонкаго экивока“. Пусть такъ. Но вотъ г. Ракѣевъ принесъ благодарность членамъ съѣзда отъ попечительства императорскаго человѣколюбиваго общества „за всестороннюю разработку ученическаго вопроса“. Могутъ, конечно, сказать, что эта благодарность была принесена на обѣдѣ, въ одномъ изъ застольныхъ тостовъ, когда не всякое лыко ставится въ строку. Однако, если и можно что подозрѣвать въ этомъ случаѣ, то уже не иронію, а нѣчто болѣе серьезное; если это не была благодарность всего попечительства, то была благодарность его представителя— г. Ракѣева. Правда, сердце послѣдняго было умягчено благодарственнымъ адресомъ, поднесеннымъ ему отъ съѣзда (ремесленники оказались большими дипломатами и на адреса не скупились), но это всетаки не даетъ права думать, что интересы ремесленныхъ учениковъ, которые долженъ былъ защищать г. Ракѣевъ, послѣ этого стали болѣе обезпечены.

Во всякомъ случаѣ, доволенъ остался Ник. Э., сотрудникъ „Новаго Времени“. Ну что-жъ, что „ремесленники гуманной терпимости не обнаружили“? за то „ихъ классовая мораль оказалась ярко націоналистическаго характера“, за то они „очень недвусмысленно высказали нежеланіе идти подъ еврея, нѣмца, поляка“. При томъ „прижимистость“ „умныхъ громаднымъ опытомъ трудовой жизни“ людей — это не то же, что интеллигентная легкость пожеланій. Съѣздъ—это не петербургская говорильня, „гдѣ едва

одинъ пожелалъ мужику курицу въ супъ, другой валитъ туда барана, третій требуетъ быка. Отчего не пожелать въ самомъ дѣлѣ", когда „не потребуютъ ничего на осуществленіе этихъ пожеланій", когда „каждое пожеланіе, осуществляясь въ жизни, порождаетъ расширеніе штатовъ, создаетъ заботническія мѣста"... Съѣздъ — это „окно въ Россію". „Почаще бы отворять его, чтобы обновлять и оживлять застоявшійся воздухъ".

О чувствѣ удовлетворенности съѣздомъ и осужденія интеллигенціи послышалось и съ другой стороны. „Намъ гораздо симпатичнѣе, заявилъ г. Изгоевъ, тѣ ремесленники-хозяева, которые прямо и грубо говорили, чего они хотятъ, въ чемъ они видятъ осуществленіе своихъ классовыхъ интересовъ", чѣмъ интеллигенція, пытающаяся „общими фразами" „замазать классовыя противорѣчія".

Большинство, однако, не испытало никакого удовольствія, хотя старалось съ разныхъ точекъ зрѣнія оправдать и истолковать въ благопріятномъ или хотя бы успокоительномъ свѣтѣ философію темнаго царства, столь рѣзко заявившую о себѣ въ трудахъ ремесленнаго съѣзда. Одни напирали на то, что это — первый съѣздъ. Даже Ник. Э. не прочь оказался пообѣщать „просвѣщенность и гуманность" за счетъ дальнѣйшихъ. Г. Изгоевъ тоже въ своей статьѣ два раза подчеркнулъ слово „первый", какъ бы намекая, что въ этомъ обстоятельствѣ кроется что-то особенное. Другіе, сосредоточивъ свое вниманіе на разныхъ неопредѣленныхъ пожеланіяхъ съѣзда и на „спасенныхъ" резолюціяхъ, старались этимъ убогимъ активомъ прикрыть удручающій пассивъ его. Третьи искали болѣе серьезныхъ оправданій и истолкованій. Такъ поступилъ, напримѣръ, г. Николай Энгельгардтъ, пожелавшій смягчить и оправдать дифирамбы „націоналистической морали" и русской „прижимистости", за недѣлю передъ тѣмъ воспѣтые его коллегой г. Ник. Э. „Указываютъ, писалъ онъ, что постановленія съѣзда принесли въ нѣкоторыхъ пунктахъ интересы учениковъ въ жертву интересамъ мастеровъ. А не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что они принесены были въ жертву интересамъ мастерства и условіямъ, въ какихъ оно у насъ поставлено? Эти же условія строятся не одними мастерами-ремесленниками. Они строятся общимъ экономическимъ укладомъ нашего хозяйства". Самымъ серьезнымъ утѣшеніемъ, во всякомъ случаѣ, являлась ссылка на составъ съѣзда,

на отсутствіе въ немъ представителей рабочихъ и учениковъ. Оттуда должны истечь свѣтъ и тепло, которыхъ такъ мало было на ремесленномъ съѣздѣ.

Во всѣхъ этихъ восторгахъ, оправданіяхъ, истолкованіяхъ и утѣшеніяхъ была всетаки одна общая черточка—робость передъ людьми, „знающими, чего они хотятъ“, отсутствіе вѣры въ силу того, что мы знаемъ и хотимъ и, главное, отсутствіе мужества, чтобы до конца постоять за свои сознанныя желанія. Рѣшительный протестъ противъ делегатовъ темнаго царства во имя интеллигентныхъ пожеланій заявили очень немногіе. Наиболѣе опредѣленныя въ этомъ смыслѣ строки мы встрѣтили у г. Обнинскаго: „подъ фирмою совѣщательнаго съѣзда съ результатами in spe мы увидѣли, говоритъ почтенный авторъ, рѣшительную стачку противъ требованій закона, справедливости и человѣколюбія,—вызовъ, брошенный всѣмъ великодушнымъ начинаніямъ послѣдняго времени въ защиту безжалостно эксплуатируемаго дѣтства. Онъ ждетъ отвѣта, этотъ дерзновенный вызовъ, — отвѣта не словомъ только, но и дѣломъ“.

III.

Можетъ ли быть не объяснена, — объяснить все можно, — а оправдана философія темнаго царства? Можетъ ли быть допущена какая-либо уступка изъ интеллигентныхъ пожеланій въ угоду заявленнымъ на съѣздѣ интересамъ? Можно ли интеллигенціи краснѣть и робѣть при встрѣчѣ съ людьми, считающими интеллигентныя заботы и рѣчи „пустяками“? Вотъ вопросы, которые ставятъ передъ нами и ремесленный съѣздъ, и его истолкователи.

Требованіе отъ интеллигенціи преклониться передъ „интересами“—національными, классовыми, сословными, мѣстными — въ наше время слышится очень часто. Призывъ не увлекаться „идейными интересами“, какъ „отвлеченной философіей“, раздается теперь не на ремесленныхъ только съѣздахъ. Читатели, конечно, не забыли еще рѣчи г. Кондоиди при открытіи самарскаго земскаго собранія и его просьбы къ „представителямъ помѣстныхъ обывателей“ не „внимать слову интеллигентовъ“. На вятскомъ собраніи тоже раздалось поощреніе не бояться „обвиненій въ обскуратизмѣ, неразвитости и недомысліи“. „Довольно, возглашалъ кн. Касат-

кинъ на курскомъ собраніи, намъ либеральничать, кого намъ бояться—„Русскихъ Вѣдомостей“ что-ли? Приведенныя выше инсинуаціи г. Ник. Э. по адресу „заботниковъ“ — вѣдь это лишь маленькій эпизодъ въ систематическомъ походѣ „Новаго Времени“ противъ интеллигенціи во имя „мѣстныхъ интересовъ“. Да и самое „Новое Время“ съ его „націоналистическою моралью“ не есть ли нашъ русскій отголосекъ на всесвѣтное движеніе противъ идеализма, достигшее наибольшаго напряженія и яркости у французскихъ націоналистовъ.

Однако, дѣйствительно ли „господа ремесленнаго дѣла“ „знаютъ, чего они хотятъ“? Мы видѣли, что они хотятъ одного — давить тѣхъ, кто слабѣе ихъ, кто слабѣе въ ихъ средѣ! Въ этомъ ли нуждается ихъ бытъ, въ этомъ ли нуждается ихъ собственное „дѣло“? Не хуже ихъ мы знаемъ, что ремесло, угнетаемое фабрикой, переживаетъ трудное время. Но для него есть только два выхода. Фабрика сильна машиной и, зная это, стремится превратить рабочаго въ машинный придатокъ. На этомъ пути ремесленной промышленности не угнаться за фабрикой. „Ремесленный трудъ, говоритъ „Торгово-промышленная газета“, т. е. все, что въ немъ есть механическаго, не требующаго интеллектуальности,— тѣснитъ машина, и это обстоятельство будетъ обостряться чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Ремеслу остается та часть труда, которой машина замѣнить уже не можетъ и гдѣ нужны человѣческія руки, руководимыя талантомъ, человѣческимъ геніемъ. Это—художественность исполненія... И только школа можетъ дать такую художественную подготовку“. А въ школу-то именно господа ремесленники и не хотятъ пустить своихъ учениковъ; личность рабочаго, въ которой ихъ спасенье, они и хотятъ придавить во что бы то ни стало. Нѣтъ! не интересамъ мастерства приносились жертвы на ремесленномъ съѣздѣ.

Фабрика сильна еще своими размѣрами. Тѣхъ же выгодъ ремесленники могутъ достигнуть только кооперацiей, а они... освистали ее.

Насъ утѣшаютъ тѣмъ, что интересы хозяевъ будутъ имѣть свой противовѣсъ въ интересахъ рабочихъ и что въ результатѣ борьбы тѣхъ и другихъ будетъ благо. Но именно ремесленный съѣздъ съ особою наглядностью показалъ недостаточность борьбы интересовъ, какъ единственнаго регулятора жизни. Въ самомъ дѣлѣ,

къ чему ведетъ ничѣмъ не сдержанная борьба интересовъ? Мы видѣли, что русскій возстаетъ противъ нѣмца и еврея, горожанинъ противъ деревни, мастеръ противъ подмастерья, подмастерье противъ ученика... Въ перспективѣ вѣдь виднѣется тотъ строй жизни, въ которомъ человѣкъ человѣку волкъ. Тщетны надежды, что когда-нибудь интересъ будетъ двигать людей по линіи наибольшаго сопротивленія. Пока будутъ слабѣйшіе, — а они всегда будутъ, пока интересы различны—никому, какъ имъ, придется выдерживать давленіе.

Чтобы подняться до классоваго самосознанія, чтобы не давить слабѣйшаго, хотя бы въ своей средѣ, нужно участіе интеллектуальнаго фактора. И если при его содѣйствіи возможенъ обобщенный классовой интересъ, то почему же невозможенъ еще болѣе обобщенный интересъ общечеловѣческій, а интересы „человѣка"—вѣдь, это именно и есть то, что знаетъ и чего хочетъ интеллигенція.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что нѣтъ такой группы, интересы которой совпадали бы съ общечеловѣческими. Нижнимъ слоямъ общественной формаціи давить некого. и уже поэтому для нихъ остается одна линія для движенія—вверхъ. И пока они движутся въ этомъ направленіи, ихъ интересы совпадаютъ съ самой благородной потребностью человѣчества — подниматься выше и выше Но это не значитъ, что они именно несутъ знамя „высокихъ идеаловъ". Окажись кто-нибудь ниже ихъ — и они не усомнятся прибѣгнуть къ силѣ тяжести. Это и происходитъ на нашихъ глазахъ, когда объединившіеся въ союзы пролетаріи изыскиваютъ мѣры, чтобы обуздать Lumpenproletariat и необъединенныхъ рабочихъ. Можно и должно искать опоры въ тѣхъ группахъ, интересы которыхъ совпадаютъ въ данное время съ общечеловѣческими, но было бы наивно думать, что интересы какой-либо группы могутъ замѣнить общечеловѣческую правду.

Нѣтъ, не интеллигенціи, вышедшей изъ разныхъ слоевъ народа на защиту этой правды, уступать дорогу и краснѣть передъ всякими делегатами темнаго царства.

„Докторъ Штокманъ“ на русской сценѣ.

1901 г.

Чѣмъ опредѣляется успѣхъ пьесы? Конечно, свойственными ей достоинствами, художественностью ея выполненія. Но не только этимъ... Не меньше, быть можетъ, зависитъ онъ отъ публики, отъ ея состава и настроенія. Глупый и сальный фарсъ милѣе сердцу современнаго культурнаго хулигана, чѣмъ лучшія произведенія міровыхъ классиковъ. Мелодрама, разыгранная на сценѣ народнаго театра, не смотря на плохую игру, приводитъ зрителей въ неистовство; поставьте ту же мелодраму передъ иной публикой—и самые лучшіе артисты, быть можетъ, не вызовутъ въ послѣдней хоть сколько-нибудь замѣтнаго подъема. У каждаго репертуара есть своя публика, у каждой публики есть свой репертуаръ.

Для успѣха пьесы важенъ, однако, не только общій уровень культурнаго и художественнаго развитія зрителей, но и тотъ комплексъ идей и чувствъ, которыя волнуютъ именно въ данное время публику и стоящее за ней общество. Въ сущности, очень немногіе люди способны наслаждаться художественнымъ произведеніемъ, совершенно отрѣшившись отъ тревогъ текущей жизни. Та большая публика, которая создаетъ успѣхъ пьесѣ, приноситъ съ собой въ театръ свои заботы и думы, и то, что она приноситъ съ собой, сказывается на ея отношеніи къ пьесѣ. Историческій образъ она нерѣдко ставитъ въ связь съ реальными интересами современности. Въ чуждой обстановкѣ она находитъ черты той, среди которой протекаетъ ея собственная жизнь за стѣнами театра. Въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ дѣйствующихъ на сценѣ лицъ она подчеркиваетъ то, что волновало ее вчера, на что придется отзываться

ей завтра. Разъ возсозданные образы остаются, но производимое ими впечатлѣніе можетъ быть то сильнѣе, то слабѣе. Пьесы, производившія фуроръ среди одного поколѣнія, съ несравненно меньшимъ эффектомъ воспринимаются другимъ. У каждаго репертуара есть свое время, у каждой эпохи есть свой репертуаръ.

Успѣхъ пьесы представляетъ, въ сущности, сложный продуктъ взаимодѣйствія того, что дается сценой, и того, что приносится публикой изъ жизни. Дѣло литературной и художественной критики въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вскрыть ту, — скажемъ, постоянную, — величину, которая обусловлена литературными достоинствами пьесы, ея сценичностью, художественностью ея постановки и выполненія. Но уяснить другой факторъ, которымъ обусловливается равнодѣйствующая успѣха,—перемѣнную величину,— то, что свойственно данному мѣсту и времени,—нельзя, анализируя совершающееся только на сценѣ. Къ анализу такъ или иначе нужно привлечь жизнь, а это задача не критики, а публицистики.

Именно съ этой публицистической стороны мнѣ и хотѣлось бы осмыслить успѣхъ, выпавшій на долю драмы Ибсена: „Докторъ Штокманъ“ въ исполненіи Московскаго Художественнаго Театра. Читатель пойметъ и извинитъ, если, не привлекая новыхъ матеріаловъ, я воспользуюсь для этого самой пьесой, подчеркивая ту часть ея содержанія, которая особенно близка и понятна русскому зрителю въ настоящее время.

I.

Дѣйствіе происходитъ въ приморскомъ городѣ, на южномъ берегу Норвегіи. Зритель вводится въ кругъ злободневныхъ интересовъ мѣстной общинной жизни.

„Всѣ дѣла города постепенно захватила въ свои руки, по выраженію одного изъ дѣйствующихъ лицъ, шайка чиновниковъ“. „Не всѣ чиновники,—поясняетъ то же лицо, но остальные—друзья ихъ и приверженцы. Всѣми нами управляетъ кружокъ зажиточныхъ лицъ — лицъ съ вѣсомъ и положеніемъ въ городѣ“. Олицетвореніемъ этого бюрократически-буржуазнаго правительства въ драмѣ является Пэтеръ Штокманъ, „старшій братъ доктора Штокмана, бургомистръ, предсѣдатель комитета морскихъ купаній и проч.“. Характерно это „и проч.“, знаменующее обиліе власти,

характерно и это совмѣстительство административной должности съ участіемъ въ акціонерномъ предпріятіи, объясняющее, почему интересы имущихъ классовъ такъ близки и дороги городской администраціи.

Какъ и подобаетъ администратору, Пэтеръ Штокманъ любитъ уснащать свою рѣчь ссылками на „благо родного города". Но это благо онъ отождествляетъ съ „цѣнностью домовъ и имѣній". Благо тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ, онъ представляетъ себѣ лишь въ видѣ большихъ или меньшихъ „расходовъ на содержаніе бѣдныхъ". Только въ этой формѣ бургомистру и доступна забота о трудящихся. Еще менѣе понятна ему, повидимому, потребность гражданъ въ другихъ благахъ, кромѣ матеріальнаго достатка.

Однако и это всячески урѣзанное „благо" онъ допускаетъ условно, допускаетъ лишь по стольку, по скольку забота о немъ не опасна авторитету власти, и даже лишь по стольку, по скольку оно является продуктомъ ея попеченій. „Пэтеръ, по словамъ его брата, дьявольски не любитъ, чтобы кто-либо, кромѣ него, трудился на пользу города". Онъ приходитъ въ нервное раздраженіе при одномъ напоминаніи, что кто-то другой, а не онъ былъ иниціаторомъ важнаго для города начинанія. Онъ готовъ на все, чтобы не допустить критики своихъ дѣйствій, какъ администратора.

— „Не для блага ли родного города,—восклицаетъ онъ при этомъ,—я ревниво охраняю свою репутацію? Безъ нравственнаго авторитета мнѣ невозможно руководить дѣлами, сообразно требованіямъ общаго блага. Поэтому, а также и по многимъ другимъ причинамъ... ни единое слово объ этомъ злосчастномъ дѣлѣ не должно дойти до общества"...

Для поддержанія столь ревностно оберегаемаго авторитета „необходимо, чтобы все велось законнымъ порядкомъ, черезъ посредство административныхъ властей". Этотъ желательный администраціи порядокъ Пэтеръ Штокманъ обрисовываетъ въ слѣдующихъ чертахъ. „Индивидуальная личность, говоритъ онъ, должна подчиняться обществу или, точнѣе выражаясь, авторитетамъ, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить за благосостояніемъ общества". При этомъ „общество не нуждается въ новыхъ мысляхъ. Обществу лучше живется со старыми хорошими, давно признанными идеями". Сознательный застой, какъ цѣль, отсутствіе личной

иниціативы и общественной самодѣятельности, какъ средство, — такова сущность правительственной политики бургомистра.

Отрицая за гражданами право мыслить и дѣйствовать иначе, какъ по указаніямъ власти, онъ тѣмъ менѣе склоненъ допустить какое-либо вольнодумство въ чиновникахъ.

— „Какъ подчиненное, оффиціальное лицо, — говоритъ онъ своему брату,—ты не имѣешь права выражать убѣжденіе, расходящееся со взглядами твоего начальства.. Какъ лицо оффиціальное, ты не имѣешь права держаться какого-либо индивидуальнаго убѣжденія“.

Призвать улицу, толпу онъ готовъ лишь въ одномъ случаѣ,— когда нужно раздавить врага. Тогда онъ готовъ сослаться и на общественное --имъ же самимъ фальсифицированное—мнѣніе.

— „Мы очень сожалѣемъ, скажетъ онъ тогда, но, откровенно говоря, мы не смѣли поступить иначе изъ уваженія къ общественному мнѣнію“.

Прямою противоположностью Пэтеру Штокману является его братъ д-ръ Томасъ Штокманъ. Онъ типичный представитель той группы, которую у насъ принято называть интеллигенціей. Благо родного города для него не слова, которыми можно прикрыть интересы имущихъ классовъ или оправдать прерогативы власти, а единственная цѣль жизни, тотъ властный стимулъ, при которомъ нѣтъ мѣста соображеніямъ о личномъ или семейномъ благополучіи.

— „Я любилъ свой родной городъ,—вспоминаетъ онъ про свою молодость,—какъ только человѣкъ можетъ любить свою родину... Затѣмъ я цѣлые годы просидѣлъ въ ужасномъ краю, далеко на сѣверѣ... Врядъ ли кто можетъ упрекнуть меня, что я позабылъ тамъ о своемъ родномъ городѣ. Я думалъ долгія думы“...

Благо для него не застой, а жизнь и движеніе. Субъектъ правъ на благо—не маленькій кружокъ привилегированныхъ лицъ, а человѣкъ, кто бы онъ ни былъ. Важнѣйшая часть этого блага не „цѣнность домовъ и имѣній“, а свобода и справедливость. „Свобода мысли для него почти то же, что нравственность“. Право на дѣятельность въ его представленіи неотъемлемо у гражданина.

— „Это лишь устарѣлая традиціонная ложь,—говоритъ онъ,— будто бы просвѣщеніе деморализуетъ. Нѣтъ, деморализуетъ тупость, бѣдность, безобразныя условія жизни. Въ домѣ, который

не провѣтривается, обитатели черезъ два-три года теряютъ способность думать и дѣйствовать согласно нравственности. Недостатокъ кислорода притупляетъ совѣсть"...

Зритель, кромѣ упоминанія о вынужденномъ пребываніи на сѣверѣ, не знаетъ предыдущей жизни д-ра Штокмана. Но онъ чувствуетъ, что драма, которую переживаетъ послѣдній на его глазахъ, не первая, что д-ромъ Штокманомъ не только много пережито, передумано и перечувствовано, но и выстрадано. И ему понятенъ крикъ наболѣвшаго сердца, вырывающійся изъ груди доктора.

— „Я ненавижу,—восклицаетъ онъ,—предержащія власти, — не мало насмотрѣлся я на нихъ въ свое время. Онѣ подобны козамъ, пущеннымъ въ молодую рощу: онѣ вездѣ приносятъ вредъ; вездѣ преграждаютъ путь свободному человѣку... Какъ хорошо, еслибъ можно было искоренить ихъ, подобно другимъ зловреднымъ животнымъ".

Его крикъ, можетъ быть, былъ бы еще рѣзче, если бы онъ не былъ увѣренъ, „что эти господа,—эти останки отживающаго образа мыслей—сами идутъ быстрымъ шагомъ къ собственной гибели". Главное же, онъ понимаетъ, что „не они представляютъ главную опасность для общества".

— „Не они,—говоритъ онъ,—отравляютъ нашу духовную жизнь, заражаютъ почву подъ нашими ногами, не они самые опасные враги истины и свободы въ нашемъ обществѣ... Самый опасный врагъ истины и свободы въ нашей средѣ—это сплоченное большинство".

Представителемъ этого большинства въ драмѣ выставленъ типографщикъ Аслаксэнъ, предсѣдатель „Ассоціаціи домовладѣльцевъ" и дѣятельный членъ „Общества умѣренной трезвости".

— „Я,—говоритъ онъ про себя,—человѣкъ спокойный, миролюбивый; я стою за благоразумную умѣренность... и за умѣренное благоразуміе. Всякій, кто меня знаетъ, подтвердитъ это. Въ школѣ жизни и опыта я узналъ, что умѣренность та добродѣтель, которая всего полезнѣе гражданину. И тѣ же благоразуміе и умѣренность болѣе всего служатъ интересамъ общины".

Его „политическій образъ мыслей ни для кого не тайна". Онъ не прочь даже щегольнуть своимъ радикализмомъ, но только тогда, когда это не опасно и не убыточно.

— „Не слѣдуетъ оскорблять властей, — твердитъ онъ, — не слѣдуетъ дѣйствовать противъ лицъ, играющихъ такую важную роль въ нашей жизни. Довольно пострадалъ я въ свое время; къ добру это никогда не приводило“.

Самое большее, на что онъ можетъ рѣшиться,—это на демонстрацію „въ родѣ благодарственнаго адреса“, однако не иначе, если таковой будетъ въ „духѣ умѣренности“.

Его умѣренность почти равнозначуща трусости, его благоразуміе граничитъ съ предательствомъ. „Сердце мое,—говоритъ онъ,—по прежнему принадлежитъ народу, но... разумъ мой склоняется въ сторону властей“.

Въ основѣ этой психологіи лежитъ опасеніе лишиться тѣхъ маленькихъ благъ, которыми онъ владѣетъ въ данную минуту, боязнь прежде всего какого-либо матеріальнаго ущерба. Онъ радъ бы имѣть больше и не имѣетъ ничего противъ истины и справедливости; но онъ желаетъ, чтобы на пути къ лучшему не было никакого риска. Истину и справедливость онъ готовъ признать лишь въ томъ случаѣ, если онѣ не требуютъ жертвы.

— „Я—говоритъ онъ,—тоже сторонникъ народнаго самоуправленія, если это не слишкомъ дорого обойдется плательщикамъ... Даже и золото, поясняетъ онъ, можетъ быть пріобрѣтено слишкомъ дорогой цѣной...

„Онъ довольно порядочный человѣкъ, но это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ втянуло болото“. Болото, однако, черезчуръ глубоко, а порядочности осталось въ немъ очень ужъ мало. Передъ соблазномъ матеріальной выгоды Аслаксэнъ не прочь поступиться даже своею благоразумною умѣренностью. „Мы полагаемъ,—говоритъ онъ въ подобномъ случаѣ,—что можемъ рискнуть“... и продать себя.

— „И почти всѣ здѣсь подобны ему; люди эти вѣчно колеблются изъ стороны въ сторону, и съ своими страхами и сомнѣніями они ни на шагъ не смѣютъ двинуться впередъ“.

Говоритъ это Гофстадъ, редакторъ „Народнаго Вѣстника“, человѣкъ мужественный и рѣшительный. Но его мужество — это мужество прихвостня, всегда слѣдующаго за тѣмъ, кто является силою въ данную минуту; его рѣшительность—это рѣшительность флюгера, быстро повертывающагося въ сторону, въ которую дуетъ вѣтеръ.

Онъ хорошо понимаетъ, что сила вообще, въ норвежской общинѣ въ особенности и въ газетномъ дѣлѣ въ частности, — на сторонѣ большинства. И потворство толпѣ онъ возводитъ въ систему. „Редакторъ,—по его мнѣнію,—не можетъ поступать всегда такъ, какъ желалъ бы. Въ мелочахъ нерѣдко приходится дѣлать уступки вкусу публики". Помѣстить въ фельетонѣ сказку „о какомъ-то фантастическомъ правительствѣ, которое все направляетъ къ счастью добрыхъ людей, когда онъ прекрасно знаетъ, что на дѣлѣ бываетъ совсѣмъ иначе"—для него составляетъ именно такую мелочь, нисколько не препятствующую, по его мнѣнію, либеральничать въ верхней половинѣ газетнаго листа и такимъ образомъ „вести общество по пути свободы и прогресса". Считая позволительными подобныя заигрыванія въ мирную пору журнальной работы, въ минуту возбужденія толпы онъ становится откровеннымъ выразителемъ ея худшихъ инстинктовъ.

— „Въ чемъ,—съ пафосомъ восклицаетъ онъ при этомъ,— первая и главная обязанность редактора? Не въ томъ ли, чтобы идти рука объ руку со своими читателями?"

Слѣдуя принципу: „чего изволите" по отношенію къ публикѣ, онъ не забываетъ, однако, другихъ силъ, имѣющихся въ городѣ, и во всякую минуту готовъ предложить газету тѣмъ, кто кажется ему сильнѣе—будетъ ли то д-ръ Штокманъ съ его открытіемъ, или бургомистръ съ его правительственнымъ самолюбіемъ, или, наконецъ, спекуляторъ, обдѣлывающій свои дѣлишки подъ шумокъ общественнаго возбужденія. Угожденіе толпѣ, если понадобится, онъ сумѣетъ соединить съ дифирамбами кулаку и всякому иному орудію насилія надъ обществомъ...

Таковы главныя дѣйствующія лица драмы.

II.

Драматическая коллизія неизбѣжна. Съ одной стороны, интеллигенція въ лицѣ д-ра Штокмана, беззавѣтно стремящаяся впередъ на встрѣчу истинѣ и справедливости; съ другой — бюрократія въ лицѣ бургомистра, ревниво охраняющая свою власть и понимающая, что ея спасеніе только въ застоѣ, въ отсутствіи критики, инициативы и самодѣятельности; — въ столкновеніи этихъ двухъ силъ сущность драмы. Правда, замыселъ автора нѣсколько

иной: онъ хотѣлъ бы противопоставить личность, увлеченную идеей, толпѣ, всецѣло погрязшей въ матеріальныхъ интересахъ. Но потому ли, что эта основная мысль пьесы не совсѣмъ свободна отъ фальши, или потому, что въ данную минуту она не находитъ себѣ надлежащаго отклика въ русской публикѣ, — послѣдняя невольно перемѣщаетъ центръ драмы и видитъ его не тамъ, гдѣ желалъ бы помѣстить авторъ. Для послѣдняго толпа, олицетворяемая Аслаксэномъ и обслуживаемая Гофстадомъ, представляетъ важнѣйшую силу, борьба съ которой и приводитъ къ драмѣ; для русскаго зрителя та же толпа—только среда, опредѣляющая исходъ борьбы, но не представляющая въ ней активной силы.

Докторъ Штокманъ еще недавно вернулся съ сѣвера, гдѣ долгіе годы онъ прожилъ на мѣдные гроши, не видя почти ни одного живого человѣка, не слыша живого слова. Онъ радъ комфорту, который могутъ позволить себѣ теперь онъ и его семья.

— „Теперь мы можемъ,—говоритъ онъ,—жить по-царски! Сегодня, напримѣръ, у насъ былъ за обѣдомъ ростбифъ, и отъ него еще осталось къ ужину".

Онъ, какъ ребенокъ, радуется абажуру и скатерти, на которые его жена откладывала деньги и которые „придаютъ комнатѣ такой уютный видъ". „О, да, теперь онъ можетъ позволить себѣ это!"

Еще больше радъ онъ обществу. „Проживъ такъ долго въ полномъ одиночествѣ, я чувствую, говоритъ онъ, жизненную потребность видѣть вокругъ себя молодую, бодрую, свободолюбивую и дѣятельную молодежь". Онъ приходитъ въ восторгъ даже отъ того, какъ ѣстъ эта молодежь.

— „Такъ и слѣдуетъ! Имъ надо побольше ѣсть,—набираться побольше силъ! Кому же, какъ не имъ, двигать впередъ элементы будущаго".

Еще сильнѣе увлекаетъ его открывшаяся возможность не только думать о родномъ городѣ, но и непосредственно работать на благо ему, возможность дать исходъ „постоянному пламенному стремленію принести пользу своей родинѣ и своимъ соотечественникамъ".

— „Я блаженствовалъ въ своихъ счастливыхъ иллюзіяхъ",— говоритъ онъ потомъ, характеризуя то душевное состояніе, которое авторъ взялъ исходнымъ пунктомъ для драмы.

Благодушное настроеніе, которое переживаетъ докторъ, дѣ-

лаетъ его наивнымъ. Онъ черезчуръ оптимистично относится къ окружающимъ его людямъ, онъ черезчуръ вѣритъ въ возможность что-нибудь сдѣлать при содѣйствіи власти. Тѣмъ больнѣе для него, когда эта власть становится ему поперекъ дороги и люди, которымъ онъ вѣрилъ и для которыхъ жилъ, не только отдаютъ себя въ ея распоряженіе, но и объявляютъ его —доктора — „врагомъ народа“.

Докторъ сдѣлалъ открытіе, что городъ стоитъ на зараженной почвѣ и что морскія купанья, оживившія мѣстную жизнь и улучшившія матеріальное положеніе горожанъ, представляютъ, въ сущности, зараженную яму. Выводъ для него простъ и ясенъ: трубы должны быть переложены. Ему не приходитъ и въ голову, что можно оспаривать истину, научно доказанную, что можно уклониться отъ исправленія ошибки, кѣмъ бы она ни была допущена.

Его открытіе сначала вызываетъ общій восторгъ окружающихъ. Истина признается за истину, справедливость кажется желанной. Это общее чувство, съ которымъ окружающіе встрѣтили открытіе доктора, очень быстро, однако, осложняется посторонними соображеніями.

Въ женѣ доктора чувство восхищенія передъ мужемъ борется съ опасеніемъ возможныхъ непріятностей. Для редактора Гофстада истина и справедливость отходятъ на задній планъ передъ возможностью занять выгодную позицію въ борьбѣ, которую вызоветъ открытіе доктора. Аслаксэнъ, понимающій, какъ важно для города улучшить купанья, хотя и обѣщаетъ доктору содѣйствіе сплоченнаго большинства, однако, таитъ въ себѣ опасеніе, какъ бы побѣда не осталась на сторонѣ власти, и потому особенно усиленно настаиваетъ на благоразумной умѣренности. Открытіе доктора привлекаетъ даже Мартина Киля, — владѣльца кожевеннаго завода, трубы котораго и загрязнили почву. Но этотъ „старый барсукъ“, подсмѣивающійся въ душѣ надъ миріадами какихъ-то инфузорій, которыхъ никто не можетъ видѣть, привноситъ въ дѣло доктора свою цѣль—подставить ножку теперешней администраціи, оттершей его отъ власти. Лишь Биллингъ, сотрудникъ „Народнаго Вѣстника“, съ неослабнымъ одушевленіемъ кричитъ „ура“, но и то только потому, что онъ давно уже ведетъ двойную игру: нападая въ газетѣ на городской совѣтъ, онъ задними ходами добивается въ немъ секретарскаго мѣста.

Докторъ Штокманъ не замѣчаетъ этихъ постороннихъ соображеній, привнесенныхъ въ его дѣло. Онъ вѣритъ общему сочувствію.

— „Боже мой!—восклицаетъ онъ.—Какое счастье чувствовать себѣ въ братскомъ единеніи со своими согражданами!"

Вѣра въ согражданъ усиливается въ немъ вѣрой въ правительство. Онъ не допускаетъ и мысли, чтобы оно не вняло истинѣ, чтобы оно не пожелало справедливости.

Вполнѣ опредѣленную позицію сразу занимаетъ лишь бургомистръ. Ошибка въ прокладкѣ трубъ—ошибка правительственная. При томъ же открытіе доктора грозитъ большимъ ущербомъ для акціонеровъ. И Пэтеръ не можетъ допустить, чтобы это „злосчастное дѣло дошло до общества". Будь въ его власти, онъ, конечно, не усомнился бы отправить доктора съ его открытіемъ опять на сѣверъ. Будь въ его власти, онъ, конечно, заткнулъ бы ротъ всякому, кто осмѣлился бы пикнуть объ этомъ. Но тамъ, въ норвежской общинѣ, у бургомистра нѣтъ такой власти. При томъ же онъ опоздалъ: слухъ объ открытіи доктора уже успѣлъ проникнуть въ общество.

Бургомистръ требуетъ отъ брата, какъ подчиненнаго чиновника, чтобы тотъ опровергнулъ слухи о своемъ открытіи. Встрѣтивъ отказъ и убѣдившись въ безполезности угрозъ, онъ обращается къ другимъ средствамъ. Онъ спѣшитъ возстановить противъ открытія доктора общественное мнѣніе, не останавливаясь передъ его фальсификаціей. Съ одной стороны, онъ запугиваетъ толпу угрозой тѣхъ матеріальныхъ жертвъ, которыхъ потребуетъ отъ горожанъ открытіе доктора, и тѣмъ будитъ въ нихъ самые худшіе инстинкты—желаніе жить во что бы то ни стало, хотя бы на трясинѣ лжи и лицемѣрія. Съ другой стороны, онъ старается обмануть общество, печатая „сообщеніе", въ которомъ истина перемѣшана съ ложью.

Въ начавшейся борьбѣ на доктора сыплется ударъ за ударомъ: опасенія и упреки жены, угрозы бургомистра, измѣна Гофстада и Аслаксэна, негодованіе всего общества, преслѣдованія улицы. Его объявляютъ врагомъ народа, ему выбиваютъ окна, его лишаютъ мѣста и практики, семью—наслѣдства, дочь—работы; преслѣдуютъ единственнаго друга, оставшагося вѣрнымъ его семьѣ, дѣтей его выгоняютъ изъ школы, всю семью—изъ квартиры.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ разгорается борьба, какъ усиливается драматичность положенія, передъ зрителемъ все ярче и ярче обрисовывается образъ доктора — чистота его побужденій, сила его характера, беззавѣтность его идеализма. Ударъ сыплется на него за ударомъ, число враговъ все растетъ и растетъ, положеніе его и семьи все болѣе и болѣе становится отчаяннымъ. Но у него не зарождается и мысли о томъ, что можно отказаться отъ истины, которою онъ владѣетъ, отъ справедливости, къ которой онъ стремится.

— „Да, какое намъ дѣло, чортъ возьми,—восклицаетъ онъ,— есть ли опасность или нѣтъ? То, что я дѣлаю, я дѣлаю во имя истины и по совѣсти“.

Съ усиленіемъ борьбы измѣняется и объектъ ея. Вопросъ о трубахъ давно уже отошелъ на задній планъ. Дѣло идетъ уже о томъ, чтобы очистить общество, чтобы отвоевать въ немъ мѣсто справедливости и нравственности.

Чѣмъ опаснѣе дѣлается борьба и чѣмъ выше цѣль ея,—тѣмъ непреклоннѣе становится докторъ. Отъ колебаній, закрадывающихся въ его душу, въ родѣ желанія, бросивъ все, уѣхать въ Новый Свѣтъ, не остается и слѣда, лишь появляется новый врагъ, лишь наносится новый ударъ.

— „Теперь,—восклицаетъ докторъ, покончивъ съ послѣднимъ изъ такихъ колебаній,—я отточу мое перо противъ этихъ дьяволовъ такъ, что оно обратится въ шило; я обмокну его въ желчь и ядъ; я швырну чернильницей прямо имъ въ башки!“

У него нѣтъ союзниковъ—онъ будетъ бороться одинъ. У него нѣтъ преемниковъ — онъ выроститъ себѣ ихъ въ дѣтяхъ и уличныхъ мальчишкахъ.

Докторъ не побѣжденъ. Дѣло истины и справедливости, пока есть борьба, не проиграно.

III.

Легко представить себѣ тотъ интересъ и тѣ чувства, съ которыми русская интеллигентная публика слѣдитъ за развитіемъ драмы столь знакомой ей по обстановкѣ и столь понятной по основному мотиву. Русское общество владѣетъ многими „открытіями“ человѣчества, цѣлымъ запасомъ истинъ, цѣлымъ рядомъ постулатовъ

справедливости, еще не осуществленныхъ въ жизни. Оно давно уже пережило медовый мѣсяцъ перваго знакомства съ ними—этотъ первый актъ драмы, когда истина кажется безспорной, справедливость безусловно желанной. Оно пережило и второй актъ, когда дѣло истины и свободы осложнилось и затормозилось цѣлымъ рядомъ ничего не имѣющихъ съ ними общаго соображеній. Пережило оно и всю драму борьбы интеллигентнаго меньшинства за высокіе идеалы. Эта драма не только понятна, но и памятна русской интеллигенціи.

Не одними, однако, воспоминаніями волнуется русскій зритель, видя ея воспроизведеніе на сценѣ. Драма касается самаго больного мѣста его души, затрогиваетъ самыя напряженныя струны его сердца. Давно воспринятыя и доселѣ неосуществленныя идеи истины и справедливости по прежнему продолжаютъ пользоваться общимъ признаніемъ мыслящихъ людей. Но въ борьбѣ за нихъ русская интеллигенція утратила свою естественную позицію и почти слилась съ тѣмъ „сплоченнымъ большинствомъ“, олицетвореніемъ котораго является Аслаксэнъ. Въ этой странѣ, могъ бы сказать д-ръ Штокманъ, „всѣ мужчины — старыя бабы; они думаютъ не объ обществѣ, а лишь о своихъ семьяхъ“ и во всякомъ случаѣ о своемъ спокойствіи и благополучіи больше, чѣмъ объ истинѣ и справедливости. Упреки, обращенные докторомъ къ толпѣ, въ сущности, обращены къ публикѣ, и онъ смѣло могъ бы сказать зрителямъ, раздѣляющимъ его негодованіе:

— Чѣмъ возмущаетесь? Собой возмущаетесь!

Между тѣмъ, въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, русская интеллигенція могла и должна была почувствовать, что только въ беззавѣтномъ идеализмѣ и личномъ мужествѣ можно найти выходъ, что безъ нихъ нѣтъ спасенія, нѣтъ надежды. Ощущая недостатокъ ихъ въ жизни, она привѣтствуетъ обиліе ихъ на сценѣ.

Въ этой потребности гражданской доблести, по моему мнѣнію, и заключается важнѣйшее объясненіе успѣха „Доктора Штокмана“.

Я видѣлъ пьесу въ Петербургѣ въ началѣ марта 1901 г., т. е. непосредственно послѣ извѣстныхъ сценъ, разыгравшихся на Казанской площади, и видѣлъ, какъ публика подчеркивала даже мелочи, если онѣ свидѣтельствовали о презрѣніи къ опасностямъ. Я слышалъ, напримѣръ, взрывъ апплодисментовъ, покрывшій слова доктора:

— „Никогда,—говорилъ онъ, разглядывая изорванный врагами сюртукъ,—не слѣдуетъ надѣвать лучшую пару, когда идешь сражаться за свободу и правду".

Успѣхъ „Доктора Штокмана" былъ бы, конечно, еще больше, если бы не было того несоотвѣтствія между основною мыслью пьесы и пониманіемъ ея публикой, о которомъ я упомянулъ выше. Какъ зритель, я могу и долженъ отмѣтить тѣ мѣста пьесы, которыя вносили диссонансъ въ наше отношеніе къ тому, что давала сцена.

Нѣкоторую фальшь зрители чувствуютъ уже въ первомъ актѣ пьесы. Открытіе доктора, что городъ стоитъ на зараженной почвѣ и что всѣ трубы должны быть переложены, въ сущности,—непріятное открытіе. И зрителю непонятно благодушное на первыхъ порахъ увлеченіе имъ самого доктора, и тѣмъ болѣе непонятенъ восторгъ, съ которымъ встрѣчаютъ его открытіе окружающіе. Зритель могъ бы понять эти чувства лишь въ одномъ случаѣ, если бы пьесѣ предшествовалъ прологъ, который говорилъ бы объ усиленной смертности въ городѣ и о напрасныхъ поискахъ открыть ея причины. Но этого пролога нѣтъ. Больше того: въ пьесѣ нѣтъ и намека на то, что открытіе доктора разрѣшало бы какой-либо мучительный вопросъ для населенія. Всѣ вѣрили въ цѣлебную силу купаній и здоровое мѣстоположеніе города; открытіе доктора— это громъ съ безоблачнаго неба. И понятно, что радость по этому поводу кажется неестественной.

Въ концѣ пьесы авторъ ставитъ доктора Штокмана въ такое положеніе, что ему остается одно: или бѣжать въ Новый Свѣтъ, или бороться одному, возлагая всѣ свои надежды лишь на уличныхъ мальчишекъ. Авторъ желаетъ подчеркнуть это одиночество доктора: на сторонѣ послѣдняго остается лишь капитанъ Горстеръ—морякъ, не связанный съ интересами земли и потому не интересующійся общественными дѣлами. Конечно, можно себѣ представить, что открытіе доктора оказалось въ противорѣчіи съ интересами всего населенія даннаго города. Но вѣдь за стѣнами этого города — цѣлая страна, и въ ея интересахъ, казалось бы, докторъ могъ найти опору для справедливости, къ которой онъ стремится. Можно себѣ представить, что въ данномъ городѣ лишь одно лицо можетъ безкорыстно увлечься идеей правды, но вѣдь это еще не значитъ, что нѣтъ другихъ борцовъ за нее ближе

Новаго Свѣта. И зритель не можетъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что въ одиночествѣ доктора есть нѣчто неестественное, фальшивое.

Если принять во вниманіе основную мысль пьесы, то легко понять, что указанные недочеты, въ сущности, были неизбѣжны для автора. Онъ не могъ открытіе доктора согласовать съ сознанными потребностями населенія, онъ не могъ указать возможныхъ ему союзниковъ. Чтобы противопоставить личность толпѣ, идею—интересу, ему нужно было сдѣлать эту личность одинокой и эту идею враждебной интересамъ всего населенія. Я уже заявилъ, что не претендую быть критикомъ, и потому не берусь судить, насколько употребленный имъ для этого пріемъ можетъ быть оправданъ съ художественной точки зрѣнія.

Но, какъ публицистъ, я убѣжденъ, что идея справедливости не есть что-то чуждое и тѣмъ болѣе враждебное интересамъ народа; я знаю, что борьба за правду не Штокманомъ начата и не имъ однимъ ведется. Въ частности, идеи истины и справедливости, которыя для насъ русскихъ являются очередными, находятся въ полномъ согласіи съ самыми насущными интересами народа, и борьба за эти идеи—дѣло не отдѣльной только личности, а всей русской интеллигенціи. Поэтому-то рѣзкимъ диссонансомъ для русскаго зрителя звучитъ послѣднее „открытіе“ доктора.

— Я открылъ,—говоритъ онъ,—что самый сильный человѣкъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто болѣе всѣхъ одинокъ“.

Да! Для великаго дѣла истины и справедливости нужнѣе всего мужественная и развитая личность. Но сила ея — не въ одиночествѣ, а въ союзѣ съ другими личностями и съ народомъ.

Изъ исторіи чести и совѣсти.

(По Гл. И. Успенскому).

1900 г.

„Насъ одушевляютъ два чувства: одно я назову чувствомъ долга или совѣсти, а другое чувствомъ чести. Первое говоритъ намъ, что мы виноваты передъ народомъ, на счетъ котораго мы живемъ, а второе говоритъ намъ, что и передъ нами виноваты тѣ, которые насъ ежечасно, ежеминутно оскорбляютъ“...

Н. К. Михайловскій.

I.

Про честь и совѣсть въ наши дни совсѣмъ почти не слышно. Для значительной части литературы это во истину „забытыя слова“, почти вовсе вышедшія изъ употребленія. И для литературы, и для прикосновеннаго къ ней обывателя... При мысли о послѣднемъ невольно вспоминаются слова Сидора Коробкова:

„Можетъ ли онъ быть гнѣвенъ, или можетъ ли быть онъ добръ? Нѣту! Плюнь ему въ рожу—у него рука не осмѣлится на оплеуху! Понадѣйся на него—не выручитъ, будетъ спать спокойно, хотя бы ты стоналъ у него всю ночь подъ окномъ. Не гнѣвенъ и не любовенъ; со всѣми ласковъ, но у него всѣ подлецы... Вотъ нонѣшнее поколѣніе!“ *)

Рѣзкія эти слова, но къ современному интеллигентному обы-

---

*) Сочиненія Гл. Успенскаго, т. III. Заячья совѣсть.

вателю примѣнимыя. Плевковъ въ его сторону и стоновъ вокругъ него черезчуръ уже много, а гнѣва оскорбленной чести и скорби наболѣвшей совѣсти, какъ будто, въ немъ и вовсе нѣтъ.

Однако, нельзя на одного обывателя валить всю вину въ запамятованіи такихъ словъ, какъ честь и совѣсть. Не безвинна въ этомъ и современная литература. Въ разрабатываемыхъ ею міросозерцаніяхъ нѣтъ мѣста либо обществу съ его потребностями, либо личности съ ея сознаніемъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ—въ равной мѣрѣ—отрицается и обязанность личности отвѣтствовать передъ обществомъ, и ея право звать къ отвѣту ближняго. Другими словами: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ обыватель „на законномъ основаніи“ освобождается отъ обязанности судить себя и другихъ судомъ чести и совѣсти.

Ненужныя въ его и литературномъ обиходѣ слова, конечно, забываются.

Къ счастью, кромѣ современнаго литературнаго прейсъ-куранта, изъ котораго при начавшейся „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей“, можетъ быть, вовсе будутъ вычеркнуты такія слова, какъ честь и совѣсть, намъ доступна и иная литература—литература „самой совѣстливой эпохи“ въ русской жизни. Поколѣніе той эпохи видѣло честь и совѣсть in statu nascendi—въ моментъ ихъ зарожденія, въ самый лучшій, какъ знаютъ химики, моментъ для изученія элементовъ и свойственныхъ имъ реакцій. И оно оцѣнило ихъ очень высоко. Къ явленіямъ этого порядка обращались тогда художники, публицисты и мыслители, желая „обозначить, въ чемъ заключается будущее народа и въ чемъ состоитъ дѣйствительное благо“. Въ этой области люди искали и находили мѣрило для оцѣнки личности и общественныхъ отношеній. На этомъ основаніи строились общественныя программы. Этотъ лозунгъ давался дѣятелямъ, бравшимся за ихъ осуществленіе. Некрасовская „муза мести и печали“ неумолчно будила тогда въ читателѣ

Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.

Сатиры Щедрина, какъ гнѣвный бичъ, разсѣкали удушливую атмосферу мертвящаго бюрократизма, застарѣлаго крѣпостниче-

ства и быстро отъѣдавшагося кулачества, съ удивительною мѣткостью настилая людей безъ чести и совѣсти всякаго вида и званія. Скорбь наболѣвшаго сердца, возмущеннаго пережитками крѣпостной неправды и зачатками надвигавшейся ей на смѣну неправды „купонной“, на ряду съ неослабною вѣрою въ цѣлебную силу и грядущую побѣду „разума, оживленнаго сердцемъ, и сердца, обобщеннаго разумомъ“,—сквозили въ каждомъ образѣ, въ каждой строкѣ Гл. Успенскаго... Исчерпать въ одной замѣткѣ все, что видѣли, перечувствовали, передумали лучшіе люди цѣлой эпохи, чѣмъ они жили и чѣмъ намъ жить завѣщали, — немыслимо. Изъ цѣлаго поколѣнія возьмемъ Успенскаго, изъ всего Успенскаго перечитаемъ лишь нѣкоторыя страницы.

II.

— Вы чьи будете?

— Мы? мы шереметьевскіе-съ *)!

Этимъ лаконичнымъ разговоромъ можно было бы начать книгу бытія чести въ россійскомъ государствѣ. Было время, когда чести не было. Развѣ могла быть честь у не-своего „человѣка“, всю жизнь котораго опредѣляла воля барина, воля нерѣдко „глупая, грубая, пустомысленно жестокая, несуразная“? Да и у той горсточки людей, которые при встрѣчѣ рекомендовались „своими“, развѣ могла быть честь?

Развѣ могла она быть у купца, который „былъ дойною коровою всѣхъ, кто представлялъ собою какую-нибудь власть? Онъ давалъ взятки, подносилъ хлѣбъ-соль, жертвовалъ, подписывался на альбомъ видовъ.... дѣлалъ иллюминаціи „въ честь“... участвовалъ карманомъ въ какомъ-то аллегри „въ пользу“... Квартальный, городничій, частный приставъ, брандмейстеръ, судейскій крючекъ, ходатай и т. д.—все это шло къ нему въ домъ, въ лавку и брало деньги, ѣло икру, рыбу, пило водку, постоянно грозилось и требовало благодарности „за снисхожденіе“. И купецъ всѣмъ платилъ, всѣхъ кормилъ, въ глубинѣ души чувствуя, что дѣло его „нечисто“, что каждую минуту его могутъ уличить и

---

*) Гл. Успенскій. Непривычное положеніе, т. III, ст. 189.

поступить на законномъ основаніи, да и на томъ свѣтѣ, пожалуй, будетъ не очень хорошо" *).

Развѣ могла быть честь у духовенства? „Баринъ—разсказываетъ намъ Тяпушкинъ про жизнь своего отца-священника,—желая узнать, кто изъ дворовыхъ укралъ у него мѣшокъ овса, принимался гадать. Для этого онъ открывалъ псалтирь, гдѣ придется, съ закрытыми глазами, тыкалъ куда попало, и, прочитавъ строчку, которую указывалъ палецъ, начиналъ думать, что эта строчка означаетъ, на кого указываетъ? На кучера? На лакея, или на бабу солдатку Аксинью? Отецъ мой получалъ множество приказаній разъяснять текстъ и представлять соображенія, на кого именно изъ прислуги слѣдуетъ согласно смыслу текста обратить наказаніе? И отцу приходилось служить этой подлости" **)... Служилъ онъ одновременно и подлости барина, и невѣжеству забитыхъ этимъ бариномъ крестьянъ, „предъявлявшихъ къ нему нерѣдко чисто языческія требованія".

Это—въ деревнѣ. А въ городѣ того же священника ждало доброхотное даяніе купца, желавшаго и Бога обмануть, какъ онъ обманывалъ своихъ покупателей. Тамъ священника обступали иныя требы, не менѣе подлыя, а подчасъ еще болѣе жестокія.

— Ваше благословеніе, „къ своэь строю" пора... Приготовляются... ***).

И невольный ассистентъ творившихся жестокостей спѣшилъ на мѣсто казни. Онъ приносилъ съ собой св. крестъ и св. дары, но съ нимъ не было святыни сердца—праведнаго гнѣва. И въ городѣ, и въ деревнѣ, и въ палатахъ барина, и въ хатѣ крестьянина, и въ частномъ домѣ, и на лобномъ мѣстѣ служитель Бога неизмѣнно являлся покорнымъ рабомъ царившихъ всюду невѣжества, подлости и жестокости.

Развѣ была честь у чиновника? Но какъ бы онъ сталъ съ нею выполнять завѣтъ, перешедшій къ нему отъ предковъ:

— „Въ карманъ-то, въ карманъ-то норови поболѣ" ****)!

Для этого не честь нужна была, а задній ходъ въ домѣ, цап-

*) Книжка чековъ, т. I. ст. 481—482.
**) Волей-неволей, т. II, ст. 491.
***) Волей-неволей, т. II, ст. 288.
****) Раззоренье, т. I, ст. 259.

кія руки, гибкая шея и другіе испытанные пособники лихоимства и казнокрадства. „Взяточничество и казнокрадство было распространено повсюду, считалось настоящимъ дѣломъ жизни, доходило до аматерства. Нажива ловкая и умѣлая поглощала плохо или почти неразвитый умъ большинства неплательщичьихъ классовъ, знавшихъ большею частію на своей близкой роднѣ, а то и на собственномъ дѣтствѣ, что такое нужда, что такое голодное брюхо. Въ наживаніи не было другихъ цѣлей, кромѣ этого наживанія, кромѣ простой волчьей потребности удовлетворить аппетитъ, голодъ желудка“ *). Правда, это волчье нутро прикрывалось человѣчьимъ обличьемъ: „о грабежахъ не было и помину: толковали объ отвлеченныхъ предметахъ, о душѣ, о царствѣ небесномъ; ходили къ обѣднѣ, ѣли, пили, спали, цѣловали другъ у друга ручки“... и изъ поколѣнія въ поколѣніе воспитывали въ себѣ не сознаніе человѣческаго достоинства, а привычку „ежеминутно лгать, притворяться и рабствовать“ **).

Развѣ была честь у барина? Да, была... но только особая... Требованія этой чести, нужно думать, создали „настоящаго“ барина, образъ котораго сохранила народная память. „Въ высокой оградѣ своихъ казенныхъ правъ,—возсоздаетъ его намъ художникъ,—онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи... Мозгъ, умъ, сердце плохо и нездорово дѣлали свое дѣло въ этихъ обширныхъ, когда-то блистательныхъ господскихъ дворцахъ... Изъ всѣхъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, которые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, вы услышите объ ужасныхъ звѣрствахъ, возводимыхъ на степень удовольствія, объ ужасныхъ безчинствахъ противъ слабыхъ и безсильныхъ поповъ и чиновниковъ,—безчинствахъ, тоже имѣвшихъ цѣлью потѣху, развлеченіе, и волей-неволей увидите, что нашъ феодалъ не могъ выдумать ни удовольствія, ни потѣхи, ни развлеченія, мало-мальски похожихъ на развлеченія здороваго человѣка. Пороть и наслаждаться этимъ—надо быть больнымъ; приклеить попу бороду къ столу — надо быть пьянымъ; вывалять становаго въ дегтю и пуху и потомъ заплатить ему—затѣя человѣка и нетрезваго, и

*) На старомъ пепелищѣ, т. I, ст. 570.
**) Раззоренье, т. I, ст. 259.

неумнаго" *). И ничѣмъ этимъ не гнушался настоящій баринъ. Культъ дворянскаго достоинства, доведенный до своихъ „настоящихъ" предѣловъ, неизмѣнно приводилъ къ поруганію въ себѣ и другихъ достоинства человѣческаго. Дворянская честь, какъ и всякая иная, сословная или классовая, въ самой себѣ носила отрицаніе того, что краситъ человѣка.

Да, было время, когда чести не было. Рабство милліоновъ оподлило самое имя человѣка, сдѣлавъ его синонимомъ холопа, лишеннаго собственнаго достоинства и пригоднаго лишь для помыканія. Всѣ отношенія—личныя, семейныя, общественныя—были насквозь проникнуты самымъ безцеремоннымъ отрицаніемъ правъ человѣческой личности и прежде всего, ея физической и душевной неприкосновенности. Чувство собственнаго достоинства, если и возникало въ комъ, то подъ давленіемъ окружавшей среды принимало самыя уродливыя формы, обращаясь въ самодурство у сильныхъ и прикрываясь юродствомъ у слабыхъ. Иной сживаемый со свѣта человѣкъ въ отчаяніи хватался за собственные сапоги, желая хотя бы въ отношеніяхъ къ нимъ сохранить свою самостоятельность:

— „Что-жъ... Ничего! Возьму вотъ сыму... сапогъ... д-да! а потомъ надѣну... Ничего? и другой сыму... И преотлично!" **)

Читатели, конечно, помнятъ этого мѣщанина, въ пьяномъ бормотаніи котораго заключалась цѣлая драма поруганной личности и испорченной жизни. Помнятъ и того благообразнаго старика который засѣлъ на берегу съ удочкой:

— „Теперь пусть-ка они меня поищутъ! — твердилъ онъ, довольный своей выдумкой уйти отъ людей.—Пускай!... А ужъ душу свою я соблюду... Буду вотъ сидѣть подъ кустомъ, да рыбу ловить, ничего мнѣ не нужно... Ничего" ***)!

Соблюсти душу отъ всевозможныхъ надругательствъ и можно было только уйдя отъ жизни. Смутныя идеи правды и добра, зарождавшіяся въ этой средѣ или заносившіяся въ нее извнѣ, были безсильны возстановить человѣка и только отягощали лежавшія на немъ цѣпи.

*) Изъ деревенскаго дневника, т. II, ст. 7.
**) Наблюденія одного лѣнтяя, т. I, ст. 419.
***) Ibid. ст. 416—417.

— „Все соблюди, подъ козырекъ сдѣлай, и ножкой шаркни, и въ бумагѣ шабарши перомъ что слѣдуетъ, да свое-то слово вверни,—если ты человѣкъ съ совѣстью... Извивайся, коли такъ, передъ высшими, ползай, да изловчайся же сказать и свое!" *).

Вотъ что требовало сердце отъ раба, въ душу котораго пробралась совѣсть,—совѣсть робкая, рабская, безсильная. Отдѣльныя личности и постепенно подбиравшіеся изъ нихъ маленькіе кружки интеллигенціи были еще безсильны согрѣть и освѣтить эту почти безпросвѣтную мглу, которая висѣла надъ страной.

Да, было время, когда ни чести заправской, ни совѣсти настоящей не было. Человѣка не было.

У Успенскаго есть очеркъ **), въ которомъ онъ разсказываетъ, какъ группа людей изъ этой „безчеловѣчеcкой" среды попала было на дорогу, „по которой можно было дойти до сознанія правъ живого человѣка на землѣ". Передъ нами семья, какихъ было много,—если не вся тогдашняя русская толпа"; „семья, угнетенная носившимся въ воздухѣ молотомъ: „еще наживешь хлопотъ". Вѣчное безпрерывное безпокойство о виновности самаго существованія на свѣтѣ пропитало всѣ взаимныя отношенія, всѣ общественныя связи, всѣ мысли, всѣ дни и ночи, мѣсяцы и годы... Увѣренности, что человѣкъ имѣетъ право жить, не было ни у кого; напротивъ: именно эта-то увѣренность и была умерщвлена въ толпѣ. Всѣ простые, обыкновенные люди не жили:—„мыкались" или просто „кормились", но не жили.

И вотъ въ такую-то мыкавшуюся семью является Парамонъ. Парамонъ—это юродивый, мужикъ, крайне недалекій, неграмотный. „Было у него выдумано или измышлено нѣсколько фразъ, которыя, по всей вѣроятности, должны были выражать какую-нибудь мысль, но по безграмотству мужика-подвижника не означали ничего, кромѣ чепухи". Но этотъ „разженившійся" и изуродовавшій себя человѣкъ „шелъ по дорогѣ въ небо" и шелъ „съ безбоязненною увѣренностью въ своей правотѣ". Съ его приходомъ открылась масса новыхъ, небывалыхъ и немыслимыхъ до того перспективъ: рай, адъ, правда, совѣсть, подвиги. Оказывалось, что есть что-то выше и лучше того, чего вчера еще всѣ

*) Заячья совѣсть, т. III, ст. 100.
**) Парамонъ Юродивый, т. I.

боялись, чему завидовали. Весь домъ, вся семья начала ощущать цѣль и смыслъ жизни человѣческой. „*Мы* что-то должны... *мы* что-то можемъ.. Не все кто-то можетъ надъ нами и не всѣмъ мы должны“. Вотъ какія необыкновенныя ощущенія пришли вмѣстѣ съ Парамономъ въ забитую семью.

Пришли... и исчезли при первомъ столкновеніи съ суровой дѣйствительностью. Достаточно было появленія квартальнаго съ вопросомъ о паспортѣ, чтобы разрушить все обаяніе Парамоновой личности. Безбоязненная увѣренность въ своей правотѣ, не покинувшая Парамона и при квартальномъ, не только не привлекла, а еще болѣе оттолкнула людей, которые „не могли“ понимать вѣрности себѣ, казавшейся имъ глупостью. „Не показать виду, что не боишься, показывать, напротивъ, что боишься“— вотъ что диктовала житейская мудрость. И если Парамонъ не отрекся отъ себя, то вся увлеченная имъ семья — отъ мала до велика отреклась отъ Парамона и предала его, предала даже тамъ—въ глубинѣ своего сердца. Передъ лицомъ квартальнаго, вооруженнаго правомъ протокола, исчезло все, что принесъ съ собой Парамонъ. Занесенныя имъ понятія правды, искренности, простоты; пробужденныя имъ чувства права и долга—улетучились. Осталось прежнее, отягченное совершоннымъ предательствомъ, сознаніе собственнаго ничтожества, да воспитанная вѣковымъ рабствомъ привычка „чтить руку бьющаго паче ближняго и самого себя“.

III.

„Вотъ въ этакомъ-то видѣ, какъ выражался купецъ Таракановъ, и всунулись мы рыломъ въ леформы“ *).

Теперь — спустя почти полвѣка — трудно себѣ и представить то потрясающее дѣйствіе, какое имѣли эти реформы и даже не столько реформы, сколько нахлынувшія въ это время идеи, нашедшія себѣ въ реформахъ лишь частичное осуществленіе. Собственно, была одна идея, сразу заявившая о себѣ въ цѣломъ рядѣ формулъ, хотя ее легко было охватить однимъ словомъ. Слово это—*человѣкъ*, живой человѣкъ на землѣ, понятіе совершенно не-

---

*) Затрудненія купца Тараканова, т. II, ст. 788.

извѣстное крѣпостной философіи, понятіе неизмѣримо великое по объему и неисчерпаемо богатое по содержанію. Будучи найдена, эта идея однимъ своимъ появленіемъ въ сознаніи упраздняла все крѣпостное міросозерцаніе, однимъ своимъ распространеніемъ дѣлала немыслимымъ весь дореформенный строй жизни. Въ однихъ случаяхъ на много опережая реформы, въ другихъ—дѣлая ихъ неизбѣжными, она начала рвать путы, связывавшія по рукамъ и ногамъ личность. Казалось, все старое должно было рухнуть и начаться все новое. Ощущеніе „всеміврнаго потопа" было господствующимъ чувствомъ того времени.

— „Теперь не то!"—заговорили чиновники.

— „Нонѣ не то время!"—тараторили мужики.

— „Не тѣ нонѣ времена!"—охали купцы.

„Иные отъ этихъ новыхъ временъ плакали, раззорялись, ожесточались; другіе радовались имъ, пріободрялись, похваливали" *).

Кузьма Егорычъ Гвоздевъ, напримѣръ, только что блистательно начавшій карьеру дореформеннаго чиновника и въ изобиліи запасшійся всѣми необходимыми для этого качествами, на первыхъ порахъ былъ кругомъ запутанъ этими новыми вѣяніями. „Съ одной стороны слышалось: „честь нужна, честь"... Съ другой—„совѣсть", „благо". Кузьма Егорычъ только повертывался совершенно убитый, и съ умоляющими глазами лепеталъ то направо, то налѣво: „Честь? Ты говоришь, честь? Ваня? Что-жъ я... голубчикъ! Совѣсть! Опять... Петръ Иванычъ, отецъ, развѣ я? Господи!" Но ни откуда не было ни пощады, ни милосердія... „Я видѣлъ его однажды, разсказываетъ авторъ, въ жалчайшемъ видѣ: онъ стоялъ въ соборѣ, въ темномъ уголкѣ, положивъ кисти обѣихъ рукъ на набалдашникъ палки и закинувъ голову назадъ, какъ бы въ изступленіи отчаянія пѣлъ вслѣдъ за хоромъ: „конецъ приближается!".. и слезы дрожали въ его голосѣ" **).

И въ это же время Михаилъ Ивановичъ,—выгнанный съ завода рабочій, получившій „просіяніе ума своего",—на встрѣчнаго и поперечнаго насѣдалъ со своей необузданной вѣрой въ эти самыя новыя времена:

— „Пора ее шваркнуть палку-то!—выкрикивалъ онъ.—Д-да!

*) Своекорыстный поступокъ, т. II, ст. 355.

**) Наблюденія одного лѣнтяя, т. I, ст. 422.

Порасказать въ Питерѣ—ахнутъ! Нонѣ она объ двухъ концахъ стала... Д-да!.. Пора простому человѣку дать дыханіе! Довольно надъ нимъ потѣшаться, разбойничать... Дайте ходъ!.. *).

Теперь мы уже знаемъ — и, къ сожалѣнію, слишкомъ доподлинно знаемъ,—что благословенія и проклятія, которыми были встрѣчены новыя времена, оказались чрезмѣрными. Не все старое рушилось и не все новое осуществилось. Многое изъ стараго уцѣлѣло,—тотъ же Кузьма Егорычъ выплылъ, и даже изъ того, что казалось исчезнувшимъ, многое въ тѣхъ же или иныхъ формахъ ожило и по-прежнему налегло на простого человѣка. Еще больше оказалось новаго, не умѣстившагося въ жизни, а и то, что умѣстилось, съ теченіемъ времени какъ-то принизилось и поблекло. Великая задача утвердить права человѣка въ русской землѣ—оказалась много труднѣе, чѣмъ думало поколѣніе, взявшееся за ея осуществленіе. Унаслѣдованныя отъ вѣкового рабства привычки, еще не расшатанные научнымъ знаніемъ предразсудки, связанные съ наличными экономическими отношеніями интересы, оставшіеся нереформированными правовые институты,—все это до нельзя затруднило проникновеніе великой идеи въ сознаніе отдѣльныхъ личностей и распространеніе ея въ массѣ. Радостный актъ творенія новыхъ общественныхъ формъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ. Начался медлительный процессъ пробужденія человѣческаго самосознанія, процессъ, пошедшій крайне неровно, осложнившійся цѣлымъ рядомъ болѣзненныхъ явленій.

Чтобы привести къ „сознанію правъ живого человѣка на землѣ", этотъ процессъ долженъ былъ быть двустороннимъ. Мои права и права ближняго моего—въ равной мѣрѣ права живыхъ людей. Но можно очень чутко относиться къ первымъ, совсѣмъ не заботясь о вторыхъ, и, наоборотъ, можно всецѣло отдаться на служеніе ближнему, совсѣмъ забывая о своихъ правахъ, какъ живой личности. Болѣзненно развитое чувство собственнаго достоинства, въ одномъ случаѣ, и болѣзненно утрированное чувство общественности, въ другомъ,—таковы были неизбѣжные результаты душевнаго процесса, нормальное теченіе котораго было чѣмъ-либо нарушено. По дорогѣ къ сознанію правъ живого человѣка

*) Наблюденія Михаила Ивановича, т. I, ст. 238.

на землѣ легко было заболѣть болѣзнью чести, неуравновѣшенной соотвѣтственно развитой совѣстью, или болѣзнью совѣсти, не поддержанной въ ея трудномъ дѣлѣ чувствомъ чести.

Изъ раба или самодура сдѣлаться человѣкомъ не легко. Для этого нужно свои и чужія права усвоить мыслью, пережить чувствомъ, сдѣлать опредѣляющимъ моментомъ своей воли. Но въ процессѣ этого всесторонняго перерожденія мысль нерѣдко опережала чувство, сердце часто оказывалось безсильно порвать путы, связывавшія волю. Одновременно съ болѣзнью чести или совѣсти человѣкъ нерѣдко заболѣвалъ болѣзнью мысли или болѣзнью сердца.

Гл. И. Успенскому—отзывчивому и правдивому историку переходнаго времени—значительную часть своего таланта пришлось отдать изображенію и анализу этихъ болѣзненныхъ явленій болѣзней мысли и сердца, чести и совѣсти.

И мы не можемъ миновать ихъ.

IV.

Одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ болѣзни чести данъ Успенскимъ подъ заголовкомъ „Темный деревенскій случай" *). Произошелъ этотъ случай въ молодой семьѣ сельскихъ торговцевъ Кузнецовыхъ, въ семьѣ, которой все, казалось, сулило счастье. „Вѣдь какъ, братецъ ты мой, чудесно жили-то въ первомъ году,—разсказывалъ про ихъ жизнь односелецъ,—ангелы преподобные! Торговлю начали чисто, на готовыя денежки, всего много, домъ съ иголочки, оба любо глянуть, ужъ объ ней и говорить нечего: королева—одно слово! Да и онъ парень складный... Бывало, взойдешь въ лавку-то къ нимъ, соли тамъ или что-нибудь взять—сидятъ оба, какъ птички, и ласковы, и веселы... И самому-то, ей-Богу, весело станетъ... Вдругъ, какъ нечистый попуталъ, сразу, братецъ ты мой, оба какъ оглашенные стали". Эта гармонія готовыхъ денежекъ, новенькаго дома и красивой пары молодыхъ животныхъ по новымъ временамъ оказалась очень неустойчивой. Началось съ того, что умеръ отъ удара всѣмъ сердцемъ почитаемый родитель Кузнецова, а потомъ въ однѣ сутки сгорѣла

*) Изъ деревенскаго дневника, т. II, ст. 94—107.

трехмѣсячная дочка Ольгунька, въ которой и онъ, и жена его Милочка души не чаяли. Несчастія, постигшія Кузнецовскую семью, конечно, были велики, но съ точки зрѣнія людей ихъ уровня не такія ужъ неизбывныя. Конечно, „на счетъ родителя—дѣло ужъ совсѣмъ плевое, не воротишь", ну, а на счетъ дѣвочки, по мнѣнію всѣхъ окружавшихъ, печалиться особенно не стоило: другія будутъ. И, вѣроятно, переболѣвъ душою, Кузнецовы довольно скоро нашли бы себѣ утѣшеніе въ этой возможности имѣть дѣтей, въ возможности вновь такимъ путемъ наладить не затронутое критической мыслью счастье, если бы сердце Кузнецова, въ связи съ постигшими его несчастіями, не поразилъ другой ударъ, гораздо болѣе тяжкій—сознаніе собственнаго ничтожества. Случайно зашедшій въ лавку аптекарь не усомнился бросить ему въ лицо упрекъ, что они сами виноваты въ смерти дѣвочки: „Рожать, говоритъ, умѣете, а даже ходить не умѣете, не знаете, что вредно, что полезно... Это и свиньи такъ-то за поросятами ходятъ... Тоже „родители" называются... почитай ихъ!" Нанесъ ударъ и ушелъ.

А въ душѣ Кузнецова начался невидный и непонятный окружающимъ процессъ. Съ малыхъ годовъ „лѣтъ пятнадцать кряду онъ только и дышалъ Милочкиной любовью; пережилъ съ нею годъ такого счастья, какого иному и во снѣ не приснится; зналъ, что такое радости семейной жизни, что за счастье быть отцомъ, и вдругъ, одно за другимъ, два несчастья, потомъ пустота голая и сознаніе собственнаго невѣжества"... А на счетъ невѣжества онъ понялъ сразу, съ одного разговора. Понялъ—и прежняя, скорѣе животная, чѣмъ человѣческая, жизнь для него сдѣлалась невозможной. „Поднялась моя любовь по этому случаю, разсказывалъ онъ потомъ, градусомъ выше, сталъ я любить другое. Сталъ я влюбляться въ размышленія, въ разсужденія... И повѣрите ли въ слова, въ мысли, которыя пошли у меня ходитъ въ головѣ, я такъ же точно сталъ влюбляться, какъ въ Милочку.. Однова аптекарь (это ужъ въ городѣ какъ-то случилось) показалъ мнѣ такую штуку: чашка съ водой; вода какъ есть чистая, комнатная, и вдругъ подсыпали чего-то... что же?—въ одну минуту замерзла, а было лѣто... Такъ что со мной было, если бы вы только знали!.. Такое охватило меня невѣдомое блаженство, такая радость какая-то и, истинно, самъ не знаю отчего), ну, ни съ чѣмъ сравнить не-

возможно... Прямо вамъ сказать—началась у меня другая любовь, выше и много любопытнѣй, такъ, по крайности, въ ту пору мнѣ представлялось!.. И рвусь я, что дальше, то больше. И все мнѣ пріятнѣй, хитрѣй, мудренѣй, прямо сказать, забористѣй... А, между прочимъ, слышу, что Милочка не тѣмъ норовитъ вылѣчиться".

Мы можемъ сдѣлать перерывъ въ нашей сжатой передачѣ высоко-художественнаго очерка. Передъ нами вполнѣ обрисовался душевный процессъ, пережитый Кузнецовымъ. Жизнь, можетъ быть, и черезчуръ сурово, но за то тѣмъ болѣе неуклонно привела его къ сознанію одного изъ основныхъ правъ живого человѣка на землѣ—права быть умнымъ, знающимъ. Это право, какъ право личное, имъ было сознано вполнѣ: и мыслью усвоено, и чувствомъ пережито, и волей уже осуществляется. Отказаться отъ этого права за себя онъ уже не могъ — этого не позволило бы чувство чести, этотъ властный инстинктъ самосохраненія сознавшей себя личности. Но дѣло личное въ его сознаніи еще не претворилось въ дѣло общее. И при столкновеніи съ окружающей средой проснувшійся одной стороной человѣкъ легко могъ обратиться опять въ животное, даже въ звѣря.

А это столкновеніе для Кузнецова было неизбѣжно. Милочка, оставшаяся на томъ берегу, норовила вѣдь не тѣмъ вылѣчиться. И она, и всѣ окружающіе „полагали, что необходимъ опять ребенокъ, чтобы вновь жизнь получила смыслъ". „Наскочившій на другой смыслъ", Кузнецовъ попробовалъ замкнуться въ себѣ, но не выдержалъ напора ожесточившейся среды. Его личность, не доросшая до признанія человѣческаго достоинства вообще и до сознанія своихъ обязанностей къ ближнему, не нашла лучшихъ средствъ для защиты своей неприкосновенности, какъ кулакъ, пьянство, развратъ. Когда же родственники Милочки захотѣли его „силкомъ къ этому самому порядку привести", то въ немъ окончательно проснулся звѣрь. Въ домѣ началась невообразимия свалка, закончившаяся тѣмъ, что самъ Кузнецовъ угодилъ въ тюрьму за истязанія жены, а синяя вся отъ побоевъ Милочка очутилась въ сумасшедшемъ домѣ.

Такъ окончилось дѣло чести, не уравновѣшенное обобщающей работой совѣсти. Предпринятое въ защиту личности, оно привело ее къ новому, еще болѣе глубокому паденію. Сознай Кузнецовъ

свое право, какъ частицу права общаго, онъ, конечно, нашелъ бы иныя болѣе цѣлесообразныя средства для самообороны.

Теперь, послѣ пережитой драмы, этотъ не только добрый, но, по наблюденію автора, и старающійся быть добрымъ человѣкъ, очевидно, понялъ, что есть еще любовь, много выше и любопытнѣй даже любви къ размышленіямъ. Эта любовь—любовь къ человѣку. И въ Милочкѣ онъ увидитъ теперь не только хорошенькую и милую женщину, какъ видѣлъ сначала, и не невѣжду только, какъ видѣлъ потомъ, а такую же, какъ и онъ самъ, правоспособную человѣческую личность. „Теперь, Богъ дастъ, воротится она, онъ все ей сдѣлаетъ, все предоставитъ, словомъ—теперь у нихъ съ ней совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ“...

V.

Въ параллель съ этой тяжелой драмой чести можно поставить не менѣе тяжкій случай болѣзни совѣсти, художественное изображеніе котораго дано Успенскимъ въ классическомъ по выполненію очеркѣ „Неизлѣчимый“ *). По обстановкѣ, разсказанная въ этомъ очеркѣ драма имѣетъ много общаго съ Кузнецовской. Больной—изъ той же среды сельскаго полукультурнаго люда: сельскій діаконъ (Милочка и вся ея родня—тоже духовнаго званія). До заболѣванія это—человѣкъ до края переполненный, какъ онъ выражался, „свинымъ элементомъ“. Такъ въ молодости, „когда онъ былъ мальчикомъ лѣтъ семнадцати, у него еще было что-то грустное, тяжелое на душѣ, что-то какъ будто саднило“. Но жизнь до конца, казалось, выѣла эти зародыши чести и совѣсти, и онъ сжился со средой, въ которой „все было воспитано уважать домъ, землю, деньги больше, чѣмъ правду своей души“. Съ мыслью о домѣ онъ женился, съ мыслью о доходахъ и жирномъ бокѣ жены посвящался, съ непрестанной заботой о деньгахъ жилъ и исполнялъ свои обязанности. Для него „только рубль было настоящее дѣло, только кусокъ въ желудкѣ, да жена ночью рядомъ—настоящее удовольствіе, а все остальное только *такъ*“... И школа только такъ, и реформы только такъ, для видимости, а въ сущности, только для того, чтобы получать деньги

*) Т. I, ст 590—628.

и получать ихъ удобнѣе. Однимъ словомъ, всѣ подлецы... Другой теоріи онъ не зналъ. „И въ такой-то дѣвственной душѣ проснулась совѣсть“.

Разбудилъ ее сторонній человѣкъ: чѣмъ для Кузнецова былъ аптекарь. тѣмъ для о. діакона — учительница. Это характерная особенность почти всѣхъ драмъ чести и совѣсти переходнаго времени. Разрушительная для „свиного элемента“ критическая мысль не сама собой зарождалась, а заносилась извнѣ, часто помимо воли и участія лица, ее воспринимавшаго, а иногда и лица ее занесшаго. Благодаря этому, заболѣванія имѣли видимый характеръ случайности, внезапности.

И съ о. діакономъ это внезапно случилось. „Шелъ себѣ человѣкъ *такъ*, просто чаю попить, напримѣръ, и вдругъ ему этакъ... чуть не воръ“. Да иначе и быть не могло: учительница была изъ новыхъ, т. е. изъ зараженныхъ уже критическою мыслью. И вотъ передъ нею-то, бросившей мужа, домъ, склады, капиталъ, убѣжденной, что „всю душу надо отдать на помощь бѣдному“, случайно зашедшему о. діакону вздумалось развить свою, казавшуюся ему несомнѣнною, теорію заполученія рубля. Онъ это и сдѣлалъ, предпославъ ей нѣсколько „юмористическихъ анекдотовъ изъ собственной практики (въ родѣ насильнаго захвата курицы у мужика, не имѣющаго чѣмъ заплатить за требу) и сопроводивъ ее поучительнымъ заключеніемъ, что „смотрѣть имъ (мужикамъ) въ зубы нечего, что надо съ ними не очень, чтобы тонко“... А та, вся позеленѣвъ отъ гнѣва, „съ этакою неделикатностью прямо ему, можно сказать, въ морду“: „Это—денной грабежъ! говоритъ. Да точно ли вы въ самомъ дѣлѣ дѣло дѣлаете? Точно ли, молъ, вамъ платить надо?“ И не сумѣлъ свиной человѣкъ не только ей, но и самому себѣ дать надлежащаго отвѣта.

А отвѣтъ былъ нуженъ. Критическая мысль, проникнувъ въ сознаніе, уже начала свою работу. Какъ ферментъ, усиливаясь въ вызванномъ ею самою процессѣ душевнаго броженія, она разложила усвоенные съ дѣтства взгляды и принудила захваченнаго ею субъекта сознательно отнестись и къ самому себѣ, и къ окружающей его дѣйствительности. Прежняя жизнь сдѣлалась для него немыслимой. Но тутъ-то и настигла его бѣда, мученія, болѣзнь. „Выходило такъ, что надо бросить домъ, имущество, духовное званіе—и во вретищѣ идти въ потѣ лица своего зара-

батывать хлѣбъ“. А съ другой стороны, „стало представляться, какъ это хорошо дома, съ женой и все прочее такое“... То совѣсть вонъ куда вознесетъ, то свиной человѣкъ низвергнетъ. Отсюда и пошло: то побои, пьянство, развратъ и всяческое безобразіе стремящагося возстановить свои права свиного элемента, то мучительная мысль, что надо „либо—помирать, либо все—вновь“, и сознаніе своей безконечной вины предъ людьми, вины, потому что, „если они и животныя, то ты только посодѣйствовалъ имъ быть ими, а не что-либо другое сдѣлалъ“.

Это чувство собственной виновности, неуравновѣшенное сознаніемъ правоты, и является характерною особенностью болѣзни совѣсти. Къ Кузнецову, болѣвшему другою болѣзнью, это чувство пришло, какъ мы видѣли, лишь при выздоровленіи. Въ разгарѣ же болѣзни тотъ не себя считалъ виновнымъ передъ другими, а только другихъ передъ собою за ихъ намѣреніе „привести его къ своему порядку“. До отца діакона „сознаніе правъ живого человѣка на землѣ“ дошло совсѣмъ въ иной формѣ. Въ сущности, имъ сознано не менѣе великое, чѣмъ и Кузнецовымъ, право человѣка—право быть добрымъ, но сознано не какъ личная потребность, а какъ обязанность передъ другими, имѣющими право отъ него это требовать. И новая жизнь ему нужна не для себя,—для себя ему по прежнему нуженъ лишь вкусный кусокъ въ желудкѣ да жирный бокъ жены рядомъ, – а для другихъ, права которыхъ безнаказанно нарушить онъ уже не можетъ, такъ какъ этого не позволитъ ему заговорившая совѣсть,—этотъ не менѣе властный, чѣмъ и инстинктъ личнаго самосохраненія, инстинктъ общественности. И если Кузнецовъ болѣлъ тѣмъ, что право личное въ его сознаніи не претворилось въ дѣло общее, что дѣло чести осталось неуравновѣшеннымъ совѣстью, то болѣзнь Неизлѣчимаго какъ разъ, наоборотъ, состоитъ въ томъ, что голосъ совѣсти не былъ поддержанъ въ немъ чувствомъ собственнаго достоинства, что право общее оказалось въ противорѣчіи съ потребностями личными.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ этотъ разладъ оказался гибельнымъ для личности съ ея неокрѣпшимъ еще и не пріобрѣвшимъ устойчиваго равновѣсія самосознаніемъ.

VI.

Необходимо, однако, замѣтить, что та острая форма болѣзни совѣсти, которой былъ пораженъ Неизлѣчимый, не была единственной и не можетъ считаться типической для переходнаго времени. Гораздо распространеннѣе и потому несравненно важнѣе въ общественномъ смыслѣ была другая ея форма, къ которой то и дѣло возвращается въ своихъ очеркахъ Успенскій.

Къ Неизлѣчимому сознаніе правъ человѣка пришло, какъ мы видѣли, въ формѣ признанія чужого права и то лишь по стольку, по скольку оно должно было найти себѣ осуществленіе въ его личности, т. е. въ формѣ искового требованія, предъявленнаго къ нему, какъ къ отвѣтчику. Но права другихъ людей далеко не исчерпываются тѣми требованіями, которыя могутъ быть предъявлены ко мнѣ, какъ къ сознавшей ихъ личности. Несравненно больше такихъ требованій можетъ быть предъявлено къ соціальнымъ условіямъ, среди которыхъ протекаетъ и моя жизнь, и жизнь моихъ однообщественниковъ. Въ этомъ большомъ искѣ нѣтъ и не можетъ быть противоположенія между моими и чужими правами. Чужое право, проходя черезъ мое сознаніе, не обращается въ мою обязанность, а сознается, какъ общее право человѣка—и мое, и моего ближняго. Къ дѣлу истребованія такихъ правъ сознаніе привлекаетъ личность не въ качествѣ отвѣтчика, а въ качествѣ истца, истца за себя—по чувству чести, за другихъ — по долгу совѣсти. При нормальномъ ходѣ этого душевнаго процесса потребности личныя и задачи общественныя сознаются, какъ нѣчто единое, цѣльное и нераздѣльное: то, что нужно мнѣ, нужно и моимъ ближнимъ; то, что нужно обществу, нужно, въ сущности, прежде всего мнѣ, какъ входящей въ составъ его личности.

Это совпаденіе личныхъ потребностей и стоящихъ на очереди общественныхъ задачъ можетъ быть разсматриваемо и изучаемо даже независимо отъ того, каковы эти потребности и эти задачи. У Успенскаго есть очеркъ—публицистическій съ массой беллетристическихъ вкраплинъ — подъ заголовкомъ „Больная совѣсть“. Цѣлымъ рядомъ параллелей онъ какъ нельзя ярче оттѣняетъ въ немъ разницу, какая наблюдается въ отношеніяхъ личности къ

общественному дѣлу у насъ и на Западѣ. Очеркъ относится къ самому началу семидесятыхъ годовъ, когда нѣмцы торжествовали обѣду надъ французами, а французская буржуазія разстрѣливала коммунаровъ. Впечатлѣнія отъ заграничной поѣздки, отъ тѣхъ дѣлъ, которыми занималась въ это время Европа, могли быть и были самыя ужасныя. „Я даже и говорить не могу, замѣчаетъ Успенскій, ни о чемъ, кромѣ самыхъ непріятныхъ вещей, но въ концѣ концовъ,—какъ бы ни было дурно, то, что попадается вамъ на глаза,—на душѣ будетъ хорошо". „И версальскій неправедный судія (безъ стыда и жалости приговаривавшій къ разстрѣлу своихъ братьевъ), и берлинскій звѣрь (упоенный побѣдой)... всѣ они дѣлаютъ только то, къ чему влекутъ ихъ личныя нравственныя требованія. Неправедный версальскій судія, убивая въ коммунарѣ ненавистную ему идею, дѣлаетъ это потому, что, допустивъ идею врага, онъ долженъ отказаться отъ своей, которою онъ живетъ и которую *считаетъ справедливою*... Звѣровидный берлинецъ потому такъ охотно исповѣдуетъ религію пропарыванія кишекъ ближняго, что вслѣдствіе множества мельчайшихъ причинъ, о которыхъ можете прочитать въ книжкахъ, эта религія составляетъ идею его личной жизни; она ему нужна за кружкой пива, за трубкой. Съ своей точки зрѣнія онъ можетъ представить тысячи, по его головѣ, совершенно логическихъ доводовъ, которые его совершенно оправдываютъ. На своемъ знамени въ данную минуту онъ можетъ написать такое словечко, которое ему дороже жизни... Ощути онъ за своей трубкой, за своей пивной кружкой потребность не пропарывать кишекъ—и на знамени надо будетъ писать другое слово, а старымъ, пожалуй, не стащишь его съ мѣста. Заберись коммунарская идея въ голову, въ сердце, словомъ, въ будничный обиходъ версальскаго неправеднаго судіи—и, пожалуй, не онъ будетъ убивать, а его"... *).

Вотъ отчего становилось хорошо на душѣ у наблюдателя русской жизни, удрученнаго переполнявшими эту жизнь явленіями больной совѣсти, ненужной для общаго дѣла личной жизни. Изъ цѣлаго ряда характерной для русской дѣйствительности типовъ, мѣтко—подъ часъ двумя-тремя штрихами—очерченныхъ Успенскимъ въ томъ же очеркѣ, напомнимъ отставного солдата Куди-

*) Больная совѣсть, т. I, ст. 713.

ныча, для котораго всѣ былые враги—самые добрые люди, неизвѣстно зачѣмъ бунтовавшіе и неизвѣстно зачѣмъ имъ усмирявшіеся;—прокурора, который въ залѣ суда упекаетъ крестьянина Андронова за порубку дубковъ, въ перерывѣ засѣданія сочувствуетъ ему и даетъ деньги, а дома является демагогомъ;—посланнаго „для изученія народнаго быта" агента одного отдѣленія одной канцеляріи, считающаго возможнымъ доказывать, что гораздо лучше, если это гнусное дѣло будетъ находиться въ рукахъ честнаго человѣка,—купца-раскольника, не рѣшающаго напиться чаю изъ чужой посуды, хотя и сознающаго, что это глупость... Этотъ характерный для несознававшей своихъ правъ личности разладъ идей и личной жизни у многихъ въ переходное время достигъ „большой огромности", принявъ одну изъ специфическихъ формъ болѣзни совѣсти.

Идеи, въ которыхъ нашли себѣ выраженіе права человѣка, не съ нами выросли, а пришли къ намъ извнѣ, въ качествѣ послѣдняго слова европейской мысли европейскаго опыта. „Русскій сознательный человѣкъ, говоритъ Тяпушкинъ, въ своемъ духовномъ развитіи волей-неволей долженъ былъ брать изъ опыта общечеловѣческаго непремѣнно *послѣднее слово,* точно такъ, какъ онъ долженъ брать игольчатое, а не кремневое ружье" *). „Послѣднее слово" было воспринято и сдѣлалось обязательнымъ, какъ обязательна всякая заявившая о себѣ истина. Но между великими идеями и мизерными потребностями приниженной вѣковымъ рабствомъ личности, воспринявшей эти идеи, оказалась цѣлая пропасть. Благодаря этому, многіе и многіе восприняли эти идеи лишь въ общей, отвлеченной формѣ. Они сознавали, что нужно человѣку вообще и въ то же время чувствовали, что это, нужное вообще, имъ лично совсѣмъ не нужно. „Лично, говоритъ тотъ же Тяпушкинъ, я могу переносить школу съ „гигіенической" (для порки) скамейкой... Лично я могу терпѣть голодъ, насиліе, несправедливость... Лично я могу поддерживать справедливость, дать взятку, примазаться къ откупамъ... Лично я могу переносить глупую и пустую семейную жизнь, лично я знакомъ съ трусостью... У меня лично нѣтъ матеріала для общественнаго дѣла" **).

---

*) Волей-неволей, т. II, ст. 481.

**) Волей-неволей, ст. 518.

Однихъ этотъ разладъ привелъ къ драмѣ, другихъ надѣлилъ тупою болью хронически больной совѣсти. Припомните „возмутительный случай“—этотъ самый драматическій моментъ въ драматической и безъ того біографіи Тяпушкина. „Первое личное дѣло, первая личная его обязанность, первая проба предъявить размѣры личной смѣлости жить на свѣтѣ, личной опрятности отношеній человѣческихъ, личнаго уваженія къ личности другихъ“,—отозвались въ его сердцѣ желаніемъ измѣнить общему дѣлу. И его сердце содрогнулось отъ неописаннаго ужаса, когда онъ созналъ, что „отъ общаго дѣла къ его личному дѣлу—нѣтъ дороги, даже нѣтъ тропинки“. Припомните Долбежникова, несчастнаго героя очерка „Не воскресъ“. Тотъ только и зналъ, что бѣгалъ отъ одного дѣла къ другому, не умѣя привести въ равновѣсіе внутренняго содержанія своего, уходящаго въ мелочи, *я* съ размѣрами великаго общаго дѣла, необходимость котораго имъ сознана, или, наоборотъ, будучи не въ силахъ отказаться отъ зачатковъ своей личности въ пользу общаго дѣла, необходимость котораго для него была сомнительна. „Не человѣкъ ты, говорили ему, а пассажиръ!“ Да, не человѣкъ... Но не человѣкъ, а если и человѣкъ, то самый маленькій,—былъ и „Читатель“, весь ушедшій отъ жизни въ книги и газеты и не замѣчавшій, что „обиліе и превосходное качество идей, исповѣдуемыхъ имъ, ничуть, однако же, не мѣшало быть ему самому вовсе не тѣмъ, чего требовали эти идеи“ *). И ужъ совсѣмъ не человѣкъ былъ тотъ, кто, узнавъ „послѣднее слово“, не нашелъ въ себѣ силъ не только для борьбы, но и для личной опрятности,—этотъ „интеллигентный гвоздь, который вбиваетъ на извѣстное мѣсто посторонняя рука и который оказывается способнымъ держать все, что эта посторонняя рука на него ни повѣситъ“ **).

VII.

Но были и люди... люди, до которыхъ двуединая идея о правахъ человѣка дошла въ цѣломъ видѣ и, глубоко проникнувъ въ сознаніе, объединила ихъ мысль, чувство и волю въ неуклон-

*) Изъ записокъ маленькаго человѣка, т. I, ст. 827.
**) Неплательщики, т. I, ст. 512.

номъ стремленіи къ жизни честной и благородной, люди, для которыхъ постулаты общаго блага, сдѣлались потребностями личными, а полнота личной жизни—немыслимой внѣ широкой жизни общественной.

Напомнимъ трогательный образъ призваннаго такимъ образомъ къ жизни человѣка, данный Успенскимъ въ очеркѣ „Голодная смерть". Ѳедюшка—герой этого очерка—не жилъ, такъ какъ нельзя назвать жизнью первыя впечатлѣнія бытія, которыя выпали на его долю. Сынъ солдатки, промышлявшей на половину поденщиной, на половину проституціей, „росъ онъ безъ всякаго призора, голодный, буквально раздѣтый, вѣчно выброшенный на улицу: на улицѣ ерзалъ онъ, когда у матери пили и гуляли гости, на улицѣ торчалъ, когда она гдѣ-нибудь мыла полы или стирала или работала какую-нибудь другую поденную работу. И тутъ, и тамъ онъ мѣшалъ, корявый, неуклюжій и совершенно дикій. Онъ мѣшалъ даже и въ дѣтской компаніи"... Однимъ словомъ, все и всѣ говорили ему: „ничего у тебя нѣтъ, ничего не будетъ и дѣло твое пропащее въ конецъ!" И самъ онъ „уже ребенкомъ маленькимъ, только начинающимъ ходить ребенкомъ, зналъ, что ему надежды нѣтъ ни на что, что ему никто ничего не дастъ и что самъ онъ никто". Случайно, хотя и въ связи съ теченіями времени, этотъ приговоренный къ погибели ребенокъ попалъ въ барскія хоромы, чтобы „играть съ Мишей", родители котораго были захвачены смутнымъ еще въ ту пору стремленіемъ слиться съ народомъ. Капризная барыня надумала даже ставить его въ примѣръ своему ребенку и Ѳедюшка вдругъ сдѣлался образцомъ ума, изящества, словомъ—всевозможныхъ добродѣтелей. Безчисленное количество указаній на умъ, понятливость и прочія хорошія качества Ѳедюшка, „въ качествѣ деревянной куклы, переносилъ съ величайшимъ терпѣніемъ, памятуя, что все это его вовсе не касается и что, слава Богу, что кормятъ". Но „однажды во время такихъ похвалъ бѣлое, безцвѣтное лицо его вспыхнуло, и онъ, не позволявшій себѣ сказать ни одного своего слова, произнесъ какъ-то необыкновенно радостно и торжественно: „ко мнѣ батька вотъ придетъ ишо!" Даже на лбу при этихъ словахъ у него загорѣлось красное пятно, точно звѣзда". Онъ припомнилъ единственный серьезный резонъ въ пользу того, что и онъ не совсѣмъ пропащая тварь,—таившуюся въ глубинѣ души смутную

надежду на возвращеніе отца, а припомнилъ потому, что на мгновеніе—послѣ двухлѣтнихъ похвалъ и одобреній—позволилъ себѣ повѣрить, что и онъ человѣкъ. И звѣзда у него во лбу загорѣлась отъ этого. Разъ появившись, она загоралась все чаще и чаще. Факты показывали, что онъ дѣйствительно человѣкъ, а, можетъ быть, еще и лучше, чѣмъ другіе Ѳедюшки. Онъ оказался способнѣе и умнѣе господскаго Миши, научившись читать незамѣтно для себя и другихъ, лишь стоя за спиной барчука. Звѣзда, разъ начавъ свѣтить, продолжала свѣтить вопреки всякимъ резонамъ, представляемымъ суровою дѣйствительностью, даже въ лачугѣ матери, куда Ѳедюшка былъ выдворенъ изъ господскихъ хоромъ.

Онъ набросился на книги. Случайно, хотя опять-таки въ связи съ особенностями времени (господа, у которыхъ Ѳедюшка доставалъ книги, были „слѣдящіе"), прямо отъ складовъ онъ принялся за чтеніе книгъ, отвѣчающихъ самымъ настоятельнымъ и насущнымъ требованіямъ мысли. „Разсказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ, выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чуялъ, понималъ, а сердце въ то время было у книги чистое и доброе... Всякая тогдашняя книжка, независимо отъ формы, въ сущности своей отвѣчала именно Ѳедину положенію, говорила, хотя и робко, и нѣжно, о его бѣдовомъ житьѣ". Книга заразила его сердце жалостью къ себѣ, къ матери, ко всей ихъ жизни. Она же и обобщила это жалостливое сердце. „Всѣ будутъ ласковы другъ къ другу"—вотъ что мерещилось ему, какъ непремѣнное условіе жизни по хорошему.

Счастливый Ѳедюшка!—впрочемъ, уже не Ѳедюшка, а Ѳедоръ,—онъ избѣжалъ тяжкихъ мукъ, въ которыхъ родится человѣкъ въ нашей странѣ. Несчастный Ѳедоръ! онъ не ушелъ всетаки отъ драмы, для которой было слишкомъ много элементовъ и внѣ его. Такъ долго жданный отецъ первымъ дѣломъ по возвращеніи поставилъ два ведра міру, чтобы тотъ высѣкъ Ѳедора за его первую попытку возстать на защиту обиженнаго. Возвращенный этою операціею, казалось, въ свое первобытное состояніе—въ ничто, Ѳедоръ всетаки не погибъ. Бѣжавшій съ родины и лишь другими удержанный отъ самоубійства, онъ вновь ожилъ. „Мысль его пошла дальше, онъ сталъ понимать, что всѣ эти на смерть испугавшіе его люди—такіе же испуганные, какъ и онъ, что кто-то или

что-то исковеркало, изуродовало ихъ, и ему еще жальче стало всѣхъ ихъ, чѣмъ было жалко прежде". „Нужно растолковать имъ"—вотъ что встало передъ нимъ въ качествѣ самой насущной задачи. Годы онъ думалъ и излагалъ свои думы на бумагѣ прежде, чѣмъ явился въ столицу, въ редакцію. Но тамъ высмѣяли его стихи, съ презрѣніемъ отнеслись къ его нелѣпымъ идеямъ и даже пригрозили за нихъ начальствомъ. До начальства дѣло, конечно, не дошло. Редакторъ—о, онъ былъ добрый человѣкъ!—въ минуту хорошаго расположенія „сунулъ" даже ему бумажку...

Безпощадно поруганный въ своемъ личномъ достоинствѣ и жестоко осмѣянный въ своихъ общественныхъ чувствахъ, Ѳедоръ умеръ голодною смертью. Пить, ѣсть и быть животнымъ, звѣремъ или неодушевленнымъ гвоздемъ — онъ уже не могъ, а жить по человѣчески ему не дали.

Чтобы быть человѣкомъ, нужно не только пережить душевный процессъ въ опредѣленномъ направленіи, но нужна еще и среда опредѣленнаго характера. Права человѣка не только должны быть сознаны, но еще и завоеваны. Для систематической работы надъ средой, для упорной борьбы за высокіе идеалы, конечно, не годился неокрѣпшій организмъ Ѳедора. Для этого нужны были другіе люди, менѣе наивные и робкіе, болѣе знающіе, лучше вооруженные. Нашлись и такіе.

Уже чисто по внѣшнимъ условіямъ, не говоря о прочемъ, Г. И. Успенскій не могъ дать намъ яркихъ и цѣльныхъ образовъ этихъ людей труда и борьбы во имя человѣка, особенно изъ числа тѣхъ, которые шли въ передней шеренгѣ. Но для характеристики ихъ жизни, полной подвига и энтузіазма, достаточно привести двѣ-три выдержки изъ письма Лиссабонскаго, изъ письма, въ которомъ онъ говоритъ не только за себя, но и вообще за идейную молодежь своего времени. „Идеи свободы и народнаго блага, писалъ онъ, не выдуманы мною или, вѣрнѣе, нами Лиссабонскими въ минуты праздности, а сами пришли къ намъ помимо нашей воли, стали обязательными... И если мы тронулись, какъ говорится, „въ народъ", то не съ злостными намѣреніями и не по прихоти или фанаберіи, а потому же, почему весною таютъ снѣга... Я преслѣдовалъ въ деревнѣ, въ мелкихъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ, ту же самую тенденцію, которая въ огромныхъ размѣрахъ выразилась въ освобожденіи милліоновъ

крѣпостныхъ людей. Ту же новую тенденцію я старался по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ примѣнить, а главное *отстоять* въ глухой, далекой деревнѣ... И это могли сдѣлать только такіе, какъ я, люди, рожденные на рубежѣ новой русской жизни, окрещенные и осѣненные въ лучшую юношескую пору жизни новыми благотворными идеями, принявшіе эти идеи всѣмъ сердцемъ, со всею искренностью, со всѣмъ жаромъ безкорыстія и самоотверженія. Но насъ выгнали оттуда; съ позоромъ выгнали. За то, что было потомъ, — не я, Лиссабонскій, отвѣтчикъ. Не успѣвъ даже прикоснуться къ дѣлу, я уже подвергся остракизму. Меня только и дѣлали, что наказывали" *).

Изгнаніе изъ деревни — не единственный и не послѣдній драматическій эпизодъ въ біографіи Лиссабонскихъ. Ихъ одушевляли два чувства: и если чувство долга говорило имъ, что они виноваты передъ народомъ, передъ массой трудящагося люда, за счетъ котораго наростали и развивались мыслящіе слои общества, то чувство чести сказало имъ, что и передъ ними виноваты тѣ, которые ихъ ежечасно, ежеминутно оскорбляли. Мотивы совѣсти, почти безраздѣльно владѣвшіе ими и увлекшіе ихъ въ деревню, по изгнаніи оттуда, нашли себѣ поддержку въ чувствѣ чести.

. . . .

VIII.

Права человѣка—это право быть умнымъ, добрымъ и дѣятельнымъ и быть такимъ не по чужому приказу, а по своей волѣ, въ мѣру свойственныхъ ему силъ и способностей. По формѣ это право неограниченное: что-либо одно—или своя воля, или чужая указка, или самоопредѣляющаяся личность, или гвоздь для чужихъ надобностей. Но по объему права человѣческой личности очень эластичны. Мы видѣли, что они могутъ быть сжаты прямо до микроскопическихъ размѣровъ, — до права быть умнымъ и дѣятельнымъ въ отношеніяхъ лишь къ собственному сапогу, до возможности „соблюсти душу" лишь путемъ воздержанія отъ участія въ процессѣ жизни, до необходимости сдѣлаться уродомъ, чтобы сохранить нѣкоторыя черты душевнаго облика, свойственнаго

*) Своекорыстный поступокъ; т. II, ст. 355—359.

человѣку. Впрочемъ, за примѣрами сжимаемости человѣческихъ правъ нѣтъ особенной надобности обращаться къ прошлому: ихъ, сколько угодно, можно найти въ современности. Только „въ ресторанѣ современный петербужецъ, иронизируетъ Успенскій, можетъ предъявить дѣйствительно собственныя желанія; онъ можетъ *самъ*, не слушая ничьихъ приказаній, безъ всякаго принужденія выбрать себѣ котлету или бифштексъ, или рыбу, курицу,—словомъ, что только *душѣ* угодно. Однако, дальше отбивной котлеты, кажется, и въ этомъ не пошло. Ждетъ, ждетъ лакей, предоставляетъ барину полную свободу дѣйствій, и твердо знаетъ, что, въ концѣ концовъ, ничего, кромѣ отбивной котлеты, не получится“ *) А всетаки:

— Д-да! Захочу вотъ котлету спрошу, захочу — осетрину по-русски.

Вотъ она какова бываетъ въ иныя времена полнота правъ человѣческой личности! И, неправда ли, какъ надѣленный ею обыватель напоминаетъ дореформеннаго мѣщанина, ухватившагося за собственные сапоги. Легко найти и другіе сходные образы, хотя бы въ pendant тому благообразному старичку, который улегся на берегу рѣки съ удочкой. Развѣ не похожи на него всѣ эти хорошіе люди, плотно засѣвшіе „на такого рода мѣстахъ, гдѣ не требуется ни мнѣній, ни убѣжденій служащаго, а платятся деньги только за механическій трудъ... на такихъ мѣстахъ, гдѣ главную роль играютъ счеты, записываніе цифръ и возможность совершенно свободно размышлять о томъ, что изъ этихъ цифръ вышло, хотя размышлять и *молча*. Что-жъ? Молча можно съ безпристрастьемъ и неустрашимостью раскритиковать или разоблачить какую-нибудь плутоватую цифру и, благодаря этому, можно не продавать за чечевичную похлебку своихъ взглядовъ и убѣжденій“ **).

— Да! „Статистикой необходимо заняться серьезно, это самый подходящій, нейтральный и благородный трудъ“ ***).

Пожалуй, не менѣе нейтральный, не менѣе благородный и не менѣе подходящій, чтобы „соблюсти душу“, чѣмъ и лежанье съ удочкой.

Позволимъ себѣ еще одинъ вопросъ: много ли найдется и те-

*) Послѣ урожая, т. I, ст. 1022.

**) Чуткое сердце, т. III, ст. 430431.

***) Развеселилъ господъ, т. I, ст. 960.

перь людей, у которыхъ даже легонькое напоминаніе о паспортѣ не вызываетъ трепета и не заставитъ забыть и предать всѣ мечты о правдѣ и подвигѣ?

Два десятилѣтія пережиты не безслѣдно. И мы вновь стоимъ лицомъ къ лицу съ обезчеловѣченной дѣйствительностью. Нѣтъ человѣка, нѣтъ людей, ихъ опять не больше, чѣмъ въ пустынѣ. Но между опустошенной современностью и дореформенной пустыней есть всетаки разница. Эту разницу можно найти и въ той маленькой возможности жить по-человѣчески, хотя бы въ узенькой сферѣ семейныхъ отношеній и личныхъ дружескихъ связей, которая уже отвоевана у среды и отнята быть не можетъ; и въ томъ запасѣ элементовъ, необходимыхъ для созданія человѣка, который хотя и медленно, но неуклонно наростаетъ не только въ маленькихъ кружкахъ интеллигенціи, но и въ широкой народной массѣ; и въ томъ количествѣ усложненій, которыми обогатилась жизнь и которыя съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе требуютъ людей для неотложной творческой работы... Но не только въ этомъ. Разница — и въ историческомъ моментѣ. Доисторическая, такъ сказать, эпоха, время „до человѣка“ кончилось и не вернется. И въ нашемъ прошломъ какъ-никакъ, а было довольно широкое общественное теченіе, и въ нашей странѣ были люди чести и совѣсти. И какъ бы ни углублялся современный обыватель въ размышленія объ осетринѣ, образы этихъ людей нѣтъ-нѣтъ да и ворвутся къ нему въ душу, напоминая о томъ, что было выстрадано, вымучено для него. „Жалкая, отвратительная тварь! говорятъ эти непрошенные гости. Чтобы чувствовать себя живымъ, легко живущимъ, тебѣ не надо поддерживать вещи, которыхъ никто уже сознательно не считаетъ нужными, разумными. У тебя есть задачи, полныя глубокаго значенія, и если онѣ владѣютъ хоть одной каплей твоей крови, стой за нихъ, потому что все другое—вздоръ, старый хламъ, тряпье... Ты измучился скучать, ты измучился отъ продолжительныхъ размышленій, не имѣющихъ результата, такъ начинай же жить, бейся за то, о чемъ ты думалъ. Воюй за твою мысль, за движеніе твоего сердца, которое воспитано или, по крайней мѣрѣ, пріучено страдать за ближняго... *).

*) Не воскресъ, т. I, ст. 643.

И если ничто другое, то, можетъ быть, эти образы заставятъ встрепенуться интеллигентнаго обывателя и заронятъ въ его негнѣвное и нелюбовное сердце „живое желаніе жить, да, жить! Непремѣнно на *бѣломъ* свѣтѣ, а не на черномъ, не въ черную ночь!.. Да непремѣнно честно, благородно! Именно благородно, на всей своей волѣ... *).

Тогда въ исторію чести и совѣсти будутъ вписаны новыя яркія страницы...

P. S. Онѣ уже пишутся...

---

*) Развеселилъ господъ, т. I, ст. 969.

Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

1900 г.

Матеріалы эти совершенно особаго рода, и я долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ объ ихъ происхожденіи.

Среди писательскихъ юбилеевъ, которыхъ мы довольно много отпраздновали за послѣдніе годы, юбилей Н. К. Михайловскаго замѣтно выдѣлился по тому отклику, какой онъ встрѣтилъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ, и по тому оживленію, какимъ онъ сказался въ его средѣ. Не смотря на вынужденное молчаніе печати и цѣлый рядъ другихъ, какъ у насъ принято выражаться, „независящихъ обстоятельствъ", праздникъ имени Н. К. Михайловскаго принялъ очень обширные и, — можно сказать,—небывалые до того размѣры. Количество привѣтствій, дошедшихъ до юбиляра (а извѣстно, что многія изъ нихъ не дошли), очень велико. Не считая тѣхъ, которыя не помѣчены географической датой, они получены имъ изъ 173 пунктовъ. Общее число привѣтствій, изъ коихъ до 70 принесено чрезъ депутаціи или особо уполномоченныхъ представителей, достигло 520; въ томъ числѣ:

От обществъ и учрежденій . . . . 67.
„ редакцій . . . . 51.
„ неорганизованныхъ группъ друзей и читателей 178.
„ неорганизованныхъ группъ и организацій учащейся молодежи . . . . 56.
„ отдѣльныхъ семей и лицъ . . . . 168.

На вопросъ о числѣ лицъ, примкнувшихъ къ чествованію, можно отвѣтить лишь приблизительно. Если оставить въ сторонѣ редакціи и учрежденія, привѣтствія которыхъ подписаны, въ большинствѣ случаевъ, лишь должностными лицами, и взять привѣтствія только отъ читателей и учащейся молодежи, то общее число подписей подъ ними опредѣлится цифрою около 14.000 (13.800). При этомъ подсчетѣ приходится исключить, однако, до 70 групповыхъ привѣтствій, подписанныхъ уполномоченными или переданныхъ по телеграфу безъ подписей. Если число подписей на такихъ привѣтствіяхъ опредѣлить по аналогіи съ однородными имъ, то общее число подписей опредѣлится приблизительно въ 18.000. Если же принять во вниманіе привѣтствія отъ редакцій и учрежденій, то общее число лицъ, примкнувшихъ къ чествованію, смѣло можно опредѣлить до 20.000. При нашихъ русскихъ условіяхъ вообще и тѣхъ, которыя сопровождали юбилей Н. К. Михайловскаго въ особенности, эта цифра должна быть признана очень внушительной. Во всякомъ случаѣ, фактъ объединенія около одного вполнѣ опредѣленнаго имени такого значительнаго числа лицъ представляетъ очень яркое событіе въ нашей общественной жизни.

Довольно близко ознакомившись съ содержаніемъ юбилейныхъ привѣтствій, полученныхъ Н. К. Михайловскимъ, я имѣлъ возможность убѣдиться, какой цѣнный матеріалъ они изъ себя представляютъ. Я не сомнѣваюсь, что и біографъ Н. К. Михайловскаго и историкъ нашихъ общественныхъ отношеній найдутъ въ нихъ не мало указаній для характеристики того значенія, какое имѣлъ и имѣетъ юбиляръ для русскаго общества. Этимъ, однако, не исчерпывается значеніе юбилейныхъ привѣтствій. Какъ матеріалъ двухсторонній, съ неменьшимъ правомъ, по моему мнѣнію, они могутъ быть использованы для характеристики и той общественной группы, которую объединило юбилейное чествованіе. Не смотря на свой разночинный составъ, эта группа, несомнѣнно, сознаетъ свое единство. Въ этомъ убѣждаетъ насъ уже то обстоятельство, что она называетъ себя однимъ и тѣмъ же именемъ— именемъ интеллигенціи. „Вашъ праздникъ — нашъ праздникъ, праздникъ русской интеллигенціи“—вотъ формула, которая, нѣсколько варьируясь, встрѣчается въ громадномъ числѣ привѣтствій. Отъ имени интеллигенціи въ нихъ устанавливается точка зрѣнія

на наше прошлое, отъ ея имени дается оцѣнка общественнымъ отношеніямъ настоящаго, отъ ея имени намѣчаются перспективы будущаго.

У насъ и особенно въ послѣдніе годы наличность интеллигенціи, какъ особой самостоятельной группы, нерѣдко оспаривалась, причемъ въ самое понятіе „интеллигенціи" привносились нерѣдко чуждые ей или спорные признаки. Тѣмъ важнѣе произошедшій на нашихъ глазахъ яркій фактъ проявленія ея общественнаго самосознанія, тѣмъ цѣннѣе даваемая ею самой себѣ характеристика.

Съ этой точки зрѣнія я и использую, хотя далеко не вполнѣ, юбилейныя привѣтствія.

I.

Откуда взялась эта группа, именующая себя интеллигенціей? Я ставлю этотъ вопросъ не въ историко-соціологическомъ его значеніи, которое слишкомъ сложно, чтобы затрогивать его въ настоящей замѣткѣ, а въ психологическомъ смыслѣ, уяснить каковой несравненно легче на основаніи юбилейныхъ матеріаловъ. Я имѣю въ виду тѣ факторы, подъ вліяніемъ которыхъ отдѣльныя лица вырывались, такъ сказать, изъ обывательской массы и пріобщались къ интеллигенціи, можетъ быть, и колеблющейся въ своей численности, но, несомнѣнно, все умножающейся въ своемъ составѣ.

Въ числѣ такихъ вліяющихъ факторовъ юбилейныя привѣтствія самое важное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и исключительное значеніе приписываютъ литературѣ. „Многіе изъ насъ,—читаемъ мы въ одномъ изъ адресовъ,—разбросанные по разнымъ глухимъ мѣстамъ Россіи, впервые ощутили потребность разобраться въ окружающей жизни, выработать идеалы, съ ихъ высоты дать оцѣнку дѣйствительности и намѣтить свой жизненный путь. Школа не давала въ этомъ отношеніи намъ ничего: спасеніе было въ самообразованіи, въ жадномъ знакомствѣ съ литературой, съ ея могучими образами, съ ея глубокими идеями. Оттуда и только оттуда лился къ намъ свѣтъ". Это пишутъ учителя и учительницы. „Объ идеяхъ и чувствахъ великой эпохи народничества и слѣдующей за ней, говорятъ въ одномъ изъ своихъ адресовъ учащіеся, мы узнали не изъ холодныхъ историческихъ диссертацій нашихъ

профессоровъ, не изъ ихъ лекцій. Мы узнали объ этомъ изъ вашихъ, Николай Константиновичъ, сочиненій и изъ сочиненій вашего современника и соратника П. Л. Лаврова; эти сочиненія воспитали и насъ; отъ нихъ на насъ всегда вѣяло жизнью и свѣжестью, они будили нашу мысль и нашу совѣсть, они звали насъ на работу. Если только намъ суждено прожить не даромъ, то за это мы должны быть благодарны вамъ, одному изъ самыхъ благородныхъ нашихъ наставниковъ". Въ этихъ двухъ привѣтствіяхъ, можетъ быть, наиболѣе рѣзко и категорично оттѣняется значеніе литературы въ дѣлѣ созданія русской интеллигенціи сравнительно съ другимъ просвѣтительнымъ факторомъ—школой. Можетъ быть даже черезчуръ огульно и несправедливо отрицается значеніе послѣдней.

Но мысль о томъ, что не оффиціальная школа и не отвлеченная наука, по крайней мѣрѣ, не они одни, а прежде всего и больше всего „благородные литературные наставники", Бѣлинскій и Герценъ, Чернышевскій и Добролюбовъ, Михайловскій и Лавровъ, Щедринъ, Некрасовъ и Успенскій,—создали русскую интеллигенцію,—эта мысли высказывается въ цѣломъ рядѣ привѣтствій. Какъ будто, ихъ авторы сознательно хотѣли подчеркнуть, что дипломированную образованность они вовсе не считаютъ характернымъ признакомъ интеллигенціи.

Sic!

Общая мысль групповыхъ привѣтствій о значеніи литературы въ дѣлѣ созданія русской интеллигенціи находитъ себѣ прекрасное дополненіе и поясненіе въ тѣхъ личныхъ письмахъ—исповѣдяхъ, которыхъ довольно много встрѣчается въ юбилейныхъ матеріалахъ. Я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ писемъ лицъ разныхъ общественныхъ положеній и разныхъ поколѣній. Начну съ „мужика", какъ называетъ себя одинъ изъ участниковъ праздника. „Я учился, пишетъ онъ, только въ сельской школѣ и съ 13 лѣтъ пошелъ въ „люди", на фабрику. Здѣсь не мѣсто распространяться объ исторіи моего просвѣщенія, скажу только, что своимъ умственнымъ развитіемъ я обязанъ исключительно литературѣ въ лицѣ лучшихъ ея представителей, среди которыхъ вы занимаете одно изъ первыхъ мѣстъ. Вы, Николай Константиновичъ, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ и немногими другими, были для меня самымъ богатымъ и благотворнымъ духовнымъ источникомъ и яркимъ свѣточемъ. Великое вамъ

спасибо, честь и слава". Непосредственно за этимъ сдержаннымъ свидѣтельствомъ сложившагося человѣка я поставлю восторженное письмо „юнаго читателя", какъ онъ называетъ себя, — читателя, который лишь $1^1/_2$ года тому назадъ открылъ сочиненія Михайловскаго и котораго юбилей захватилъ въ періодѣ его душевнаго возрожденія. Письмо наполнено разсказомъ о тѣхъ противорѣчіяхъ, въ которыхъ онъ путался, а въ нѣкоторыхъ и до сихъ поръ разобраться не можетъ, о страстныхъ поискахъ истины, и о тѣхъ восторгахъ, съ которыми онъ, „захлебываясь", перечитываетъ отдѣльныя мѣста открывающей ему новые горизонты книги; о быстрыхъ переходахъ отъ унынія и безвѣрія къ самой восторженной вѣрѣ и непреодолимой жаждѣ дѣятельности и т. д. и т. д. вплоть до тетрадки, въ которую онъ записываетъ и затѣмъ перечитываетъ по многу разъ поразившія его мысли. Все это знакомо многимъ, конечно, изъ насъ, хотя знакомо, можетъ быть, по воспоминаніямъ, какъ что-то отдаленное, пережитое, уже не волнующее. Возвращаюсь къ свидѣтельству взрослыхъ, установившихся людей.

„Много лѣтъ тому назадъ, около половины 70-хъ годовъ, разсказываетъ одна общественная дѣятельница, у насъ былъ тѣсный кружокъ въ Москвѣ изъ нѣсколькихъ дѣвушекъ, собравшихся съ разныхъ концовъ Россіи на высшіе женскіе курсы Герье. Мало было у насъ образованія и развитія, никакого опыта, никакихъ руководителей, а только какое-то инстинктивное влеченіе къ свѣту. Мы усердно учились; но какъ ни были талантливы и учены наши профессора, какъ ни были умны рекомендованныя ими книги,— чего-то въ нихъ не хватало; мы не могли свести концы съ концами; мысль разбрасывалась. Передъ нами смутно обрисовывался какой-то океанъ идей, океанъ темный и глубокій, на которомъ торчали отдѣльные, ничѣмъ не связанные островки, — и мучительное ощущеніе смуты, противорѣчій или пустоты заставляло роптать и на курсы, и на себя, и на людей. Почему-то мы стояли въ сторонѣ отъ текущей литературы и мало интересовались ею,— можетъ быть, потому, что „Исторія цивилизаціи въ Европѣ" Гизо и „Гражданская община древняго міра" Фюстельде-Куланжа както совсѣмъ съ нею не вязались. Однако, и въ своемъ коллективномъ одиночествѣ мы много жили умственными интересами, много спорили и читали вмѣстѣ и порознь. Однажды по чьему-то совѣту

прочли вмѣстѣ статью „Что такое прогрессъ?“ Помню и теперь, какое потрясающее впечатлѣніе произвела на насъ эта статья, какъ она многое освѣтила яркимъ свѣтомъ, какой толчекъ дала работѣ мысли. Она же сразу пріобщила насъ къ передовой литературѣ, сосредоточивавшейся тогда въ нѣсколькихъ журналахъ, и заставила на вѣкъ полюбить тотъ журнальный духъ, который былъ не по сердцу нѣкоторымъ изъ нашихъ ученыхъ патроновъ, по своему, впрочемъ, всегда къ намъ доброжелательныхъ. Я не хочу сказать, что послѣ знакомства съ вашимъ знаменитымъ произведеніемъ все и навсегда стало для насъ ясно и закончено; нѣтъ,—но данъ былъ абрисъ міросозерцанія, дана была руководящая нить разбираться во тьмѣ и противорѣчіяхъ. И вотъ съ тѣхъ поръ, въ теченіе 25 лѣтъ, я вѣрю этой руководящей нити всегда и во всемъ; я постоянно слѣжу за ней во всѣхъ разнообразныхъ писаніяхъ вашихъ и знаю, что она никогда не обманетъ своего читателя, никогда не заведетъ его ни на узкую тропинку сектантскаго доктринерства, ни въ трясину всепрощающей расплывчатости“.

Вотъ и другое письмо, присланное изъ глухого уѣзднаго городка, письмо, которое переноситъ насъ въ средину 80-хъ годовъ, изъ среды курсистокъ въ совсѣмъ иную среду учащейся молодежи. „Было время, разсказываетъ его авторъ, лѣтъ 15 — 17 тому назадъ, мы, студенты Казанской духовной академіи, кружкомъ росли подъ вліяніемъ вашихъ идей, изучали, штудировали ваши произведенія, ища въ нихъ идеала, и не ошиблись. Мы чувствовали почти физически, какъ паутина человѣческой глупости спадала съ нашихъ глазъ и какъ поселялось въ нашей душѣ что-то новое, свѣжее, положительное, хорошее. Такъ хотѣлось быть неглупымъ, знающимъ, чистымъ, и какъ мы были счастливы, имѣя въ васъ руководителя, переживая восторги новаго міровоззрѣнія. Потомъ мы, послѣ студенческой скамьи, падали, но имя Н. К. Михайловскаго всегда было нашимъ осужденіемъ и возстаніемъ. И теперь мы читаемъ съ жадностью каждую вашу строку. Намъ думается, что въ вашихъ трудахъ находится такая сокровищница неумирающихъ идей и очаровательнаго умѣнія мыслить, что къ ней всегда будутъ возвращаться тѣ, кто хочетъ имѣть стройное общественное міровоззрѣніе“.

Третье письмо захватываетъ всѣ 90-е годы и знакомитъ насъ

съ вліяніемъ литературы на среду учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ губернскаго города. Оно написано старымъ, какъ онъ называетъ себя, читателемъ и ученикомъ Н. К. Михайловскаго. „Начиная съ 70-хъ годовъ, пишетъ онъ, въ гимназіи, въ университетѣ, въ тюрьмѣ и во время перваго моего пребыванія въ Архангельской губерніи, я серьезно изучалъ ваши сочиненія, проливавшія благодѣтельный свѣтъ на мое слагавшееся тогда міросозерцаніе. Послѣ 5-лѣтней архангельской жизни въ 1884 году я пріѣхалъ въ Саратовъ — мою родину, въ самое ужасное время: „уныніе и пессимизмъ“ царили всюду... Учащаяся молодежь всецѣло отдана была на съѣденіе деморализующихъ началъ, царящихъ въ средней школѣ. Отпора такому вліянію на подростающее поколѣніе родного Саратова не было ни откуда. Семья... но какой противовѣсъ могла и можетъ дать семья, погрязшая въ погонѣ за средствами къ существованію, а вечерами отдыхающая за картами?!. И вотъ я, по „поумнѣвшій“ и серьезно обосновавшій, благодаря вашимъ солиднымъ трудамъ по соціологіи, мое credo,— признаюсь, принятое вначалѣ мною въ значительной степени „на вѣру“,—я рѣшаюсь устраивать бесѣды-чтенія съ учащейся молодежью, и тѣмъ хотя отчасти парализовать вліяніе школьнаго режима. Обстоятельства мнѣ поблагопріятствовали: я получилъ въ завѣдываніе лучшую въ Саратовѣ библіотеку клуба, на которую законъ 1884 и позднѣйшихъ годовъ объ изъятіи книгъ и журналовъ не распространялся. Кромѣ того, я сталъ давать уроки ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній старшихъ классовъ. Благодаря этому я къ 1886 г. имѣлъ много связей среди молодежи и могъ уже приступить къ осуществленію намѣченной мною работы... Въ теченіе 12 лѣтъ я велъ чтенія-бесѣды съ молодежью въ Саратовѣ вплоть до марта 1899 г., когда долженъ былъ отправиться на 3 года въ Вятскую губернію... Молодежь на чтенія вашихъ произведеній шла толпами, тайкомъ отъ родителей, подкупая сторожей пансіоновъ и семинаріи, рискуя попасться и все это изъ-за того, чтобы „послушать Михайловскаго“... Я и мои старые товарищи лично наблюдали, какое благотворное вліяніе оказывали Ваши сочиненія на молодежь... она какъ бы перерождалась. Въ апатичныхъ, вялыхъ, ничѣмъ не интересующихся вначалѣ юношахъ постепенно на моихъ глазахъ раскрывались умственныя очи и за-

горался священный огонь пытливости и страстной жажды знать больше, какъ можно больше!..“ *)

Вѣроятно, многимъ изъ насъ и по личному опыту, и по наблюденіямъ знакомъ переживаемый при этомъ душевный процессъ. Я ограничусь поэтому немногими, сдѣланными мною, но надѣюсь достаточными, чтобы освѣжить воспоминанія, выдержками для характеристики того значенія, какое имѣетъ литература для пріобщенія отдѣльныхъ личностей и кружковъ молодежи къ интеллигенціи. Конечно, не только литература, по крайней мѣрѣ, не она одна способна заронить искру въ душу человѣка и возжечь въ ней перерождающій ее пламень. Непосредственныя впечатлѣнія жизни, личный примѣръ и живое слово, особенно въ періоды общественнаго оживленія, вѣроятно, играли и будутъ играть не меньшую роль въ качествѣ первоначальнаго толчка для пробужденія личности, чѣмъ и литература. Но освѣтить путь призванному къ новой жизни человѣку, отвѣтить на всѣ обступающіе его съ момента пробужденія вопросы—можетъ только она одна, въ равной мѣрѣ считающаяся и съ выводами науки и съ запросами жизни. „Вліяніе отца на меня, пишетъ одна изъ участницъ праздника, было практическое – вліяніе прекрасной высокой души и примѣра безукоризненной жизни; ваши же сочиненія давали основу теоретическую, направляя въ должную сторону мысль мою при постройкѣ общаго міросозерцанія“. Однако, этими двумя стадіями—моментомъ пробужденія и періодомъ выработки общаго міросозерцанія—далеко не ограничивается и не исчерпывается значеніе литературы для интеллигенціи. Едва ли не большее значеніе пріобрѣтаетъ она потомъ, когда интеллигентная личность вступаетъ въ жизнь и лицомъ къ лицу встрѣчается съ суровою дѣйствительностью. Въ рядѣ привѣтствій подчеркивается поддерживающая и ободряющая роль литературы „среди густыхъ, какъ выражается одинъ изъ участниковъ праздника, сумерекъ, окружающихъ въ многочисленныхъ углахъ нашего обширнаго отечества, духовно одинокихъ представителей нашего мыслящаго пролетаріата“. „Никогда, пишетъ одинъ лѣсничій изъ глуши Тульской губерніи, я не забуду вашихъ словъ, обращенныхъ къ студентамъ лѣтъ 7 на-

*) Письмо это принадлежитъ покойному В. А. Балмашеву, отцу Степана Валеріановича Балмашева, погибшаго за народное дѣло на висѣлицѣ.

задъ на лѣсномъ вечерѣ въ тѣсномъ кружкѣ молодежи. Съ тѣхъ поръ ваши сочиненія сдѣлались моими ближайшими друзьями, и я сталъ постояннымъ читателемъ вашего журнала. Среди сѣрой провинціальной жизни духовное общеніе съ вами заставляло жить и мыслить и не давало возможности погрязнуть въ хаосѣ всѣхъ мелочей и дрязгъ, съ которыми невольно приходится считаться, разъ хочешь хоть чѣмъ-нибудь быть полезнымъ простому народу". „Въ одиночествѣ (да еще въ духовномъ одиночествѣ!), еще подробнѣе развиваетъ эту мысль одинъ житель мѣстечка, способенъ жить не всякій, ибо пока-то еще исчезнутъ съ лица земли русской „бѣдность, да бѣдность, да несовершенства" нашей дѣйствительности,— а несовершенства эти своими самыми острыми углами и гранями задѣваютъ бѣднаго провинціальнаго интеллигента по преимуществу. Какъ бы сильно ни окрыляло его гордое сознаніе о тѣхъ капелькахъ меду, которыя, быть можетъ, и онъ провинціальный труженикъ вноситъ въ соты родного прогресса — шипы окружающей дѣйствительности способны не только парализовать все нравственное удовлетвореніе, изъ этого сознанія проистечь могущее, но и прямо-таки доводить до отчаянія...—И вотъ при такихъ то условіяхъ духовное общеніе съ вами и подобными вамъ „учителями жизни" становится для нашего брата не только особенно дорого и цѣнно, но и прямо-таки столь же потребно, какъ воздухъ и пища. Вотъ почему ни одинъ, вѣроятно, департаментскій чиновникъ не ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ двадцатаго числа, съ какимъ у насъ ждутъ послѣднихъ чиселъ мѣсяца, когда имѣетъ придти новая книжка журнала съ новой статьей любимаго писателя, у котораго ты привыкъ искать отвѣта на тотъ или иной мучительный вопросъ"... „И если мы, усталые и надломленные тяжелыми окружающими насъ условіями, говорятъ дѣятели Херсонской общественной библіотеки, еще не потеряли окончательно силы, сойдя съ дороги и превратясь въ пассивныхъ зрителей человѣческаго горя, то только благодаря тѣмъ немногимъ дѣйствительнымъ свѣточамъ русской земли, которые указываютъ намъ правый и справедливый путь".

II.

Изъ пѣсни слова не выкинешь. Читателю, конечно, понятно, что, приводя выдержки изъ привѣтствій, адресованныхъ Н. К. Михайловскому, я не могъ, хотя бы и хотѣлъ, выкинуть его имени. Впрочемъ, и изъ приведенныхъ мною привѣтствій легко было видѣть, что имя Н. К. Михайловскаго въ сознаніи его почитателей неразрывно связано съ другими незабвенными въ нашей литературѣ дѣятелями, имена которыхъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе часто встрѣчающіяся въ привѣтствіяхъ, я уже перечислилъ. Это обстоятельство дало мнѣ право многое изъ того, что въ привѣтствіяхъ говорится о Н. К. Михайловскомъ и его сочиненіяхъ, обобщить и отнести вообще къ нашей литературѣ въ лучшихъ ея представителяхъ. Необходимо, однако, замѣтить, что заслуги Н. К. Михайловскаго съ такою настойчивостью подчеркиваются въ обращенныхъ къ нему привѣтствіяхъ и не только потому, что онъ является виновникомъ праздника и не потому только, что эти заслуги, какъ результатъ непрерывной сорокалѣтней работы, громадно велики, но и потому, что привѣтствовавшая его группа интеллигенціи считаетъ его своимъ вождемъ и важнѣйшимъ своимъ теоретикомъ. Содержаніе привѣтствій, благодаря этому обстоятельству, пріобрѣтаетъ особое значеніе. Говоря о томъ, что ей далъ Н. К. Михайловскій, и характеризируя его заслуги, интеллигенція вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаетъ важнѣйшіе пункты своей общественной программы.

Какова же эта программа?

Благо личности, какъ цѣль, сознательное вмѣшательство ея въ историческій процессъ, какъ средство, общественный идеализмъ, какъ двигатель,—вотъ основные пункты этой программы, къ развитію которой сводится содержаніе, можно сказать, всѣхъ привѣтствій. Въ однихъ изъ нихъ эта программа развертывается во всю ея ширь, въ другихъ намѣчаются и подчеркиваются отдѣльныя ея стороны; въ однихъ—ей дается историческое освѣщеніе, въ другихъ выясняется ея роль въ настоящемъ и намѣчается значеніе въ будущемъ;—но совпаданіе въ привѣтствіяхъ по указаннымъ основнымъ пунктамъ столь полное, что многія изъ нихъ почти буквально повторяютъ другъ друга. Не избѣгну повтореній

и я даже въ тѣхъ немногихъ и по возможности краткихъ выдержкахъ, которыя сдѣлаю.

Благо личности, которое интеллигенція ставитъ своею цѣлью, заключается, по мнѣнію участниковъ праздника, въ ея самоопредѣленіи, въ свободномъ и всестороннемъ развитіи всѣхъ ея силъ и способностей. Благо личности вмѣстѣ съ тѣмъ для интеллигенціи—синонимъ блага общественнаго, блага народа, какъ совокупности трудящихся массъ. Благо личности, наконецъ, немыслимо для интеллигенціи внѣ соотвѣтствующихъ соціальныхъ формъ. Эти три положенія, опредѣляющія основную цѣль интеллигентныхъ стремленій, мыслятся участниками праздника, какъ нѣчто единое, цѣльное, нераздѣльное. Въ этомъ могутъ убѣдить даже немногія выдержки.

„Въ 40-лѣтней литературной дѣятельности вашей, пишутъ владимірцы въ своемъ адресѣ Н. К. Михайловскому, борьба за возстановленіе правъ угнетенной личности и защита правъ народныхъ сливалась въ одно неразрывное цѣлое. Съ непоколебимымъ мужествомъ боролись вы противъ насилія надъ мыслью и совѣстью, противъ всякаго общественнаго гнета, противъ всего, что препятствуетъ свободному и гармоническому развитію человѣка... Ваша связь съ читателями, прибавляютъ они, жива и неразрывна“. „Своею проповѣдью борьбы за индивидуальность, говорятъ херсонцы, вы навсегда укрѣпили въ русской молодежи сознаніе всей важности освобожденія подавленныхъ у насъ правъ личности и научили ее въ совершенствованіи соціальныхъ формъ видѣть единственный путь движенія впередъ“... „Вы служили вашей родинѣ, читаемъ мы въ вятскомъ адресѣ, освѣщая пути общественнаго развитія, уча вмѣстѣ съ П. Л. Лавровымъ, что благо общества заключается въ свободномъ и полномъ развитіи духовныхъ, умственныхъ и физическихъ силъ личности и что благо личности немыслимо безъ блага общества“... Москвичи въ своемъ привѣтствіи идутъ дальше и, хотя въ столь же сжатой формѣ, но еще ближе, конкретнѣе намѣчаютъ основную задачу интеллигенціи, по скольку таковая опредѣляется условіями даннаго момента. „Для васъ, говорятъ они, не могло быть сомнѣнія, что лишь интересы народа, т. е. трудящихся массъ представляютъ единственный вѣрный критерій для оцѣнки различныхъ общественныхъ формъ, и такимъ образомъ, вы явились самымъ яркимъ выразите-

лемъ общественнаго направленія, которое вотъ уже нѣсколько десятилѣтій господствуетъ среди нашей интеллигенціи. Этому направленію вы дали наиболѣе полную формулировку и научное обоснованіе. Вы сумѣли сочетать въ одной цѣлостной и гармонической программѣ необходимость освобожденія народа и отъ экономическаго гнета, и отъ опеки бюрократизма, и отъ окружающаго мрака невѣжества"...

Сочетавъ свои важнѣйшіе интересы или, какъ говорится въ вологодскомъ адресѣ, „моральные и интеллектуальные интересы, высокоразвитой „индивидуальности" съ матеріальными интересами трудящихся массъ", поставивъ цѣлью своей дѣятельности, по выраженію бернскаго адреса, „идеальное царство труда въ будущемъ" и „защиту конкретныхъ интересовъ труда въ настоящемъ", интеллигенція съ полнымъ правомъ, конечно, считаетъ себя неразрывною частью народа и выразительницей его истинныхъ нуждъ и интересовъ. Привѣтствуя своего вождя, она склонна смотрѣть на свой и его праздникъ, какъ на торжество народное. Съ этого заявленія начинается петербургскій читательскій адресъ. Эта мысль и непоколебимая увѣренность, что проснувшійся народъ примкнетъ къ интеллигенціи, ранѣе его беззавѣтно выступившей на борьбу за его права и интересы, высказывается въ цѣломъ рядѣ и другихъ привѣтствій.

Но, какъ говорится въ одномъ изъ адресовъ, „долины еще спятъ"... Матеріальныя силы народа, насильственно отдѣленнаго отъ интеллигенціи и оставляемаго въ невѣдѣніи его правъ и интересовъ, находятся почти въ полномъ распоряженіи враговъ его. Въ борьбѣ за лучшее будущее интеллигенція нерѣдко оказывается предоставленной самой себѣ и можетъ разсчитывать лишь на единичную или случайную поддержку со стороны массы. Чтобы разбудить народъ, ей нужно еще пробиться къ нему.

Положеніе ея подчасъ кажется безвыходнымъ. Самое лучшее для нея, казалось-бы, отойти въ сторону и безропотно ожидать, къ чему приведетъ стихійный процессъ исторіи... Но она знаетъ, что послѣднюю опредѣляютъ уже не только матеріальныя силы. „Въ исторіи, какъ говорится въ одномъ изъ адресовъ, она видитъ не одно развитіе „соціальной матеріи", но и проявленіе интеллектуальнаго творчества человѣческой личности". Этотъ послѣдній факторъ—сознательное воздѣйствіе развитой личности на истори-

ческій процессъ,—воздѣйствіе, имѣющее цѣлью потребности трудящихся массъ и могущее найти опору въ ихъ, хотя бы и не вполнѣ сознанныхъ, стремленіяхъ, она и кладетъ въ основу своей общественной программы.

„Всей энергіей своего ума и нравственнаго чувства, читаемъ мы въ одесскомъ адресѣ, вы возстали противъ ученій, которыя игнорировали личность и противъ общественныхъ системъ, которыя попирали ея права. Вы будили чувства совѣсти и чести. Вы говорили объ отвѣтственности интеллигенціи передъ трудящимися классами и звали эту интеллигенцію къ работѣ на благо ему“. „Вы не только выставляли извѣстный идеалъ, говорятъ москвичи, но въ то же время настойчиво подчеркивали необходимость активной борьбы ради него и указывали на возможность этой борьбы. Вы приглашали насъ идти не по линіи наименьшаго сопротивленія, не плыть по теченію, а бороться противъ него“. „Вы дали, читаемъ мы въ полтавскомъ адресѣ, нашему молодому и часто неустойчивому, въ тяжелые годы—растерянному, обществу именно то, что прежде всего ему было нужно: вѣру въ мысль, умѣнье создать и любить свои идеалы. Вы съ небывалой силой показали русскимъ людямъ, привыкшимъ къ подавленности, къ пассивности, къ разъѣдающимъ рефлексіямъ, что на нихъ лежитъ высокій общечеловѣческій долгъ—создавать самимъ свою исторію, свое счастье, самимъ опредѣлять это счастье и сознательно для него работать“...

Этотъ долгъ каждаго передъ собою и всей интеллигенціи передъ народомъ, эти чувства чести и совѣсти—и составляютъ ея движущую силу. Не матеріальныя потребности объединяютъ отдѣльныхъ личностей и выдѣляютъ ихъ подъ именемъ интеллигенціи въ особую дѣйствующую группу, а служеніе идеалу, какъ синтезу научнаго знанія и постулатовъ общаго блага, правдыистины и правды-справедливости. Этотъ идеализмъ поддерживаетъ рядовыхъ интеллигенціи въ ихъ будничной, подчасъ мелкой и до нельзя утомительной борьбѣ и работѣ. „Предоставленные самимъ себѣ, читаемъ мы въ можайскомъ адресѣ, принужденные искать смысла и содержанія жизни только въ работѣ, поставленные лицомъ къ лицу съ народомъ, той массой, часто инертной и неподвижной, за интересы и человѣческія права которой вы, не покладая пера, ратовали въ продолженіе всей своей литературной

дѣятельности, мы, интеллигенты деревни и провинціи, болѣе другихъ имѣемъ возможность оцѣнить значеніе вашей литературной дѣятельности. Не разъ на своемъ скромномъ трудовомъ поприщѣ сталкивались мы, повидимому, съ непреодолимыми препятствіями, мы были близки къ отчаянію, не разъ наши руки готовы были опуститься и не разъ, слѣдовательно, мы были въ опасности потерять подъ собою всякую почву, потерять вѣру въ производительность нашей работы, что для насъ значило потерять смыслъ и цѣль жизни; но каждый разъ, не какъ формулированное ученіе, а какъ религіозная вѣра, почерпнутая еще въ юности изъ вашихъ книгъ, вѣра въ историческую роль личности спасала насъ отъ отчаянія, и когда та, другая личность, изъ массы протягивала къ намъ свои грубыя руки, прося у насъ защиты, помощи, совѣта, и когда въ нашемъ сознаніи мелькалъ неоплатный долгъ передъ этой массой, мы снова находили въ себѣ силы и снова съ обновленной энергіей вступали въ неизбѣжную борьбу, шли на встрѣчу этимъ просящимъ, протянутымъ рукамъ... Вы безконечно много помогли намъ въ нашей скромной и тяжелой работѣ... Масса еще далека отъ того, чтобы сознательно принести вамъ эту благодарность, но мы вѣримъ, даже больше, убѣждены, что настанетъ моментъ, когда она это сдѣлаетъ сознательно, что въ будущемъ ваше имя будетъ окружено ореоломъ, который создастъ она и съ которымъ не сравнится сегодняшній праздникъ интеллигенціи"...

Тотъ же идеализмъ вызываетъ общія движенія интеллигенціи, которыя окрашиваютъ собою цѣлыя эпохи; онъ же выдвигаетъ и тѣхъ беззавѣтныхъ героевъ, которыхъ уже немало, не смотря на всю краткость своей исторіи, можетъ насчитать русская интеллигенція.

III.

Юбилейныя привѣтствія замѣчательно совпадаютъ въ своей единодушной оцѣнкѣ важнѣйшихъ моментовъ въ исторіи нашей общественности за послѣдніе 4 десятка лѣтъ, съ которыми связана дѣятельность юбиляра. Всѣ они сходятся въ восторженной оцѣнкѣ освободительной эпохи и въ особенности эпохи 70-хъ годовъ, какъ лучшихъ періодовъ въ исторіи русской интеллигенціи.

„Вы выступили на литературное поприще, говорятъ одесситы,

въ счастливую эпоху перваго пробужденія нашей общественности,— эпоху, полную кипучихъ силъ и свѣтлыхъ чаяній;—эпоху борьбы и лихорадочной работы надъ переустройствомъ всѣхъ основъ старой жизни и надъ освобожденіемъ закрѣпощенной личности"...

„Послѣ перваго пробужденія общественной мысли, читаемъ мы въ одномъ изъ кіевскихъ адресовъ, центральной идеей сдѣлалась мысль о народѣ—о томъ „неоплатномъ долгѣ" народу, за который „общество" нравственно обязано расплатиться хотя бы крупицами своего знанія. Тысячи благородныхъ людей посвятили тогда свою жизнь народу"... „Передовые элементы общества, говорится въ пермскомъ адресѣ, были проникнуты тогда безпредѣльной вѣрой въ животворную силу идеаловъ, призывавшихъ къ коренному преобразованію общественныхъ отношеній, къ полному обновленію всей жизни на началахъ разума, справедливости, свободы; они были охвачены вѣрой въ собственныя силы и съ пламеннымъ энтузіазмомъ вступили въ борьбу съ царящимъ зломъ, Герои выступали открыто; средніе люди, помогая имъ, переживали всѣ ихъ горести и радости и съ восторгомъ, ужасомъ или негодованіемъ слѣдили за отдѣльными эпизодами. Литературные вожди тогда знали о чемъ говорить и какъ говорить съ обществомъ"...

Но „настали, читаемъ мы въ томъ же адресѣ, иныя времена— періодъ подъема смѣнился періодомъ упадка, яркій свѣтъ дня— томительными сумерками и даже полной тьмой; многіе сложили оружіе, многіе измѣнили своимъ прежнимъ вѣрованіямъ"... Трудно даже перечислить тѣ суровые эпитеты, которыми участники праздника желали бы заклеймить эту мертвую полосу русской общественности, этотъ періодъ индифферентизма, унынія, апатіи и безъидейности. Въ эту глухую пору „мрачной реакціи" и „общественной деморализаціи", въ эпоху, полную „всякой лжи и отступничества", „на смѣну героямъ безъ страха и сомнѣнія, выползли, какъ говорятъ въ своемъ адресѣ глазовскіе чужестранцы, герои гражданскаго безстыдства и малодушія. Наступили 80-е годы... годы всеобщаго смятенія, индифферентизма и теоріи малыхъ дѣлъ. Казалось, что въ этомъ опустѣвшемъ царствѣ мрачныхъ тѣней должна была погибнуть всякая искра сознательной общественности, всякая живая мысль"...

Дорожа въ своихъ герояхъ больше всего беззавѣтною предан-

ностью идеаламъ и считая безъидейность и индефферентизмъ смертельными своими врагами, интеллигенція и въ юбилярѣ прежде всего и больше всего чтитъ активнаго борца, не покладавшаго оружія въ борьбѣ за обоснованные имъ же высокіе идеалы. „Крупный мыслитель, говорятъ тифлисцы, вы никогда не удалялись въ надзвѣздныя сферы отвлеченной мысли... Каждая строчка вашихъ писаній проникнута глубокимъ чувствомъ отзывчиваго историческаго дѣятеля. Вотъ почему ваша литературная дѣятельность—рѣдкій памятникъ невыносимыхъ мукъ, негодованія и бурнаго протеста во имя поруганнаго достоинства человѣка и въ то же время могучей вѣры въ лучшее будущее. Эту вѣру въ лучшее будущее и суровую безпощадную борьбу съ темными силами исторіи вы сумѣли внушить десяткамъ поколѣній, воспитавшихся на васъ“. Почти буквально то же повторяютъ почитатели изъ далекаго Забайкалья. „Вы никогда не позволяли себѣ, говорятъ они, удаляться въ область отвлеченной теоріи. Вы всегда стремились стоять плечомъ къ плечу съ борцами за интересы народа, за благо трудящихся массъ“, „Расцвѣтъ вашей литературной дѣятельности, читаемъ въ Вятскомъ адресѣ, совпалъ съ временемъ славнаго общественнаго подъема на борьбу за продолженіе преобразованія Россіи. Въ силу вашего призванія вы стали выразителемъ и руководителемъ. Ваше слово сливалось съ дѣломъ вашихъ современниковъ, и ваши читатели не только почитывали, но и несли на осуществленіе своихъ идеаловъ свои силы и знанія, свободу и жизнь. Мы привѣтствуемъ васъ, какъ одного изъ духовныхъ вождей эпохи напряженной борьбы“.

Въ памятные 80-е годы, говорятъ полтавцы, вы въ первыхъ рядахъ дѣятелей литературы боролись противъ надвигающихся силъ реакціи и неустанно преслѣдовали проявленія общественной деморализаціи, захватывавшей все болѣе и болѣе широкіе слои. Своей борьбой противъ проповѣдей „малыхъ дѣлъ“, противъ квіетизма, толстовства, противъ общественнаго индифферентизма во всѣхъ видахъ, вы стойко и съ честью защищали дѣло прогресса“... Роль, сыгранную юбиляромъ въ періодъ реакціи, многіе участники праздника склонны считать важнѣйшей его заслугой. Онъ удержалъ въ своихъ рукахъ знамя и черезъ „общую смуту“ пронесъ его незапятнаннымъ. „Въ эту глухую пору“, говорятъ барнаульцы, „когда глубоко задѣтое, наболѣвшее чувство

тревожно искало и, казалось, не находило выхода изъ гнетущаго состоянія подавленности и апатіи, вашъ бодрый призывъ къ борьбѣ съ окружающимъ мракомъ не далъ заглохнуть пробужденному самосознанію, усилилъ приливъ общественной энергіи и тѣмъ самымъ воскресилъ активное настроеніе".

„И въ настоящее время, говорятъ студенты-путейцы, ваши произведенія воодушевляютъ насъ на борьбу за лучшее будущее, указывая путь по линіи наиболѣе настоятельныхъ потребностей". Совпадая въ своихъ отношеніяхъ къ прошлому, юбилейныя привѣтствія всетаки расходятся нѣсколько въ той оцѣнкѣ, которую они пытаются дать настоящему. И если одни участники праздника выражаютъ увѣренность, что „теперь русская интеллигенція вышла изъ мертвой полосы апатіи и безвѣрія", то другіе смотрятъ на настоящее, какъ на продолженіе „общей смуты". Однако, этихъ унылыхъ нотъ очень не много и во всякомъ случаѣ никто не смотритъ на теперешнее время такъ же мрачно, какъ на эпоху 80-хъ годовъ. Безусловно преобладаетъ даже бодрое и полное свѣтлыхъ надеждъ настроеніе. Между далекимъ прошлымъ и настоящимъ лежитъ цѣлая пропасть. Характеризуя ее, воронежцы въ своемъ адресѣ между прочимъ пишутъ: „Тогда господствовало „темное царство" рабски приниженной личности, теперь опредѣленно намѣтилась уже фигура русскаго мыслящаго человѣка, какъ сознательной силы. И теперь, какъ прежде, зло и безобразія крѣпки еще мракомъ и невѣжествомъ, но сознательная мысль широко разлилась по лицу русской земли. И нынѣ, какъ тогда, намъ еще худо живется при мало измѣнившейся внѣшней обстановкѣ, но насъ много". „Русская журналистика, читаемъ мы въ одномъ изъ заграничныхъ писемъ, создала, поставила на ноги и, вѣроятно, уже довела до возможныхъ размѣровъ тотъ интеллигентный слой, которому предстоитъ теперь дѣйствовать самостоятельно". Это сознаніе возросшей численности и „идейной силы" проходитъ черезъ цѣлый рядъ привѣтствій. Главное же, почти всѣ они проникнуты желаніемъ, чтобы „передовыя общественныя силы объединились подъ старыми знаменами", и страстной жаждой „новой зари, новаго подъема общественныхъ силъ, еще болѣе могучаго", чѣмъ тотъ, который былъ раньше. На самый праздникъ интеллигенція склонна смотрѣть, какъ на актъ такого объединенія и предвѣстникъ подъема. Нѣкоторые изъ участниковъ и

явились на праздникъ, побуждаемые желаніемъ заявить, какъ выражается одинъ изъ представителей почти уничтоженнаго поколѣнія, что „есть еще порохъ въ пороховницахъ". „Этотъ день, говорятъ въ своемъ письмѣ саратовцы, объединяетъ всѣхъ, умѣющихъ любить и ненавидѣть". Въ этотъ день, по мнѣнію другихъ, произошелъ „подсчетъ силамъ". Интеллигенція „собралась и сосчиталась"—вотъ слова, которыя вырвались, какъ результатъ непосредственнаго впечатлѣнія, у одного изъ депутатовъ, пріѣхавшихъ издалека для участія въ праздникѣ.

Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ.

1903 г.

Проблемы идеализма. Сборникъ статей подъ ред. П. И. Новгородцева. Изд. Московскаго психологическаго общества. М. 1903.

Для философіи, по крайней мѣрѣ, въ специфическомъ значеніи этого слова, я чужой человѣкъ. Правда, обучаясь въ семинаріи и проходя положенный по программѣ „обзоръ философскихъ ученій", я умѣлъ довольно свободно обращаться со всякаго рода „субстанціями", „абсолютами", „императивами" и другими подобными для непосвященнаго человѣка жупелами. Съ увлеченіемъ и развязностью неофита я любилъ, бывало, потолковать о сущности вещей, о первоначальной причинѣ бытія и объ его конечной цѣли. Давно это было. Въ послѣдующіе годы заниматься „умозрѣніемъ" мнѣ уже не приходилось. Въ роли земскаго статистика и публициста, я долженъ былъ считаться съ самыми конкретными фактами дѣйствительности и лишь надъ ними оперировать мыслью. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ,—ни тогда, когда я мыслью старался обобщить жизнь, ни тогда, когда я мысль питался реализировать въ жизни,—мнѣ не приходилось прибѣгать къ услугамъ метафизики. Когда я подсчитывалъ безземельныхъ, бездомовыхъ и безлошадныхъ, стараясь найти причины обездоленнаго состоянія громадной массы людей, то мнѣ и въ голову не приходило, что я имѣю дѣло съ „проявленіемъ абсолюта", съ „живою ризою Божества" *). За цифрами и фак-

*) Проблемы идеализма, стр. 36.

тами дѣйствительности я видѣлъ слезы, я слышалъ рыданія. Съ ними въ непосредственную связь я ставилъ и тотъ „властный, категорическій, суровый и неумолимый голосъ“—голосъ совѣсти, какой слышатъ въ своей душѣ люди. О томъ, что тутъ замѣшанъ еще абсолютъ съ его предвѣчными цѣлями,—у меня и въ мысляхъ не было. Судьба всегда черезчуръ близко ставила меня къ жизни и, можетъ быть, поэтому я оказываюсь теперь столь чуждымъ умозрительной философіи.

Да, для философіи я чужой человѣкъ. Жизнь научила меня тому, чему не хотѣла и не могла научить сохранившая схоластическія тенденціи школа. Я научился преклоняться передъ научнымъ знаніемъ и его методами, передъ критической мыслью и ея результатами. Но къ метафизикѣ и умозрѣнію я привыкъ уже относиться равнодушно скептически. За протекшіе годы я растерялъ даже тотъ жалкій багажъ, которымъ надѣлила меня семинарія. Философскія ученія, обзоръ которыхъ мнѣ былъ преподанъ, потускнѣли въ моей памяти. Я позабылъ философскую терминологію и потерялъ охоту разсуждать о сущности всего сущаго.

И вотъ теперь мнѣ приходится коснуться философской темы, только что разсмотрѣнной цѣлымъ синклитомъ отечественныхъ философовъ. Можетъ быть, это дерзость съ моей стороны, но я не могу оставаться равнодушнымъ къ тому, какъ они ставятъ и разрѣшаютъ „проблемы идеализма“. „Хлынувшая на насъ идеалистическая волна“—слишкомъ важный въ общественной жизни фактъ, чтобы онъ могъ остаться внѣ поля зрѣнія публицистики. Общественная потребность, которая сказалась въ немъ, слишкомъ серьезна, чтобы, не будучи даже философомъ, оставаться безразличнымъ къ тѣмъ формамъ, въ какихъ она будетъ искать и найдетъ себѣ удовлетвореніе. Въ качествѣ публициста, заинтересованнаго въ успѣхахъ жизни, я и рѣшаюсь оспаривать новыя потуги и возможные успѣхи метафизики.

Какъ я уже сказалъ, у меня нѣтъ ни желанья, ни умѣнья оперировать, подобно адептамъ новаго міросозерцанія, „по ту сторону позитивнаго научнаго знанія“ и тѣмъ болѣе „за границами умопостигаемаго“. Забираться въ туманныя сферы метафизики и религіи я и не думаю. Проблемы идеализма на землѣ возникли, и, казалось бы, здѣсь же, а не въ „потустороннемъ“ мірѣ нужно искать и средствъ для удовлетворенія выдвинувшей

ихъ потребности Объ этомъ только я и буду говорить въ своей замѣткѣ.

I.

„Хлынувшая на насъ идеалистическая волна“ для насъ, сторонниковъ достаточно опредѣленнаго и достаточно опредѣлившагося міросозерцанія, не была неожиданностью. Даже въ эпоху самаго сильнаго увлеченія русскаго интеллигентнаго общества экономическимъ матеріализмомъ, отстаивая значеніе идейнаго фактора въ исторіи, мы предвидѣли не только возможность, но и неизбѣжность этой волны. „Жалокъ тотъ,—говоритъ теперь намъ г. Булгаковъ,—кто въ наше время неспособенъ видѣть сіяніе абсолютнаго нравственнаго идеала въ сердцахъ людей, отдающихъ себя на помощь пролетаріату въ его борьбѣ за человѣческое достоинство, умѣющихъ жить и умирать за дѣло свободы, кто не усмотритъ его въ скучныхъ и прозаическихъ параграфахъ фабричнаго закона или въ уставѣ рабочаго союза“. Такими жалкими мы никогда не были. Мы видѣли сіяніе идеала въ жизни, мы видѣли его въ сердцахъ даже тѣхъ, кто упорно отказывался дать ему мѣсто въ своемъ міропониманіи. Для насъ всегда было „очевидно, что на голомъ классовомъ интересѣ... нельзя основать великаго историческаго движенія“ *); мы всегда утверждали, что многое въ прошломъ, многое въ настоящемъ и еще больше въ ожидаемомъ нами будущемъ нельзя объяснить и обосновать механическимъ развитіемъ производительныхъ силъ и стихійною борьбою экономическихъ классовъ. Предпосылки, изъ которыхъ исходятъ представители „философскаго идеализма“, для насъ не новы; проблемы, которыя они ставятъ, мы уже знали.

Болѣе неожиданнымъ на первый взглядъ можетъ показаться другое обстоятельство. Среди представителей философскаго идеализма, по крайней мѣрѣ, среди принявшихъ участіе въ сборникѣ московскаго психологическаго общества, мы встрѣчаемъ еще недавнихъ и при томъ довольно видныхъ приверженцевъ экономическаго матеріализма. „Новое критическое направленіе,—объясняетъ намъ г. Бердяевъ,—выдѣляетъ здоровые и жизненные элементы марксизма и соединяетъ ихъ съ философскимъ и этиче-

*) Проблемы идеализма, стр. 26.

скимъ идеализмомъ". Оставляя въ сторонѣ вопросъ, гдѣ именно теперь находятся и куда уйдутъ „здоровые и жизненные" элементы марксизма, мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою фактъ нѣкоторой преемственности двухъ и при томъ радикально противоположныхъ міросозерцаній. Я думаю, однако, что это не простая случайность. Эту эволюцію матеріализма вплоть до крайняго идеализма можно было предвидѣть и слѣдовало ожидать.

„Марксизмъ, какъ философское міропониманіе,—говоритъ тотъ же г. Бердяевъ,—раздѣляетъ всѣ грѣхи эволюціонизма и особенно свидѣтельствуетъ о необходимости этическаго идеализма". Такимъ образомъ, уже въ силу своей чрезмѣрной односторонности марксизмъ неизбѣжно долженъ былъ вызвать идеалистическую реакцію, увлекшую даже его сторонниковъ. Соглашаясь съ этой мыслью г. Бердяева, я не могу, однако, признать правильной его ссылку на эволюціонизмъ, какъ на основной въ этомъ случаѣ грѣхъ марксизма. Я иду дальше и утверждаю, что „марксистское пониманіе исторіи" нельзя, какъ это дѣлаетъ г. Бердяевъ, „признать высшей формой соціологическаго эволюціонизма". Марксизмъ, предлагая „монистическій взглядъ" на исторію, не вносилъ и не пытался внести единство въ пониманіе всего міра. Для соціологической доктрины въ этомъ еще нельзя видѣть упрека. Но изучая историческіе факторы, марксизмъ не поставилъ ихъ въ связь съ біологическими и, такимъ образомъ, не объяснилъ ихъ происхожденія. Безъ этого же, даже какъ соціологическое ученіе, его нельзя признать вполнѣ эволюціоннымъ.

Будучи далекимъ отъ „высшей формы соціологическаго эволюціонизма" въ своихъ отправныхъ точкахъ, марксизмъ еще менѣе можетъ претендовать на это высокое званіе въ томъ конечномъ пунктѣ, до котораго достигаетъ его „взглядъ" на исторію.

Всецѣло подчиняя въ прошломъ и настоящемъ „сознаніе" „бытію", онъ предвидитъ, однако, въ будущемъ полное господство перваго надъ послѣднимъ. Я разумѣю тотъ пресловутый „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы", который, по мнѣнію марксизма, совершитъ человѣчество въ дальнѣйшей, доступной его предвидѣнію исторіи. Само собой понятно, что такіе прыжки не могутъ быть уложены въ рамки эволюціонной теоріи.

Между тѣмъ, въ этомъ безусловно революціонномъ (не съ

соціально-политической, а съ соціалистической точки зрѣнія, пунктѣ марксистской философіи и крылась неизбѣжность той реакціи, которая наградила теперь насъ метафизическимъ идеализмомъ. Такъ или иначе, но нужно было указать менѣе рискованный и болѣе вѣрный путь изъ царства необходимости въ царство свободы, изъ міра причинности, которой опредѣлялись судьбы человѣчества въ прошломъ и опредѣляются въ настоящемъ, въ міръ цѣлесообразности который откроется для него въ будущемъ.

Эта потребность давно уже сознана марксизмомъ. Въ неотложности ея онъ убѣдился немедленно, какъ только приступилъ къ „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей", и, въ частности, какъ только сдѣлалъ попытку разрѣшить вопросъ о роли личности въ исторіи дать свою теорію нравственности. Было бы, можетъ быть, интересно въ подробностяхъ прослѣдить тѣ уступки, которыя марксизмъ шагъ за шагомъ дѣлалъ и дѣлаетъ идеализму,—эту медлительную, но тѣмъ болѣе неуклонную его эволюцію. Я отмѣчу въ этомъ случаѣ лишь то положеніе, которое заняли въ марксистскомъ ученіи сравнительно поздно появившіеся на сценѣ „идеологи". Пока „сознаніе" опредѣляется „бытіемъ", эти идеологи, казалось бы, должны играть въ жизни очень скромную роль. Въ лучшемъ случаѣ, они могли бы обобщать интересы, которые свойственны классамъ въ настоящемъ. Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, марксизмъ надѣляетъ ихъ предвидѣніемъ будущаго и при томъ подчасъ очень отдаленнаго. Въ частности, идеологи пролетаріата, какъ оказывается, могутъ не только формулировать наличные интересы своего класса, но и вводить въ разсчетъ не только не сознанные еще пролетаріатомъ, но и не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ нему, какъ къ экономическому классу, общечеловѣческіе интересы. Напомнимъ хотя бы идею національной и религіозной терпимости, къ которой такъ чутки идеологи, и которая такъ часто чужда бываетъ рабочимъ массамъ, а то и прямо идетъ въ разрѣзъ съ ихъ наличными интересами. Встрѣчаясь съ такимъ взглядомъ на роль идеологіи, становишься подчасъ прямо втупикъ, чѣмъ же, въ концѣ концовъ, опредѣляется исторія: исключительно ли борьбою экономическихъ классовъ или въ числѣ многихъ другихъ факторовъ и предвидѣніями идеологовъ? И чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, эти послѣдніе отличаются отъ той интеллигенціи, историческое значе-

ніе которой такъ усердно старались свести на нѣтъ русскіе марксисты? Впрочемъ, слово „интеллигенція“ уже вошло въ лексиконъ марксизма даже его теоретиковъ. Правда, она у нихъ фигурируетъ чаще всего съ эпитетомъ классовая, но со стороны марксистовъ-практиковъ до насъ неоднократно уже долеталъ голосъ по адресу той разночинной интеллигенціи, которая еще недавно такъ высмѣивалась „русскими учениками“.

Медлительный путь въ сторону идеализма, какимъ идутъ „догматики“, очевидно, показался черезчуръ томительнымъ для тѣхъ, кто былъ воспріимчивѣе ихъ къ критикѣ. Медлить послѣднимъ было тѣмъ труднѣе, что спѣшить съ уступками заставляла не только теорія, но и практика жизни. „Тамъ и здѣсь,—говоритъ г. Новгородцевъ,—совершались глубокіе процессы жизни, предвозвѣщавшіе грядущее творчество новыхъ формъ. Снова чувствовалось вѣяніе созидательнаго духа исторіи. Мысль невольно призывалась къ тому, чтобы думать о задачахъ и призваніи личности, чрезъ которую совершается прогрессъ исторіи. Отъ прошлаго она обращалась къ будущему“ *). И вотъ, нѣкоторые критическіе марксисты, не долго думая, сочли за лучшее теперь же сдѣлать неизбѣжный для нихъ „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Чтобы облегчить себѣ эту операцію, они побросали очень много цѣннаго изъ своего багажа и, въ частности, ту частичку научнаго эволюціонизма, которая была съ ними. Прыжокъ они сдѣлали огромный. Совершивъ его, они оказались „по ту сторону позитивнаго знанія“, въ дебряхъ метафизики.

II.

Отправною точкою своихъ изысканій представители философскаго идеализма взяли „непроходимую, — какъ полагаетъ г. Бердяевъ, — въ предѣлахъ эмпирической дѣйствительности и науки пропасть между сущимъ и должнымъ“. Считая напередъ положительное знаніе неспособнымъ заполнить эту пропасть или хотя бы построить мостъ черезъ нее, они утверждаютъ, что „бытіе и долженствованіе могутъ быть сведены къ единству только на почвѣ „метафизики“. Только тамъ, въ сверхъ-опытномъ мірѣ, по ихъ

*) Проблемы идеализма, стр. 242.

мнѣнію, могутъ найти себѣ примиреніе причинность и цѣлесообразность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, истина и справедливость, познаніе и дѣятельность. Такимъ образомъ, не случайно и не по ошибкѣ, а преднамѣренно и по доброй волѣ г. Булгаковъ со товарищи оказались въ „потустороннемъ" мірѣ.

Освободивъ свою мысль отъ обязанности пользоваться научными методами и предавшись чистому умозрѣнію, новые философы съ удивительною легкостью рѣшаютъ сложныя и важныя проблемы которыя жизнь и мысль поставили передъ ними. „Если мы признаемъ, — говоритъ г. Булгаковъ, — что исторія есть раскрытіе абсолюта, то тѣмъ самымъ мы уже признаемъ, что въ исторіи не царитъ случайность или мертвая закономѣрность причиной связи, здѣсь есть лишь закономѣрное развитіе абсолюта. Причинная закономѣрность исторіи получаетъ значеніе только средства для цѣлей абсолюта... Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы признаемъ, что въ исторіи есть живая и разумная сила, идущая дальше нашихъ намѣреній и ихъ направляющая... Вотъ истинная теорія прогресса,—восклицаетъ онъ,—нужна ли еще другая!"

Дѣйствительно, чего лучше! Стоитъ только признать абсолюта и все остальное пойдетъ, какъ по маслу. „Очевидно, —немедленно прибавляетъ г. Булгаковъ,—что доказательство этого рода ученія не можетъ быть сдѣлано опытнымъ путемъ, оно всецѣло лежитъ въ метафизикѣ". Гдѣ же безсильно окажется умозрѣніе, тамъ поможетъ вѣра, ибо „вѣрить можно даже въ то, что не только недоказуемо, но и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму" (стр. 6).

Рѣшеніе, которое предлагаетъ г. Булгаковъ, не единственное въ сборникѣ, но оно можетъ считаться типическимъ для представителей „самаго молодого изъ выступившихъ у насъ философскихъ міросозерцаній". Источникъ нравственнаго энтузіазма, какой свойственъ людямъ, — а отысканіе его и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ проблемъ, — всѣ они видятъ, въ сущности, въ томъ же „вѣчномъ сіяніи абсолюта", въ „религіозномъ проникновеніи его велѣніями", какъ и г. Булгаковъ. Не всѣ они доходятъ до „границъ умопостигаемаго", но въ чемъ бы они ни находили „утерянное Божество",—въ идеалистическомъ ли пантеизмѣ а la абсолютъ г. Булгакова, или въ сентезѣ идеи „богочеловѣка" и „человѣкобога", какъ обозначаетъ свою „точку зрѣнія" г. Бер-

дяевъ — всѣ они, выражаясь языкомъ послѣдняго, постулируютъ сверхъ-эмпирическій идеальный міръ“, какъ источникъ „независимой отъ опыта, абсолютной идеи должнаго“.

Соваться въ этотъ міръ, гдѣ нѣтъ мѣста доводамъ опытнаго знанія, а подчасъ и доводамъ разума, какъ было уже заявлено вначалѣ, у меня нѣтъ намѣренія. Я предпочитаю встрѣтиться съ представителями философскаго идеализма въ концѣ ихъ изысканій, когда съ своихъ заоблачныхъ высотъ они вновь возвращаются на грѣшную землю. Въ томъ пунктѣ, гдѣ „отвлеченные интересы мысли“ встрѣчаются со „сложными вопросами жизни“, легче и проще всего убѣдиться, дѣйствительно ли для разрѣшенія послѣднихъ такъ „необходимъ свѣтъ философскаго идеализма“, какъ это утверждаютъ въ предисловіи къ сборнику его составители.

Багажъ, съ которымъ возвращаются изъ своихъ умозрительныхъ экскурсій представители философскаго идеализма, на первый взглядъ представляется очень цѣннымъ и подкупающимъ въ пользу самаго молодого изъ міросозерцаній. Г. Бердяевъ, напримѣръ, приноситъ намъ, какъ основную идею этики, „идею личности и ея развитія къ совершенству“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и требованіе ея правъ на самоопредѣленіе и развитіе, для чего прежде всего, конечно, „должно быть на незыблемыхъ основаніяхъ утверждено основное условіе уваженія къ человѣку и духу—свобода“. Въ багажѣ г. Новгородцева мы находимъ для этого требованія „фундаментъ, который незыблемъ для временныхъ разочарованій и переходящихъ неудачъ“, найденный имъ въ „естественномъ правѣ“, которое въ силу своего моральнаго идеала то или другое исторически-неизбѣжное явленіе можетъ объявить нравственно негоднымъ. Г. Булгаковъ утверждаетъ, что онъ несетъ съ собою „нравственную силу и религіозный энтузіазмъ“ для „практическихъ требованій современнаго соціальнаго движенія“. Даже при г. П. Г. имѣется „стойкость убѣжденій“, какую выработалъ „не только въ борьбѣ съ противниками, но и съ самимъ собой“ его единомышленникъ П. Б. Струве.

Я сильно сомнѣваюсь, однако, чтобы опредѣленное отношеніе къ современнымъ правовымъ и экономическимъ проблемамъ, поскольку проявляютъ таковое представители философскаго идеализма, было найдено ими дѣйствительно на метафизическихъ вы-

сотахъ. Я думаю даже, что „живая и радостная вѣра въ силу истины и крѣпость добра“ почерпнута ими отнюдь не въ „сверхъ-эмпирическомъ мірѣ“.

Въ самомъ дѣлѣ, вернемся на нѣсколько минутъ къ знакомому уже намъ абсолюту г. Булгакова, къ абсолюту, который, по его словамъ, идетъ дальше нашихъ намѣреній и для цѣлей котораго наши поступки являются лишь средствомъ. Но вѣдь цѣлей абсолюта мы не знаемъ и знать не можемъ. „Знать разумъ всего сущаго, говоритъ по этому поводу тотъ же г. Булгаковъ, понимать „и въ полѣ каждую былинку, и въ небѣ каждую звѣзду“ доступно лишь всевѣдѣнію Божію“. Откуда же беретъ г. Булгаковъ „отрадную увѣренность, что все добро и разумное, въ концѣ концовъ, восторжествуетъ“? Не въ томъ ли только разумѣ,— чисто человѣческомъ разумѣ, — которымъ самъ г. Булгаковъ надѣлилъ своего абсолюта?

Повѣримъ, однако, г. Булгакову на слово, что абсолютъ есть разумъ и ужъ въ силу этого въ концѣ концовъ онъ приведетъ міръ къ торжеству истины и справедливости. Но вѣдь этому абсолюту, какъ утверждалъ Гегель и какъ подтверждаетъ г. Булгаковъ, свойственно „лукавство“. „Богъ дозволяетъ людямъ дѣйствовать на основаніи ихъ собственныхъ интересовъ и страстей, но то, что оказывается въ результатѣ этого, представляетъ выполненіе его намѣреній, которыя отличаются отъ непосредственныхъ намѣреній, тѣхъ лицъ, которыми онъ пользуется“. Имѣютъ ли, въ такомъ случаѣ, какую-либо нравственную цѣну даже самыя высокія намѣренія и самые героическіе поступки, и чѣмъ они лучше самыхъ низкихъ намѣреній и самыхъ подлыхъ поступковъ? Вѣдь при посредствѣ тѣхъ и другихъ съ равнымъ успѣхомъ осуществляются конечныя цѣли абсолюта. Не имѣемъ ли мы права сказать въ этомъ случаѣ, что абсолютъ г. Булгакова „способенъ убить всякую энергію и всякій нравственный энтузіазмъ“, т. е. обратить противъ него самого тотъ упрекъ, который онъ дѣлаетъ по адресу позитивной науки?

Свое ученіе въ этомъ пунктѣ г. Булгаковъ сближаетъ, и не безъ основанія, съ марксизмомъ. Послѣдній тоже знаетъ „лукавство“. Развитіе производительныхъ силъ или какое-то иное „лукавство экономическаго базиса“ посредствомъ борьбы экономическихъ интересовъ неуклонно ведетъ человѣчество ко всеобщему бла-

гополучію. Утверждая это, марксизмъ видитъ, однако, въ этомъ лукавствѣ доступную нашему изученію закономѣрность, а не цѣпь отдѣльныхъ событій, которыя для насъ „навсегда останутся иррационалъными“. Въ возможности „предвидѣнія“ событій, къ чему такъ презрительно относится г. Булгаковъ, заключается хоть маленькая зацѣпка для творческой дѣятельности личности, хоть маленькій питатель энергіи и энтузіазма. Лукавый же абсолютъ г. Булгакова дѣйствительно всякую „дѣятельность превращаетъ въ нравственную лотерею“, съ точки зрѣнія „конечной цѣли“ всего міроздания, можетъ быть, и безпроигрышную, но въ предѣлахъ нашей жизни и даже громадныхъ историческихъ эпохъ совершенно случайную.

Безразличное отношеніе къ „сложнымъ вопросамъ жизни“ метафизика неизбѣжно поселяетъ не только въ сердцахъ, но и въ головахъ своихъ адептовъ. „Исторія, говоритъ она устами преуспѣвшаго въ ней г. Булгакова, есть раскрытіе и выполненіе одного творческаго и разумнаго плана... Поэтому все, что только было и будетъ въ исторіи, все это необходимо для раскрытія этого плана, для цѣлей разума. Въ этомъ смыслѣ получаетъ свое полное значеніе вѣщее слово Гегеля: „все, что дѣйствительно, то разумно, а что разумно, то дѣйствительно“... „Это, по словамъ г. Булгакова, самая великая и важная проблема не только метафизики исторіи, но и всей нравственной философіи. Здѣсь должно быть дано „оправданіе добра“, которое должно вмѣстѣ съ тѣмъ явиться оправданіемъ зла, зла въ природѣ, въ человѣкѣ, въ исторіи. Философія должна показать внутреннее безсиліе зла, его призрачность, его—страшно сказать — конечную разумность“.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ міросозерцаніемъ, которое *должно* оправдывать добро, которое *можетъ* оправдать зло, и при томъ не съ точки зрѣнія причинности, а съ точки зрѣнія цѣлесообразности, — съ міросозерцаніемъ, которое, въ конечномъ счетѣ, добро и зло признаетъ въ равной мѣрѣ разумными. Нужно ли говорить, что такое пониманіе исторіи неспособно дать сколько-нибудь цѣнныхъ указаній для жизни, въ особенности въ эпоху острой борьбы грядущаго добра съ отживающимъ зломъ, которую мы переживаемъ. Пусть г. Булгаковъ со своей метафизикой подождетъ до новаго періода застоя и тогда предложитъ людямъ свое утѣшеніе, что „все дѣйствительно разумно“.

Сейчасъ же мы полны протеста противъ зла, и метафизика насъ не обманетъ. Нѣтъ, не все разумно! — и въ этомъ сознанiи насъ и окружающихъ насъ самый лучшiй залогъ конечнаго торжества правды, самый вѣрный предвозвѣстникъ „грядущаго творчества новыхъ формъ“, самый важный источникъ доступнаго намъ энтузiазма.

Самому г. Булгакову „страшно сказать“ послѣднее слово, до котораго онъ дошелъ въ своемъ умозрѣнiи. Это жизнь шлетъ ему свое послѣднее предостереженiе о той пропасти, до которой онъ дошелъ въ своихъ изысканiяхъ, — о пропасти нравственнаго безразличiя и общественнаго индифферентизма. И если онъ еще не свалился въ нее, если у него, дѣйствительно, имѣются опредѣленныя отношенiя къ „практическимъ требованiямъ современнаго соцiальнаго движенiя“ и „нравственный энтузiазмъ“, чтобы принять въ этомъ движенiи активное участiе, то, право, не изъ метафизики онъ ихъ почерпнулъ, а совсѣмъ изъ другого источника и, въ частности, можетъ быть, изъ тѣхъ самыхъ общественныхъ наукъ, которыя, по собственному его признанiю, „въ наше время являются какъ бы спецiально призванными, чтобы орiентировать въ дѣйствительности и освѣщать добро и зло въ соцiальной жизни“.

Г. Булгакову, какъ мы видѣли, „страшно“ заглянуть въ открывающуюся передъ нимъ пропасть. Между тѣмъ, пока онъ не вернулся на землю, есть только одно средство, чтобы избѣжать ея, и онъ повидимому, не прочь имъ воспользоваться. Возможно, что онъ постарается проникнуть въ сокровенныя цѣли абсолюта и перешагнетъ для этого „границы умопостигаемаго“. Сохранить „душу живу“ въ трясинѣ мистики труднѣе, однако, чѣмъ въ дебряхъ метафизики. Не будемъ, впрочемъ, предрѣшать будущаго.

III.

Г. Булгаковъ — прямолинейный человѣкъ. Отъ „экономизма“ черезъ „агностицизмъ“ онъ прямымъ путемъ дошелъ до „идеализма“ и, попавъ въ область метафизики, также прямикомъ претъ къ своему абсолюту. Другой представитель философскаго идеализма — г. Бердяевъ — болѣе остороженъ и въ раскрытiи своей

„абсолютной идеи должнаго“ предпочитаетъ извилистый путь съ многочисленными зигзагами, крутыми поворотами и малозамѣтными на первый взглядъ, но тѣмъ не менѣе очень значительными—до 180°—закругленіями. Трудно поэтому сказать, что можетъ дать въ концѣ-концовъ для сложныхъ вопросовъ жизни послѣдовательное развитіе его ученія. Я затруднился бы даже предугадать, дождемся ли мы когда-нибудь съ его стороны послѣдовательности и не предпочтетъ ли онъ безъ конца блуждать между двумя полюсами нравственной метафизики. Я могу поэтому отмѣтить лишь нѣкоторыя точки, до которыхъ онъ доходитъ теперь въ своихъ умозрительныхъ блужданіяхъ.

Со своимъ „богомъ“ г. Бердяевъ располагается внутри человѣка и уже отсюда рѣшаетъ проблемы нравственной жизни. Съ точки зрѣнія „богочеловѣка“, „идеальной личности“ онъ относится свысока къ „личности эмпирической“, къ грѣшному человѣку земли, „въ которомъ пестритъ смѣсь красоты съ уродствомъ, высокаго съ низкимъ“. Отстаивать человѣческую личность поэтому „не значитъ отстаивать все ея многоразличное эмпирическое содержаніе“. Такъ же свысока онъ относится и къ грѣховной землѣ, съ ея радостями и страданіями. „Цѣль, которую ищетъ этика, говоритъ онъ,—не есть эмпирическое счастіе людей, а ихъ идеальное нравственное совершенство“.

Въ чемъ же состоитъ, однако, это идеальное нравственное совершенство? „Абсолютный идеалъ нравственнаго совершенства, говоритъ намъ г. Бердяевъ, не можетъ быть конкретно выраженъ въ терминахъ опыта“. Между тѣмъ, по стольку лишь, по скольку онъ пользуется указаніями человѣческаго опыта, его „совершенство“ и имѣетъ отношеніе къ очереднымъ и вѣковѣчнымъ задачамъ жизни. Въ предѣлахъ же метафизики ничего иного, кромѣ „сліянія человѣка съ Божествомъ“, онъ придумать не въ состояніи.

Въ своемъ стремленіи къ этому „послѣднему этапу на длинномъ пути, на которомъ эмпирическій міръ есть лишь небольшой кусокъ“, человѣческая личность нуждается, конечно, въ свободѣ. Въ обоснованіи этого требованія г. Бердяевъ и видитъ главную практическую заслугу своей метафизики. Не можемъ ли и мы найти въ этомъ оправданіе ея претензіямъ на участіе въ рѣшеніи сложныхъ вопросовъ жизни?

Не будемъ, однако, обольщаться словами и вспомнимъ, что свободы бываютъ разныя. Какой же свободы требуетъ для личности метафизика г. Бердяева? „Свобода,—говоритъ онъ въ концѣ своей статьи,—не отрицательное понятіе, какъ это утверждаютъ буржуазные мыслители, для которыхъ она есть только отсутствіе стѣсненій, свобода понятіе положительное, она синонимъ всего внутренняго духовнаго творчества человѣческой личности... Быть свободнымъ человѣкомъ—значитъ сознать свою нравственно-разумную природу, выдѣлить свое „нормальное“, идеальное „я“ изъ хаоса случайнаго эмпирическаго сцѣпленія фактовъ... И я думаю, что можно поставить знакъ тожества между внутренней нравственной свободой и тѣмъ духовнымъ „я“, которое мы положили въ основаніи этики“.

Итакъ, мы имѣемъ „знакъ тожества“ между „внутренней свободой“ и тѣмъ идеаломъ, къ раскрытію котораго зоветъ насъ метафизика. Опредѣлить x, какимъ оставался для насъ этотъ идеалъ, теперь уже не трудно, такъ какъ уравненіе, въ которое вставилъ его г. Бердяевъ, очень просто. О „внутренней свободѣ“ мы много наслышаны. Всѣ прелести ея особенно подробно выясняли намъ за послѣдніе годы, между прочимъ, „Московскія Вѣдомости“, настойчиво противополагавшія эту „истинную“ свободу той призрачной, которую выдумали „лжелибералы“ и которая состоитъ въ „отсутствіи стѣсненій“. „Сознавать свою нравственно-разумную природу и выдѣлить свое идеальное „я“ изъ хаоса случайнаго эмпирическаго сцѣпленія фактовъ“, какъ не безъ основанія утверждала и утверждаетъ реакціонная газета, можно всюду, даже въ тюрьмѣ и въ рабствѣ. „Внутренняя свобода“ тѣмъ и хороша, что она доступна всякому, нищему не меньше, чѣмъ милліонеру.

Чувствуя близость звѣриныхъ объятій, г. Бердяевъ дѣлаетъ рѣзкій поворотъ въ сторону „отсутствія стѣсненій“. „Можно ли примирить,—съ гнѣвнымъ пафосомъ восклицаетъ онъ,—внутреннее самоопредѣленіе личности, ея нравственную свободу и признаніе за ней абсолютной цѣнности съ внѣшнимъ гнетомъ, съ эксплуатаціей ея другими людьми и цѣлыми группами, съ поруганіемъ ея человѣческаго достоинства общественными учрежденіями?.. Какія идейныя оправданія могутъ быть приведены въ защиту точки зрѣнія реакціонеровъ и мракобѣсцевъ, жрецовъ грубаго на-

силія, что можетъ уменьшить ихъ страшную вину передъ человѣческимъ духомъ и ослабить справедливое возмездіе?“

Напрасно, однако, такъ горячится г. Бердяевъ, и не ему бы накладывать „клеймо позора“ на „тѣхъ, которые нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе,—признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета, эксплуатаціи и нарушенія элементарныхъ правъ человѣка — съ другой“. За объясненіемъ этого общественнаго зла, которому г. Бердяевъ, не въ примѣръ г. Булгакову, отказывается дать нравственное оправданіе, онъ отсылаетъ насъ къ исторіи. Послѣдняя же совершенно опредѣленно говоритъ намъ, что „идейныя оправданія“ реакціонеры и мракобѣсцы всегда находили себѣ въ метафизикѣ, даже въ томъ самомъ пунктѣ ея, изъ котораго исходитъ г. Бердяевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, постулируя „идеальную личность“, какъ нѣчто напередъ данное, независимое отъ эмпирической личности и не выводимое изъ нея, г. Бердяевъ собственными руками закладываетъ „незыблемый фундаментъ“ для того ученія, которое „человѣческій духъ безусловной цѣнности“ противополагаетъ эмпирическому человѣку съ многоразличнымъ его содержаніемъ. „Радикальную идею абсолютнаго долженствованія, понимаемаго спиритуалистически“, не только исторически, но и логически можно связать „съ закрѣпленіемъ самыхъ возмутительныхъ, самыхъ реакціонныхъ формъ сущаго“. Изъ противоположенія „духа“ и „плоти“ вполнѣ естественно вытекаетъ тотъ пассивный аскетизмъ, который надѣляетъ человѣка безразличнымъ отношеніемъ къ элементарнымъ правамъ его личности. „Идеальное нравственное совершенство“, съ точки зрѣнія „богочеловѣка“, легко найти и въ „нирванѣ“. „Бороться за свое естественное право, — говоритъ г. Бердяевъ,—есть дѣло чести каждаго человѣка“. Это, конечно, вѣрно, но, оставаясь на почвѣ метафизики, съ еще большимъ успѣхомъ можно постулировать прямо противоположный „нравственный императивъ“.

Изъ признанія напередъ данной „идеальной личности“, какъ „самоцѣли и абсолютной цѣнности“, возможны и другіе выводы. Голая идея, даваемая метафизикой, не то, что презираемый г. Бердяевымъ „голый фактъ“, съ какимъ имѣетъ дѣло эмпирія. Съ идеей безъ содержанія легко продѣлывать всевозможные зиг-

заги мысли, и этою возможностью широко пользуется прекрасно усвоившій грацію всевозможныхъ поворотовъ г. Бердяевъ.

Мы уже говорили, что для этики г. Бердяева „эмпирическое счастіе людей“ не имѣетъ значенія. „Служить удовольствію и счастію Петра и Ивана и даже всѣхъ Петровъ и Ивановъ на свѣтѣ, по его мнѣнію, не имѣетъ никакой нравственной цѣны... Да и къ тому же, если постыдно для человѣка посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствію, то не менѣе постыдно обратить себя въ орудіе чужого наибольшаго удовольствія“. Важно не счастіе рода человѣческаго, а его „нравственное идеальное совершенство“. При этомъ, какъ „самоцѣль и абсолютная цѣнность“, личность, по мнѣнію философа, имѣетъ „этическій приматъ надъ обществомъ“. Это значитъ, между прочимъ, что „борьба за соціальность, т. е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за гуманность, т. е. борьбѣ за человѣка“.

Въ послѣднемъ выводѣ для насъ, знакомыхъ съ теоріей борьбы за индивидуальность, мало, конечно, новаго и, казалось бы нѣтъ ничего страшнаго. Наши читатели, быть можетъ, помнятъ слова, написанныя 25 лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскимъ: „Мѣриломъ достоинства всякаго союза — партіи, кружка, семьи, націи и пр.—долженъ служить интересъ личности... Значитъ, во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а—личности“. Мы готовы, такимъ образомъ, идти дальше г. Бердяева и признать не только этическій, но и соціологическій приматъ личности. Но личность для насъ — не голая идея, а нашъ ближній, имѣющій всецѣло эмпирическое происхожденіе.

Когда же въ центрѣ вселенной становится „богочеловѣкъ“ г. Бердяева, для котораго эмпирическое счастье окружающихъ его людей не имѣетъ значенія, то за ближняго намъ становится нѣсколько страшно. Этотъ „богочеловѣкъ“ обнаруживаетъ недвусмысленное поползновеніе сдѣлаться „человѣкобогомъ“. Въ качествѣ таковаго дѣломъ своей чести онъ можетъ сдѣлать уже не созерцаніе „своей нравственно разумной природы“, не нирвану, а осуществленіе своихъ „божескихъ“ правъ за счетъ окружающихъ. И этому не можетъ воспрепятствовать г. Бердяевъ со своей метафизикой. Напротивъ, онъ заранѣе санкціонируетъ всѣ акты „чело-

вѣкобога“, объявляя „войну обыденной традиціонной морали“. „Въ человѣкѣ,—говоритъ онъ,—есть безумная жажда жизни, интенсивной и яркой, жизни сильной и могучей, хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ. Это необыкновенно цѣнная жажда жизни, и пусть она лучше опьяняетъ человѣка, чѣмъ отсутствуетъ совсѣмъ. Это Богъ Діонисъ даетъ о себѣ знать, тотъ самый, которому Ницше воздвигъ такой прекрасный памятникъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ“.

Я не поклонникъ обыденной традиціонной морали и думаю, что ей, дѣйствительно, можно и должно объявить войну. Но чтобы предпринять эту борьбу, казалось бы, нужно имѣть кое-что положительное, а не только жажду жизни „хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ“. Иначе „философская этика“ г. Бердяева легко можетъ оправдать все—отъ входящаго нынѣ къ моду демоническаго босячества, до давно уже утратившаго свой поэтическій ореолъ, но все еще живучаго въ насъ самодурства.

Между тѣмъ, этого положительнаго элемента и не заключаетъ въ себѣ та голая „идея абсолютнаго долженствованія“, съ которою балансируетъ г. Бердяевъ.

IV.

Люди,—по крайней мѣрѣ, въ лучшія минуты своей жизни, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей,—сознаютъ свой долгъ принимать активное участіе въ борьбѣ за общее благо и за собственное человѣческое достоинство. Вотъ „голый фактъ“, какой даетъ эмпирическая дѣйствительность. Объяснить происхожденіе этого долга, раскрыть внутреннее его содержаніе и найти источникъ вѣры и энтузіазма, какой вносятъ люди въ исполненіе его велѣній—таковы проблемы, которыя поставили передъ собой представители философскаго идеализма. Говоря кратко, — это проблемы совѣсти и чести. Мы видѣли, какъ неудачно они разрѣшаютъ свою задачу. Объяснить происхожденіе совѣсти и чести они, въ сущности, отказываются, такъ какъ „постулируютъ“, т. е. требуютъ, чтобы мы признали безъ доказательства сверхъ-эмпирическій міръ и сверхъ-опытное происхожденіе нравственнаго долга. Наполнить сколько-нибудь опредѣленнымъ содержаніемъ „пустую форму абсолютнаго долженствованія“, оставаясь на почвѣ мета-

физики, они оказываются безсильными. Г. Булгаковъ прямо признается, что въ этомъ пунктѣ „вступаетъ въ свои права положительная наука". Наконецъ, вмѣсто вѣры въ свои силы и нравственнаго энтузіазма къ своему дѣлу, метафизическіе абсолюты способны поселить въ сердцахъ и умахъ людей лишь безразличное отношеніе къ добру и злу и индифферентное или „сверхчеловѣческое" отношеніе къ сложнымъ вопросамъ жизни. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія цѣлей, ради которыхъ гг. философы предприняли свою метафизическую экскурсію, ее никакъ нельзя признать удавшеюся.

Еще труднѣе, быть можетъ, оправдать ее съ точки зрѣнія причинъ, которыя побудили новыхъ приверженцевъ идеализма переступить границы положительнаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, вернемся къ отправной точкѣ ихъ изысканій и посмотримъ, дѣйствительно ли пропасть между „бытіемъ" и „долженствованіемъ" въ предѣлахъ позитивной науки представляется непроходимой.

Возьмемъ два-три факта изъ „сущаго". Земля движется вокругъ солнца; изъ года въ годъ съ удивительнымъ постоянствомъ совершаетъ она свой путь по эллипсису, ни на минуту не опаздывая въ своемъ бѣгѣ, ни на іоту не уклоняясь въ сторону. Камень, брошенный вверхъ, достигнувъ извѣстной точки, неизмѣнно падаетъ опять на землю. Зажженная свѣча, внесенная въ безвоздушное пространство, немедленно гаснетъ. Всѣ эти факты воспринимаются нашимъ сознаніемъ съ точки зрѣнія ихъ причинности. Встрѣчаясь съ ними, наша мысль знаетъ только одинъ вопросъ: почему? почему земля движется? почему камень падаетъ? почему свѣча гаснетъ? Дикарь могъ бы заподозрить въ данномъ случаѣ у земли, камня и свѣчи какія-либо намѣренія; мы же, искусившіеся въ положительной наукѣ, знаемъ, что вопросъ о цѣли въ данномъ случаѣ былъ бы вопросъ праздный.

Между тѣмъ, представьте себѣ, что земля, камень, свѣча одарены сознаніемъ. Тѣ же самыя явленія не воспринимали ли бы они въ иной формѣ, чѣмъ мы, не какъ сущее, а какъ должное? Не сознавала ли бы земля, что она *должна* двигаться? камень, что онъ *долженъ* упасть? свѣча,—что она *должна* погаснуть? Законы инерціи, тяготѣнія и химическаго сродства не отозвались бы въ ихъ сознаніи такимъ же властнымъ и суровымъ голосомъ, какъ и всякій иной „категорическій императивъ"? Результаты

актовъ, всецѣло обусловленныхъ внѣшними причинами, не представились ли бы имъ своего рода цѣлями, къ которымъ они должны стремиться? Любопытно, что даже въ нашемъ сознаніи мы допускаемъ элементъ „долга“ въ указанныхъ явленіяхъ. Мы говоримъ не только, что то или иное изъ этихъ явленій совершится, но и то, что земля „должна“ двигаться, камень „долженъ“ упасть, свѣча „должна“ погаснуть. Въ этомъ „долженъ“, „должна“, конечно, нѣтъ ничего метафизическаго. Въ данномъ случаѣ для насъ совершенно ясно, какимъ образомъ категорія сущаго смѣняется категоріей должнаго. Ретроспективная работа сознанія вскрываетъ причины сущаго, въ проспектѣ же мысль провидитъ результаты должнаго. Причинность и цѣлесообразность въ этомъ случаѣ лежатъ на одной линіи, только въ разныхъ направленіяхъ.

Само собой понятно, что между „долгомъ“, который сознавала бы земля, и нравственнымъ долгомъ, какой сознаемъ мы, лежитъ дистанція огромнаго размѣра. Но вѣдь и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ между космическимъ, физическимъ и химическимъ міромъ, съ одной стороны, и біологическимъ, психическимъ и соціальнымъ, съ другой, лежитъ не меньшее разстояніе. Позитивная наука не теряетъ, однако, надежды проложить путь между ними, и то, что ею уже сдѣлано для этого, ставитъ эту надежду внѣ сомнѣній. На всемъ протяженіи сущаго и должнаго эволюціонная теорія уже поставила свои вѣхи. Внѣ этого огромнаго пространства, охваченнаго позитивной наукой, лежатъ лишь первоначальная причина и конечная цѣль бытія. Вся жизнь, всѣ сложные вопросы жизни, какіе могутъ встать передъ человѣчествомъ, находятся въ этихъ предѣлахъ, за ними же начинается недоступное нашему пониманію небытіе. Умножить вѣхи эволюціонной теоріи, найти нить развитія жизни отъ атома до высшихъ проявленій человѣческаго духа, связать цѣпью причинности всѣ явленія міра, продолжить эту нить и эту цѣпь въ будущее до самыхъ отдаленныхъ и высокихъ цѣлей,—такова благородная и благодарная задача, которая стоитъ передъ человѣческой мыслью. Эта задача всецѣло лежитъ въ мірѣ эмпиріи, и метафизика тутъ не поможетъ.

Вернемся, однако, къ „должному“ и посмотримъ, какъ оно сказывается въ болѣе сложныхъ явленіяхъ жизни.

Мы—въ мірѣ клѣтокъ, въ которомъ біологи ищутъ теперь тайну органической жизни. Заглянемъ въ микроскопъ, съ которымъ работаютъ они. На часовомъ стеклышкѣ налита морская вода, въ которой плаваютъ яйца и сперматозоиды иглокожихъ. „Яйцо одѣто въ нѣжную студенистую удобопроницаемую оболочку... Тутъ же, подъ микроскопомъ, плаваетъ множество сперматозоидовъ. Словно влекомые какою-то таинственной силой, цѣлой гурьбой направляются они, усиленно работая своими жгутами, къ поверхности яйца и обступаютъ его со всѣхъ сторонъ. Но вотъ одинъ, наиболѣе юркій и энергичный, далеко опередилъ всѣхъ остальныхъ. Еще мгновенье, и онъ достигаетъ цѣли, тѣмъ болѣе, что само яйцо какъ бы идетъ навстрѣчу его стремленіямъ: протоплазма яйца образуетъ небольшой бугорокъ, который выступаетъ по направленію къ сперматозоиду. Послѣдній упирается головкой въ студенистую оболочку яйца, работаетъ усиленно своимъ хвостикомъ, достигаетъ до воспринимающаго холмика и, наконецъ, внѣдряется въ яйцо. Какъ разъ въ это самое время на поверхности всего яйца образуется тоненькая перепонка... Эта перепонка защищаетъ яйцо отъ вторженія въ него остальныхъ сперматозоидовъ: они остаются за бортомъ, тогда какъ ихъ болѣе счастливый товарищъ продолжаетъ идти все дальше и дальше вглубь яйца...“ *) Такова, по наблюденію біологовъ, картина „пролога“ къ оплодотворенію, въ результатѣ котораго является одноклѣтный зародышъ, долженствующій затѣмъ развиться въ сложный организмъ.

Какая сила заставляетъ сперматозоиды (мужскіе зародыши) стремиться къ яйцу (женской сѣмянной клѣткѣ), что заставляетъ эту послѣднюю раскрывать свои объятія для одного изъ нихъ и препятствовать доступу всѣхъ остальныхъ,—мы еще не знаемъ. Это—нерѣшенная еще проблема біологіи. Несомнѣнно, однако, что рано или поздно наука вскроетъ дѣйствующія въ этомъ случаѣ причины и—кто знаетъ?—можетъ быть, сведетъ ихъ въ концѣ концовъ къ тѣмъ же законамъ тяготѣнія и химическаго сродства, дѣйствіе которыхъ для насъ совершенно ясно было въ ранѣе приведенныхъ примѣрахъ... Каковы бы ни были эти причины, во всякомъ случаѣ, комплексъ ихъ для сперматозоида и яйцевой

---

*) В. В. Лункевичъ. Нерѣшенныя проблемы біологіи. Р. Б. 1902 г. № 12.

клѣтки имѣетъ значеніе „категорическаго императива". Послушные его велѣнію, они стремятся, какъ къ должному, къ той цѣли, которая подъ микроскопомъ представляется намъ въ видѣ одноклѣтнаго зародыша и которая пріобрѣтаетъ потомъ видъ сложнаго организма. Размѣры проявляемой клѣтками активности и внѣшній видъ ихъ дѣйствій таковы, что не только дикарь, но и образованный человѣкъ, пока онъ не проникъ въ причины происходящаго передъ нимъ процесса, способенъ увидѣть въ яйцѣ и сперматозоидѣ живыя существа и заподозрить цѣлесообразность въ ихъ движеніяхъ. „Самое названіе Spermatozoon, т. е. „сѣменное животное",—говоритъ по этому поводу г. Лункевичъ, - показываетъ, что сперматозоидъ дѣйствительно считался за крошечное, вполнѣ самостоятельное животное".

Мы еще далеки отъ нравственнаго долга, но несомнѣнно, что вѣха, около которой мы сейчас находимся, указываетъ путь въ интересующемъ насъ направленіи. Идя дальше, мы попадаемъ въ малоизслѣдованную еще, но безусловно доступную наукѣ область инстинктовъ и безсознательныхъ влеченій и движеній. Вѣко, закрывающее нашъ глазъ въ случаѣ грозящей ему опасности: индюкъ, при видѣ врага распускающій хвостъ и растопыривающій перья; самка, упорно сидящая на яйцахъ; волчица, защищающая своихъ дѣтенышей,—все это факты изъ сущаго, подлежащіе изученію въ ихъ причинахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—это акты должнаго, заключающіе въ себѣ несомнѣнный элементъ цѣлесообразности. Мы знаемъ, что причины производятъ въ этомъ случаѣ свое дѣйствіе при посредствѣ того же нервнаго аппарата, который служитъ и для нравственно-разумной дѣятельности человѣка; мы знаемъ, что цѣли, которыя достигаются при помощи инстинктовъ, иногда бываютъ почти тождественны съ тѣми, которыя ставитъ и нравственность. Мы уже близки къ нравственному долгу.

Послѣдній мы находимъ только въ области сознательной и разумной жизни. Эта жизнь, конечно, такъ же глубоко причинна, какъ и все сущее; вмѣстѣ съ тѣмъ, она высоко-цѣлесообразна, какъ ничто другое изъ должнаго. Само собой понятно, что не все, лежащее въ предѣлахъ сознанія, и не все, совершающееся при участіи мысли, составляетъ предметъ нравственнаго долга. Къ содержанію послѣдняго мы обратимся нѣсколько ниже. Сейчасъ

же вернемся назадъ и посмотримъ, какъ измѣнялось „должное" на разныхъ ступеняхъ жизни, съ которыми мы имѣли дѣло.

Причины, которыя заставляютъ камень падать и свѣчу гаснуть, очень просты и несложны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, результатъ ихъ дѣйствія наиболѣе неизбѣженъ. И если должное гдѣ нибудь имѣетъ „абсолютный" характеръ, то именно тамъ—на низшихъ, неорганическихъ ступеняхъ сущаго. Непосредственныя причины, побуждающія сперматозоидъ стремиться къ соединенію съ яйцевой клѣткой, намъ неизвѣстны, но несомнѣнно, что онѣ очень разнообразны и сложны. Выше мы упомянули, что, можетъ быть, представится возможность свести ихъ къ тѣмъ же законамъ, которые имѣютъ мѣсто и въ неорганическомъ мірѣ; едва ли нужно пояснять, однако, что это можно сдѣлать будетъ не иначе, какъ при посредствѣ цѣлаго ряда другихъ звеньевъ изъ цѣпи причинности. Вмѣстѣ съ умноженіемъ и усложненіемъ причинъ измѣняется и характеръ акта, являющагося въ результатѣ ихъ дѣйствія. Если земля неуклонно и неизмѣнно (въ доступныхъ нашему наблюденію предѣлахъ) движется по своей орбитѣ, то далеко нельзя того же сказать про движенія клѣтки. Въ движеніяхъ послѣдней заключается цѣлый рядъ возможностей, а самый результатъ отнюдь не представляется чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Употребляя философскіе термины, а мы можемъ сказать, что, вмѣстѣ съ усложненіемъ причинъ, категорія должнаго осложняется категоріей возможнаго. Чѣмъ выше ступень жизни, тѣмъ сложнѣе дѣйствующія въ послѣдней причины, тѣмъ разнообразнѣе доступныя ей возможности. Тамъ, гдѣ начинается область сознательной жизни, предѣлы возможности столь уже широки, что является новая, неизвѣстная безсознательной жизни, возможность выбора между ними, т. е. мысль и чувство, комбинируя, обобщая и пополняя комплексъ причинъ, которыми опредѣляется предстоящій актъ, пополучаютъ среди нихъ рѣшающее значеніе. Такимъ образомъ, сознаніе, въ которомъ причинность преломляется въ цѣлесообразность, осложняетъ должное еще однимъ элементомъ. Участіе мысли и чувства опредѣляетъ, что изъ всѣхъ возможностей человѣкъ стремится осуществить наиболѣе желательную.

Въ понятіи нравственнаго долга мыслятся всѣ три категоріи, т. е. не только должное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возможное и

желательное. И ни одна изъ этихъ категорій не имѣетъ сверхъопытнаго происхожденія.

V.

Я нѣсколько увлекся и, можетъ быть, черезчуръ долго задержалъ вниманіе читателей на „пустой формѣ“ нравственнаго долженствованія. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ, несравненно важнѣе внутреннее содержаніе послѣдняго, раскрыть которое тщетно пытаются метафизики. Я думаю, что и въ этомъ отношеніи указанія опытнаго знанія могутъ быть несравненно плодотворнѣе чистаго умозрѣнія. Попытаемся, во всякомъ случаѣ, отмѣтить нѣкоторыя „вѣхи“, поставленныя уже наукой для пытливой мысли.

Каковы бы ни были причины, опредѣляющія собою дѣятельность организованнаго существа, онѣ всегда сказываются въ немъ въ формѣ той или иной потребности. На высшихъ ступеняхъ органическаго міра потребности очень многочисленны и разнообразны. Среди потребностей, свойственныхъ человѣку, мы находимъ уже столь различныя, какъ потребность въ воздухѣ и пищѣ, съ одной стороны, и стремленіе къ истинѣ и жажда нравственнаго подвига, — съ другой. Откуда взялось это многоразличіе потребностей и, въ частности, какимъ образомъ возникли высшія изъ нихъ?

Вопросъ о происхожденіи и эволюціи потребностей, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается мало изслѣдованнымъ. Какъ бы то ни было, кое-какія указанія на этотъ счетъ мы уже имѣемъ. Наука знаетъ двѣ основныхъ потребности, свойственныхъ органическому міру на всѣхъ его ступеняхъ. Это, съ одной стороны, потребность самосохраненія, съ другой — потребность сохраненія рода или вида. Если хотите, это даже одна потребность,—потребность самосохраненi, въ пространствѣ и во времени, потребность въ безсмертіи, осуществляемая лишь въ двухъ формахъ: въ возможномъ продленіи, съ одной стороны, индивидуальной жизни, съ другой—видовой. Съ эволюціонной точки зрѣнія въ происхожденіи этихъ потребностей нѣтъ ничего метафизическаго. Изо всѣхъ клѣтокъ, какія могли образоваться въ мірѣ, изо всѣхъ возможныхъ скопленій этихъ клѣтокъ, въ силу естественнаго

отбора, могли получить распространеніе лишь тѣ клѣтки и тѣ скопленія ихъ, которыя по своему строенію были способны къ самосохраненію и размноженію. Всѣ остальныя соединенія, если они не были столь прочны, какъ неорганическія тѣла, неизбѣжно должны были быть мимолетны.

Такимъ образомъ, потребность сохраненія индивида и рода должна была получить мѣсто въ жизни вмѣстѣ съ возникновеніемъ органическаго міра, на самыхъ первыхъ ступеняхъ его, т. е. задолго до появленія сознанія. По своему происхожденію эта потребность, несомнѣнно, глубоко причинна, т. е. обусловлена опредѣленнымъ сочетаніемъ элементовъ и силъ; съ другой стороны, она вполнѣ цѣлесообразна. Тамъ же, „до сознанія“, началась и эволюція потребностей.

Общее направленіе эволюціи въ органическомъ мірѣ, какъ извѣстно, заключается въ усложненіи жизни. При этомъ происходятъ два параллельныхъ и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ процесса: съ одной стороны, происходитъ умноженіе и дифференціація органовъ, съ другой — умноженіе и дифференціація ихъ функцій. Привлекать внѣшнее предопредѣленіе, разумную волю абсолюта для объясненія такого именно направленія въ развитіи жизни наука не встрѣчаетъ надобности. Она близка уже къ тому, чтобы дать ему механическое истолкованіе. Работы Дарвина и его преемниковъ бросили во всякомъ случаѣ достаточный лучъ свѣта на происхожденіе видовъ, различающихся своими органами, и ихъ функціями.

Для насъ важно въ данномъ случаѣ отмѣтить, что не только всякое измѣненіе въ морфологическомъ строеніи организма неразрывно связано съ измѣненіемъ его физіологическихъ функцій, но и, наоборотъ, всякая перемѣна, какая вносится въ отправленія организма извнѣ, неизбѣжно почти сказывается на его строеніи. Благодаря этому, происходитъ то, что средства, которыми пользуется организмъ для удовлетворенія своихъ потребностей, измѣняя его строеніе, постепенно становятся для него цѣлями новыхъ потребностей. Для сохраненія сложнаго организма наиболѣе благопріятнымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ оказался, напримѣръ, обмѣнъ веществъ. Важнѣйшими средствами для такого обмѣна на извѣстной ступени органическаго міра явились дыханіе и питаніе. Возникновеніе и развитіе соотвѣтствующихъ

органовъ имѣло, однако, своимъ послѣдствіемъ то, что какъ потребность въ воздухѣ, такъ и потребность въ пищѣ получили для живого существа самостоятельное значеніе. Если бы обмѣнъ веществъ сталъ происходить совершенно инымъ путемъ, то указанныя потребности все таки исчезли бы не сразу и не прежде, чѣмъ атрофировались бы служащіе для нихъ органы. Движеніе— это только средство для добыванія пищи и для активной и пассивной самозащиты; снабженный мускулатурой, организмъ испытываетъ, однако, потребность въ движеніяхъ, какъ въ чемъ-то такомъ, что само по себѣ доставляетъ удовольствіе. Знаніе для человѣка это прежде всего средство въ борьбѣ за существованіе; на извѣстной ступени развитія оно дѣлается, однако, самодовлѣющею цѣлью и стремленіе къ истинѣ является одной изъ важнѣйшихъ потребностей человѣческаго духа. Эти примѣры превращенія средствъ въ цѣли можно было бы продолжить до безконечности. Такъ какъ для одной и той же цѣли могутъ служить многоразличныя средства, то уже въ этомъ одномъ можно было бы найти достаточную причину для умноженія и дифференціаціи потребностей.

Послѣднія, какъ мы уже сказали, всегда сопряжены съ соотвѣтствующими измѣненіями въ самомъ организмѣ, въ его клѣткахъ, въ ихъ сочетаніи. Такъ какъ каждая клѣтка и каждое сочетаніе клѣтокъ, въ силу указанныхъ выше причинъ, обладаетъ потребностью самосохраненія, то для живого существа въ цѣломъ эта потребность отнюдь не ограничивается однимъ фактомъ существованія; она заключается въ сохраненіи организма со всѣми его наслѣдственными и благопріобрѣтенными особенностями. Стремиться къ сохраненію своей личности со всѣми ея силами, способностями и потребностями, стремиться къ сохраненію ея въ настоящемъ и будущемъ, пользоваться для этого всѣми доступными средствами и, стало быть, всѣми возможностями для дальнѣйшаго ея развитія,—это, если хотите, дѣйствительно, „естественное“,—и при томъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—право человѣка. Ничего метафизическаго, сверхъ-опытнаго или сверхъ-естественнаго въ его происхожденіи и содержаніи нѣтъ. Не отъ „абсолюта“ оно происходитъ, а изъ тѣхъ элементовъ силы и матеріи, которые скомбинированы въ человѣческомъ организмѣ; не сліяніе съ извѣстнымъ божествомъ имѣетъ оно своею

цѣлью, а сохраненіе личности и неразрывно связанное съ нимъ ея дальнѣйшее развитіе. Основная потребность къ сохраненію индивида и вида, проникающая буквально весь организмъ, является, такимъ образомъ, источникомъ всѣхъ „императивовъ",— отъ безсознательныхъ влеченій до идеальныхъ стремленій,—какія свойственны человѣку; оно же даетъ направленіе и содержаніе всей, какъ инстинктивной, такъ и сознательно-разумной жизни личности.

Обособившіяся и получившія самостоятельное значеніе потребности могутъ, однако, оказаться въ противорѣчіи съ другими потребностями и въ концѣ концовъ сдѣлаться даже гибельными для индивида или вида. Потребность въ пищѣ можетъ развиться до обжорства и привести организмъ къ гибели. Удовлетвореніе полового чувства можетъ занять не подобающее мѣсто въ жизни и не только оттѣснить другія потребности на задній планъ, но и расшатать всю нервную организацію. Не только чрезмѣрное развитіе той или иной потребности, но и употребленіе не надлежащихъ средствъ для удовлетворенія можетъ сказаться такими же гибельными послѣдствіями для организма. Употребленіе опія, табаку или алкоголя въ цѣляхъ нервнаго возбужденія можетъ укоренить потребность въ нихъ и, такимъ образомъ, вмѣсто увеличенія жизнеспобности организма, повести къ ослабленію ея. Изъ всѣхъ такихъ противорѣчій особенно легко возникаютъ и особенное значеніе имѣютъ тѣ, которыя возможны между двумя развѣтвленіями основной потребности,—между потребностью самосохраненія и потребностью сохраненія вида. Сохраненіе и развитіе жизни, такимъ образомъ, не представляетъ изъ себя чего-то прямолинейнаго, предопредѣленнаго, абсолютно-неизбѣжнаго; оно осложнено цѣлымъ рядомъ возможностей, среди которыхъ на ряду съ такими, которыя способны обезпечить личности безсмертіе, встрѣчаются и такія, которыя теперь или въ потомствѣ могутъ привести ее къ гибели. Сдѣлать выборъ между этими возможностями, устранить противорѣчіе между потребностями, достигнуть гармоническаго ихъ сочетанія, — и составляетъ основную задачу нравственно-разумной жизни. Въ біологическомъ мірѣ, въ особенности на низшихъ его ступеняхъ, та же цѣль достигается механически, путемъ атрофированія органовъ, гибели индивидовъ, деградаціи и даже исчезновенія цѣ-

лыхъ видовъ. Въ дальнѣйшемъ вырабатываются инстинкты, удерживающіе даже самыхъ кровожадныхъ звѣрей отъ взаимнаго пожиранія или научающіе травоядное животное отличать ядовитыя растенія отъ безвредныхъ. На высшей же ступени органическаго міра, въ человѣкѣ,—гдѣ цѣнность жизни достигаетъ своего максимума, къ выполненію той же задачи привлекаются новые факторы,—мысль и чувство. На стражѣ цѣлости личности и общества здѣсь стоятъ уже честь и совѣсть.

Послѣднія, конечно, не представляютъ изъ себя чего-либо неподвижнаго, закоченѣвшаго въ своей формѣ или въ своемъ содержаніи. Вмѣстѣ съ развитіемъ духовной жизни отдѣльнаго человѣка, вмѣстѣ съ поступательнымъ ходомъ исторіи всего человѣчества эволюціонируютъ честь и совѣсть. Какъ и въ остальныхъ частяхъ своей статьи, я позволю себѣ отмѣтить здѣсь лишь общее направленіе, въ которомъ совершается эта эволюція.

Когда въ дракѣ человѣкъ съ остервенѣніемъ отвѣчаетъ на удары другихъ людей, то въ этомъ актѣ мы еще не увидимъ проявленія чувства чести. Когда мать, слѣдуя инстинкту, кормитъ своего ребенка, то мы не станемъ еще ея дѣяніе квалифицировать, какъ выполненіе нравственнаго долга. И пѣтухи вѣдь дерутся, и волчицы выкармливаютъ своихъ дѣтенышей. Однако, такимъ же точно актамъ при нѣкоторыхъ условіяхъ мы склонны давать и нравственную оцѣнку. Если тотъ же человѣкъ, —допустимъ, въ той же обстановкѣ,—наноситъ ударъ въ защиту своей личности, одушевленный идеей ея неприкосновенности, то мы не усомнимся признать, что въ немъ говоритъ чувство чести. Если мать, имѣющая возможность уклониться отъ выполненія трудной обязанности, тѣмъ не менѣе, сознавая свою нравственную отвѣтственность передъ потомствомъ, выполняетъ лежащій на ней долгъ, то мы не откажемъ ей въ признаніи извѣстной нравственной силы. Для того, чтобы тѣ или иные акты мы квалифицировали какъ выполненіе долга чести или долга совѣсти, необходимо, такимъ образомъ, чтобы имъ сопутствовала нѣкоторая обобщающая мысль, нѣкоторая идея.

Сила чувства, заставляющая людей выполнять свой долгъ, можно думать, остается неизмѣнной. Во всѣ времена находились люди, которые во имя долга чести или совѣсти шли на подвигъ и даже на смерть. Можно думать, что императивъ инстинкта въ

этомъ отношеніи не менѣе даже властенъ, чѣмъ велѣніе сознательнаго чувства. Но идея, сопутствующая этому чувству, отнюдь не остается неизмѣнной ни въ своемъ объемѣ, ни въ своемъ содержаніи. Она-то и эволюціонируетъ въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ.

Идея чести не всегда и не вездѣ покрывала и покрываетъ всего человѣка. Понятіе о физической неприкосновенности и притомъ, главнымъ образомъ, со стороны жизни и здоровья личности, нужно думать, вначалѣ исчерпывала, а для многихъ и сейчасъ исчерпываетъ, идею чести. Лишь позднѣе, расширяясь и углубляясь, послѣднее охватываетъ понятіе о душевной неприкосновенности всей личности со всѣми ея силами и потребностями. Каждый изъ насъ знаетъ людей, которые не перенесутъ удара, но которые стерпятъ грубое слово или другое какое-либо еще болѣе тонкое насиліе. Я думаю, что даже въ людяхъ съ высоко развитымъ чувствомъ чести, послѣднее защищаетъ сейчасъ далеко не всю ихъ личность со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія. Вполнѣ возможно, что наши потомки не захотятъ мириться съ очень многимъ изъ того, въ чемъ мы теперь не видимъ ничего для себя оскорбительнаго.

Съ другой стороны, идея чести не всегда и не вездѣ покрывала и покрываетъ всякаго человѣка. Нужно ли напоминать въ этомъ случаѣ такъ долго господствовавшую и доселѣ не утратившую своего значенія идею національной, сословной и всякой иной групповой чести? Идея общечеловѣческой чести несомнѣнно въ исторіи явилась позднѣе и не пріобрѣла еще господствующаго положенія въ умахъ и тѣмъ болѣе въ сердцахъ современнаго человѣчества. Воплотить ее въ жизни—предстоитъ будущему. Точно также и идея совѣсти не брала и не беретъ подъ свою защиту всего человѣка и тѣмъ болѣе всякаго человѣка. Сердцамъ многихъ близка и понятна нужда ближняго въ хлѣбѣ, но имъ не понятна потребность того же ближняго, напримѣръ, въ знаніи. Чувство совѣсти не позволитъ многимъ равнодушно отнестись къ страданіямъ окружающихъ людей, но оно глухо у нихъ къ страданіямъ и воплямъ тѣхъ, которыхъ не видно глазу и не слышно уху. Есть люди, которые принимаютъ близко къ сердцу нужды современности и которымъ чужды интересы будущаго. Почти каждый сознаетъ свой долгъ работать на пользу своей семьи,

очень многіе—на пользу своей мѣстности, сравнительно немногіе— на пользу государства и единицы лишь—на пользу человѣчества. Семья, родъ, племя, нація, государство, человѣчество — вотъ совершенно ясные этапы, которыми въ исторіи шло развитіе идеи совѣсти. Этапы эти намѣчаютъ столь опредѣленное направленіе, что сомнѣваться въ конечномъ торжествѣ правды на землѣ не приходится.

Да, мы можемъ имѣть „отрадную увѣренность, что все доброе и разумное въ концѣ-концовъ восторжествуетъ и непобѣдимо", ибо это торжество — результатъ развитія всей жизни, для насъ же—это дѣло нашей чести и совѣсти. И ни къ какимъ абсолютамъ за подкрѣпленіемъ этой увѣренности мы не обратимся.

Я не задавался цѣлью рѣшать проблемы совѣсти и чести во всемъ ихъ объемѣ и во всей ихъ сложности. Для этого нужны, конечно, не мои силы и не мои знанія. Моя задача была скромнѣе. Какъ публицистъ, я считалъ своимъ долгомъ напомнить, что эти проблемы на землѣ возникли, и здѣсь же, а не въ „потустороннемъ" мірѣ нужно искать и рѣшеніе имъ. Въ мѣру своихъ знаній и умѣнья я постарался намѣтить лишь общую линію для такихъ поисковъ. Возможно, что нѣкоторыя отмѣченныя мною „вѣхи" стоятъ въ сторонѣ отъ той дороги, которую проложитъ въ концѣ-концовъ положительное знаніе. Но я не сомнѣваюсь, что общее направленіе пути, на которомъ люди найдутъ разрѣшеніе сложнымъ вопросамъ мысли и жизни, останется то же: отъ неорганическаго міра, отъ явленій, происходящихъ въ космической и химической сферѣ, они будутъ идти прямымъ путемъ до самыхъ сложныхъ проявленій человѣческаго духа. Какъ бы ни былъ путь длиненъ, однако, на всемъ своемъ протяженіи, — я увѣренъ, — онъ ни разу не выйдетъ за предѣлы эмпирической дѣйствительности.

Я готовъ идти дальше и признать, что положительная наука ни сейчасъ, ни въ ближайшемъ будущемъ не способна дать стройную и вполнѣ законченную систему міропониманія. Это ея конечная цѣль, къ которой она подойдетъ лишь послѣ многихъ недоумѣній, недомолвокъ и ошибокъ. Отрѣшившись отъ научныхъ

методовъ и предавшись чистому умозрѣнію, можно, конечно, и сейчасъ построить „цѣлый чудный городъ, съ башнями, дворцами“. И если бы гг. философы занялись этимъ на досугѣ, ради „отвлеченныхъ интересовъ мысли“, то я, пожалуй, ничего не имѣлъ бы противъ. Но вѣдь ихъ метафизика претендуетъ на участіе и даже на руководство въ рѣшеніи „сложныхъ вопросовъ жизни“, которыхъ такъ много и которые такъ остры сейчасъ. Вотъ почему, обращаясь къ читателю, мнѣ хочется повторить ему слова Надсона:

Милый другъ, не вѣрь сіяющимъ обманамъ:
Этотъ городъ—призракъ; онъ тебѣ солжетъ, —
Онъ тебя пронижетъ вѣтромъ и туманомъ,
Онъ тебя холоднымъ мракомъ обойметъ.
Милый другъ, не рвись усталою душою
Отъ земли, порочной родины своей—
Нѣтъ, трудись съ землею и страдай съ землею
Общимъ тяжкимъ горемъ братьевъ и людей.

Только оставаясь въ мірѣ дѣйствительности, и можно найти правду жизни и силу для нравственнаго подвига, къ которому такъ властно зоветъ сейчасъ долгъ чести и совѣсти.

СОДЕРЖАНІЕ:

